

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 **2** (791)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 2 (791)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 2 (791)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)   *С. С. Куанбаева*, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *Т. В. Медведева*, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)   *Л. В. Моисеенко*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *А. И. Мусаев*, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)   *Л. А. Ноздрина*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)   *Т. В. Писанова*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)   *Р. К. Потапова*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)   *О. А. Радченко*, д-р филол. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *М. Н. Русецкая*, д-р пед. наук, проф. (Россия)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)   *И. А. Семина*, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)   *Т. С. Сорочкина*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)   *И. И. Убин*, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Урлова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Аккуратова И.Б.</i> Прагматический аспект использования заимствований в гибридизации лексических единиц понятийного поля «образование» (на материале немецкого языка).....	11
<i>Ананьева К. С.</i> Аналогии образов животных в английских, испанских и русских загадках	22
<i>Анисимова Е.Е.</i> О взаимодействии гастрономического и религиозного дискурсов (культурологический и лингвистический аспекты)	31
<i>Денисова Г. В.</i> Интертекстуальные переводные эквиваленции как культурологический вопрос билингвального сознания (на материале авторских переводов В. В. Набокова)	45
<i>Дойникова М. И.</i> Употребление англоамериканизмов в устной речи носителей немецкого языка	57
<i>Дренясова Т. Н.</i> Временной план медийного дискурса в нидерландском языке	66
<i>Евдокимова А. А., Гринина Е. А.</i> Региональные языки Испании: нормализация, нормативизация, кодификация	77
<i>Исакова Л. Д.</i> Функционирование глагольных терминов в научных текстах: сопоставительный аспект	89
<i>Карташевская Ю. В.</i> Основные направления фонетических исследований в области сегментологии речи	99
<i>Конькова А. С.</i> Реализация локальной структуры текста в ток-шоу как типе дискурса	115
<i>Миронова О. В.</i> Развитие клитических форм определенного артикля в немецком языке	125
<i>Павлов А. В.</i> О возможном подходе к оценке «когнитивной глубины» устных нарративов детей с аутизмом	138

<i>Петрова С. А.</i>	
Стратегии и приемы креолизации французского языка в антильском литературно-художественном дискурсе (по произведениям П. Шамуазо)	149
<i>Раренко М. Б.</i>	
Community interpreting vs социальный перевод	160
<i>Таунсенд К. И.</i>	
Аналитика специоза – перевод первого учебника алгебры в России	169
<i>Травкин С. В.</i>	
Невербальное в вербальном: лингвистические маркеры эмоциональности в серии романов «Меч истины» Т. Гудкайнда	182
<i>Чулкова Е. Д.</i>	
Ономастические средства создания оппозиции «свой – чужой» в художественном тексте (на материале романа Дж. Ле Карре «Шпион, пришедший с холода»)	193
<i>Эйснер С. Н.</i>	
Сопоставление семантики некоторых фразеологических единиц библейского происхождения во французском и русском языках	202

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Жук А. Д.</i>	
Миф и мифотворчество в гимнических циклах И. К. Ф. Гёльдерлина, О. Барбье и С. Георге	210
<i>Зыкова Е. П.</i>	
Романтическое «я» и история: пророческие поэмы Уильяма Блейка	231

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Зверев А. С.</i>	
Ханс Зедльмайер о внутреннем времени произведения искусства	247
<i>Перова Е. Н.</i>	
Изучение памятников старины как выражение патриотизма	257
<i>Силантьев Р. А.</i>	
О некоторых теоретических обоснованиях деструктологии как новой научной дисциплины	262

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Кудрякова И. О., Каюмов А. Т.

Возникновение общества как природного начала
в работах П. А. Кропоткина 271

Самуйлов Г. Н.

Историцизм Жозефа де Местра 281

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Akkuratova I. B.</i> The Pragmatic Aspect of Using Borrowings in the Hybridization of Lexical Units in the Semantic Field of Education	11
<i>Ananyeva K. A.</i> Analogies in Animal Riddles in English, Spanish and Russian Riddles	22
<i>Anisimova E. E.</i> On the Interaction of the Gastronomical and Religious Discourse (Cultural and Linguistic Aspect)	31
<i>Denissova G. V.</i> Intertextual Correspondences as Culturological Units of Bilingual Mind (based on Nabokov's Self-Translations)	45
<i>Doynikova M. I.</i> The Use of Anglo-Americanism Borrowings in German Oral Discourse	57
<i>Drenyasova T. N.</i> The Use of Tense Forms in Dutch Media Discourse	66
<i>Evdokimova A. A., Grinina E. A.</i> Regional Languages of Spain: Normalization, Standardization, Codification	77
<i>Isakova L. D.</i> The Functioning of Verbal Terms in Scientific Texts. Comparative Aspect	89
<i>Kartashevskaya Y. V.</i> The Main Areas of Phonetic Speech Segmentation Studies	99
<i>Konkova A. S.</i> The Use of Local Text Structures in the Talk-Show as a Type of Discourse	115
<i>Mironova O. V.</i> The Development of the Fusion Forms of the Definite Article in German	125
<i>Pavlov A. V.</i> A Feasible Approach to Assessing Cognitive Depth of Oral Narratives by Autistic Children	138

<i>Petrova S. A.</i>	
The Means and Strategies of Creolization in French Antilles Belle-Lettres Discourse (Based on the Works by P. Chamoiseau)	149
<i>Rarenko M. B.</i>	
«Community Interpreting» vs «Social Translation (Interpreting)»	160
<i>Taunzend K. I.</i>	
Analysis Speciosa – the Translation of the First Algebra Textbook in Russia	169
<i>Travkin S. V.</i>	
Non-verbal vs Verbal: Linguistic markers of emotionality in “The Swords of Truth” by T. Goodkind	182
<i>Chulkova E. D.</i>	
Onomastic Means of Creating the Opposition “Self – Other” in Fiction (an Analysis of the Novel “The Spy Who Came in From the Cold” by J. Le Carre)	193
<i>Eisner S. N.</i>	
The Comparison of Semantics of Various Phraseological Units of Biblical Origin in Russian and French	202

LITERARY STUDIES

<i>Zhuk A. D.</i>	
Myth and Mythmaking in the Cycles of Hölderlin’s, Barbier’s and George’s Hymns	210
<i>Zykova E. P.</i>	
Romantic Self and History’ Prophetic Poems of William Blake	231

CULTUROLOGY

<i>Zverev A. S.</i>	
Hans Sedlmayr About an International Time of the Work of Art	247
<i>Perova E. Y.</i>	
The Study of Antiquity Monuments as an Expression of Patriotism	257
<i>Sylantiev R. A.</i>	
On Some Theoretical Studies of Destructology as a New Scientific Discipline	262

PHILOSOPHY

Kudryakova I. O., Kayumov A. T.

The Natural Origin of Society in the Works of P. A. Kropotkin 271

Samuylov G. N.

Maistre's Historical Ideas 281

УДК 81.373.611

И. Б. Аккуратова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка МГЛУ;
соискатель кафедры грамматики и истории немецкого языка;
e-mail: irina_akkuratova@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ГИБРИДИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ОБРАЗОВАНИЕ» (на материале немецкого языка)

В статье рассматривается прагматический аспект использования заимствованных компонентов в гибридных композитах понятийного поля «Образование». Корпус исследованных гибридных лексических единиц составляет 1 тыс. слов. В основе образования большинства слов-гибридов исследуемого понятийного поля лежит словосложение – самый древний, но самый продуктивный способ немецкого словообразования, выявляется преобладание сложных субстантивных соединений, в номинативный комплекс которых включаются полнозначные единицы: экзогенный компонент (заимствованная лексема) и эндогенный компонент (лексическая единица немецкого языка). Доминируют гибриды, образованные при использовании греческих и латинских заимствований, что объясняется широкой распространенностью, а также длительной традицией употребления греко-латинизмов в понятийном поле «Образование». Они принадлежат интернациональному терминологическому фонду, поэтому их участие в гибридизации продиктовано стремлением к генерализации и интернационализации. Однако использование греко-латинизмов в усеченной форме придает словам-гибридам оттенок разговорного стиля (Uni-Abschluss, Abi-Möglichkeit).

Значительную часть заимствованных англицизмов в словах-гибридах понятийного поля «Образование» составляют слова-термины из образовательной сферы и сферы компьютерных технологий, их использование в гибридизации объясняется потребностью в общей терминологии на фоне интеграционных образовательных процессов в Европе. Отмечается серийный характер гибридного словообразования при участии англицизмов в исследуемом понятийном поле. Англицизмы-термины, заимствованные из других терминосистем, подвергаются детерминологизации и используются в метафорическом значении, придавая образность всему гибриду и переводя его из разряда нейтральных слов в разряд стилистически окрашенных (Ausbildungsdumping).

Функционально-прагматический аспект использования французских заимствований знаменуется также процессом детерминологизации и употреблением иноязычного компонента гибрида в метафорическом значении (Ausbildungsoffensive). В этом случае заимствованные галлицизмы в гибридах понятийного поля «Образование» служат для выражения экспрессии и достижения стилистического эффекта употребления. Нередко заимствованные галлицизмы тяготеют к высокому стилю употребления в современном немецком языке, поэтому их использование в гибридных номинациях оправдано коммуникативными потребностями говорящего / пишущего (Exzellenzwettbewerb).

Ключевые слова: заимствования; гибридизация; генерализация; детерминологизация; стилистический эффект; серийность.

Akkuratova I. B.

Senior Lecturer at the Department Of Second Foreign Language, Postgraduate Student at the Department of Grammar and History of German; e-mail: irina_akkuratova@mail.ru

**THE PRAGMATIC ASPECT OF USING BORROWINGS
IN THE HYBRIDIZATION OF LEXICAL UNITS
IN THE SEMANTIC FIELD OF EDUCATION
(on the example of German)**

The article focuses on the pragmatic aspect of using borrowings to form hybrid lexical units which belong to the semantic field of “education”. In our research we studied a 1000 hybrid lexical units. Most hybrid lexemes of the above-mentioned semantic field were formed through the use of composition, the most ancient and the most productive way of word formation in German. The research reveals the dominance of compound substantivated units which include two components: the borrowed lexical unit and the native German one. The hybrids of Greco-Roman origin are predominant, as they are the most widespread. It can also be attributed to the long tradition of their use in the semantic field of “education”. Most of them are international terms and their wide use in the hybridization process can be attributed to the general tendency of generalization and internationalization. At the same time the use of Greco-Roman lexemes in contracted hybrid forms makes those forms more colloquial. (Uni-Abschluss, Abi-Möglichkeit).

The greater part of English borrowings in the hybrid lexical units in the semantic field of education are terms from the spheres of education and computer technologies. Their use is determined by the necessary use of common terminology in the common European educational space. The use of English borrowings in hybridization in the sphere of our research is regular in character. English borrowings from other spheres are used figuratively, due to which the hybrid lexeme acquires a more specific and at the same time metaphorical meaning and becomes an emotive word. (Ausbildungsdumping).

The same observations can be applied to French borrowings. The foreign component of the hybrid is used in a metaphorical meaning. (Ausbildungsoffensive).

In the semantic field of “education” French borrowings are applied for expressivity and often tend to be used in high-flown style in modern German. Their use is determined by the communicative purpose (Exzellenzwettbewerb).

Key words: borrowings; hybridization; generalization; determinology; stylistic effect; serial character.

Введение

Исследованием явления гибридизации в словообразовании в разных языках занимались такие авторитетные лингвисты, как: Э. Хауген (на материале английского языка); В. Фляйшер, И. Барц, П. Мюллер, Х. Мунске, А. Даргиевич, Л. А. Нефедова, О. А. Никитина, Н. И. Вахницкая (на материале немецкого языка); Е. А. Земская (на материале русского языка). Ряд отечественных современных ученых в своих диссертационных исследованиях рассматривают вопросы словообразования с использованием иноязычных элементов: Н. Ю. Суворкина, М. Н. Озолина, Н. А. Кулешова, М. И. Дойникова, С. А. Жилюк, М. А. Кузина, Е. И. Дмитриовская, Ю. М. Калашникова, Т. И. Маркелова и др. Несмотря на растущий интерес ученых к явлению гибридного словообразования, работы на данную тему носят фрагментарный характер.

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью более глубокого изучения процессов гибридизации с целью выявления функционально-прагматического потенциала заимствованных компонентов в гибридных номинациях понятийного поля «Образование». Корпус исследованных нами гибридных лексических единиц составляет 1 тыс. слов.

Методы исследования

Наше исследование выполнено в диахроническом аспекте и охватывает период с 1970 г. по настоящее время. Для решения поставленных задач в работе использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также комплексные методы лингвистического анализа, в том числе метод сплошной выборки, полевой метод, метод компонентного анализа, словообразовательный анализ, количественный метод.

Основная часть

Заимствование и словообразование – это два вектора на пути расширения словарного состава языка, которые пересекаются в процессе

гибридного словообразования. В результате взаимовлияния заимствования и словообразования возникают новые лексемы являющиеся результатом словотворчества и когнитивной деятельности человека, вербализующие новые явления нашей жизни. Гибрид в биологии понимается как организм или клетка, полученные вследствие скрещивания генетически различающихся форм. С опорой на эту трактовку в лингвистике появилось понятие «скрещивание языков», что послужило толчком к исследованию не только межъязыковых процессов, но и к изучению внутриязыковой гибридизации, когда «акцент ставится на внутренних ресурсах развития лексических (под) систем – на продуктивности словообразовательных моделей словосложения, на развитии семантики сложных и сложно-производных слов, на ограничении сочетаемости внутри них, на контаминации и т. д.» [Ирисханова 2010, с. 30]. Кроме того, именно гибридное словообразование показывает, насколько эффективно и продуктивно используются заимствования из различных языков в современном немецком языке в процессе лексической номинации, гибридизация оживляет всю систему немецкого словообразования, дает новые импульсы для ее развития.

В словах-гибридах иноязычные компоненты могут нести экспрессивную нагрузку (*Bildungskatastrophe*, *Gehirnjogging*), делать высказывание современным (*Coaching-Angebote*), оригинальным (*Bafög-Plus*) либо ироничным (*Bafög-Novelle*), исконные компоненты, соединяясь с иноязычными, могут метафорически переосмысляться и создавать стилистический эффект, придавая высказыванию особую яркость (*Überakademisierungswahn*, *Abiturientenberg*, *Akademikerschwemme*). Эти факты свидетельствуют о том, что явление гибридизации больше не является чем-то экстраординарным, а, наоборот, говорит о широком распространении гибридов в речи. Продукты такого гибридного словообразования выступают результатом индивидуальной оценки фактов объективной действительности.

Процессы гибридного словообразования при участии исконной и иноязычной лексики ярко прослеживаются в такой динамично развивающейся сфере нашей жизни, как **образование**, существование и успешное функционирование которой является одним из важнейших условий прогресса человечества.

Сферу образования можно представить понятийным полем, которое, вслед за академиком Ю. Н. Карауловым, понимается нами как лексические множества, как все слова, связанные с именем поля.

В составе понятийного поля находят отражение как ассоциативные связи, возникающие спонтанно, являющиеся характеристикой среднего носителя языка, так и семантические связи, но именно логическая полнота определяет структуру понятийного поля [Караулов 1976, с. 175].

При рассмотрении корпуса немецких гибридных композитов понятийного поля «Образование» выявляется преобладание сложных субстантивных соединений, в номинативный комплекс которых включаются полнозначные единицы на основе словосложения: экзогенный компонент (заимствованная лексема) и эндогенный компонент (лексическая единица немецкого языка). Заимствованными компонентами гибридных соединений в исследуемой сфере жизни выступают, преимущественно, греческие и латинские заимствования, а также англоамериканизмы и заимствования из французского языка.

Сравнительный количественный анализ слов-гибридов исследуемого понятийного поля в период с 1970 г. по настоящее время демонстрирует преобладание композитов, в состав которых входят греческие и латинские лексемы (64,3%), выбор которых обусловлен их широкой распространенностью и длительной традицией употребления. Ведь сфера образования является тем сегментом общества, формирование которого происходило в то время, когда влияние латинского языка было первостепенным, поэтому лексический состав понятийного поля «Образование» характеризуется своей консервативностью в употреблении слов иноязычного происхождения. Значение греко-латинских заимствований не развивается, как это происходит в живых языках, следовательно, на передний план выступает их терминологическая семантика.

Греческие и латинские заимствования в силу длительного использования являются глубоко ассимилированным пластом иноязычного материала в современном немецком языке. Поэтому неслучайно, что в гибридной номинации именно они часто выступают в позиции базиса:

Anmeldephase, Ausbildungskombination, Abbrecherquote, Ausbildungssystem, Auslandssemester, Berufsperspektive, Betreuungskultur, Bildungsdiskussion, Forschungsdiskurs, Forschungsprojekt, Grundkurs, Gutachtenformat, Lehrpersonal, Leistungsposition, Leistungspunkt, Lernrevolution, Schlüsselkompetenz, Unterrichtsqualität, Wirtschaftsgymnasien,

Wissenschaftsportal, Wissenstransfer, Zeugniskonferenz, Zulassungskriterien, Zusatzqualifikation и др.

Многие занимают начальную позицию в словах-гибридах и выполняют атрибутивную функцию:

Akademikerschwemme, Biologiearbeit, Universitätsbetrieb, Immatrikulationshürde, Kompetenzentwicklung и др.

Приведенные в примерах греческие и латинские заимствования (*Phase, Kombination, Quote, System, Perspektive, Kultur, Diskussion, Kurs, Format, Position, Qualität, Kriterien, Konferenz* и др.) по праву можно отнести к **европеизмам** – они понимаются без перевода в ряде европейских языков, потому что близки по форме и значению, являются базой для создания международной терминологии [Eisenberg 2012]. Использование их в качестве базиса гибридных композитов отражает современную тенденцию немецкого языка – **генерализацию**, которая проявляется в стремлении говорящего выразить сложные взаимосвязи в одном слове.

Греко-латинизмы и исконные лексемы образуют синонимические пары, например, заимствование *Curriculum* принадлежит интернациональному терминологическому фонду и является стилистическим синонимом исконному слову *Lehrplan*. Использование именно латинизма термина в композитном словообразовании (*Erweiterungscurricula*) может быть продиктовано желанием придерживаться официального стиля общения с целью привлечения внимания реципиента посредством использования интернациональной терминологии.

С диахронической точки зрения существенным является факт использования одной и той же иноязычной лексемы в гибридном словообразовании для вербализации разных явлений внеязыковой действительности. Так, показательным является использование в гибридной номинации понятийного поля «Образование» лексем греческого происхождения *Akademiker* – человек с высшим образованием и *Akademisierung* (букв. ‘академизация’, слово, характеризующее в немецком языке тенденцию к популярности высшего образования). В 1970-е гг. лексема *Akademiker* появляется в гибриде *Akademikerkinder*, показывая кастовость высшего образования, а также типичный для того времени факт обучения в высшей школе детей, родители которых имели высшее образование. Сегодня та же лексема *Akademiker* выступает в гибридной номинации, вербализуя совершенно противоположную

тенденцию развития образования, и в свете критики Болонского процесса и развития двухступенчатой образовательной системы мы имеем наряду с *Akademiker-Nachwuchs* – молодежь, имеющая высшее образование такие гибриды, как: *Akademikerschwemme* – наплыв выпускников вузов, *Akademisierungswahn* – безумие, ажиотаж по поводу получения высшего образования и *Überakademesierungswahn*, где приставка *über* в значении «избыточно, сверх» усиливает семантику гибридного соединения, что подчеркивает факт перенасыщенности рынка труда людьми с высшим образованием. Следовательно, по сравнению с 1970 г., сегодня лексема *Akademiker* используется в гибридных номинациях, в том числе для вербализации негативных явлений в сфере образования.

Греческие и латинские заимствования, вербализующие ключевые понятия понятийного поля «Образование», используются часто в усеченной форме (*Uni-Abschluss, Uni-Aus, Abi-Möglichkeit, Jura-Bewerber, Matheleistungen, Infoveranstaltung, Infotage*), что придает словам-гибридам оттенок разговорного стиля. Применяя принципы универбации и языковой экономии, в гибридной номинации используются продукты словослияния иноязычных корней (*Audimax (Auditorium + Maximum) – Audimax-Besetzung*), что может быть оправдано потребностью употребления профессионализмов. Использование интернациональных терминоэлементов греко-латинского происхождения (*Geowissenschaft, Mini-Kindergarten, Mini-Hauptschulen*) отвечает современной тенденции – **интернационализации** словаря.

Число гибридов с компонентами-англицизмами в исследуемом нами корпусе значительно меньше по сравнению с гибридными единицами, компонентами которых являются элементы из латинского и греческого языков, и составляет 21,5% (215 слов) от общего числа гибридов (1 тыс. слов). Лингвопрагматический аспект использования англицизмов в гибридизации лексических единиц понятийного поля «Образование» отличается от мотивов использования греческих и латинских корней. Будучи не полностью ассимилированными фонетически (*Multiple-Choice* ['mʌltɪplɪtʃɔɪs]), графически (*tool* [tu:l]) и морфологически (*die Partys*) немецким языком, они проявляют мощные словообразовательные возможности и входят в состав композитов, занимая начальную (*Workshop-Teilnehmer*) или финальную (*Prüfungstool*) позиции, а также позицию в середине сложного слова (*Bafög-Online-Antrag*). Большинство англицизмов пришли в немецкий

язык вместе с обозначающими их понятиями на фоне интеграционных образовательных процессов в Европе: *Test, Master, Bachelor, Workshop, Multiple-Choice* и др. Они активно используются в гибридных номинациях, при этом отмечается серийный характер словообразования как особенность их функционирования в системе немецкого языка. Появление гибрида с участием нового англицизма в понятийном поле «Образование» повлекло за собой возникновение серии гибридных лексических единиц:

Multiple-Choice-Aufgaben, Multiple-Choice-Fragen,
Multiple-Choice-Verfahren, Multiple-Choice-Wettbewerb;
Bachelorabschlüsse, Bachelor-Arbeit, Bachelorarbeit,
Bachelorjahrgang, Bachelor-Studiengänge;
Workshop-Reihe, Workshop-Teilnehmer, Workshoptermin,
Themen-Workshop, Schlüsselkompetenzworkshop и др.

Новым иноязычным компонентом в этом ряду является аббревиатура *PISA*. Англоязычное сокращение *PISA* (*Programme for International Student Assessment = Programm für eine internationale Schülerbeurteilung*) проникло в лексику понятийного поля «Образование» с 2000 г., когда в Германии впервые стартовала программа по оценке знаний школьников в рамках ОБСЕ. Первые результаты теста в 2000 г. были неутешительными, из 32 стран Германия заняла 21 место, это означало очень низкий уровень развития компетенций немецких школьников, что вылилось в понятие *PISA-Schock*. В связи с этим англоязычное сокращение *PISA* приобрело в Германии негативную коннотацию как напоминание о низком качестве школьного образования. Тест проводится каждые три года и позволяет выявить преимущества и недостатки образовательной системы, показать эффективность процесса обучения. Внеязыковая действительность нашла отражение в лингвистической номинации, где заимствованная аббревиатура *PISA* в качестве первого компонента композитов употребляется в гибридном словосложении: *PISA-Erhebungen, PISA-Erhebungsrunde, Pisa-Schwerpunkt, PISA-Teilnehmerstaaten, PISA-Testtag*.

Появление в глобальном европейском пространстве в начале XXI в. новых коммуникационных технологий и проникновение их в сферу образования дало толчок к развитию нового типа обучения – дистанционного, что нашло отражение в языке как понятие *E-Learning* [англ. electronic learning = «elektronisches Lernen»]. Англицизм

успешно участвует в гибридизации (*E-Learning-Förderprogramm, E-Learning-Förderung*), однако отмечены случаи с раздельным написанием компонентов гибридного композита с данным заимствованием: *E-Learning Angebote*. По правилам немецкой орфографии требуется дефис, если перед исконным словом стоит английское заимствование. Другим примером такого графического оформления гибридов является лексема *Non-EU Teaching Mobility Aufenthalt*, обнаруженная нами на сайте Венского университета в 2017 г.: *Was war der Mehrwert Ihres Non-EU Teaching Mobility Aufenthalts an der Universität Wien für Ihre Lehre und Forschung?* (www.univie.ac.at/). Таким образом, приведенные гибридные лексемы позволяют говорить о новой возможности написания сложных слов с компонентами-англицизмами в немецком языке. Можно предположить, что с проникновением англицизмов в понятийное поле «Образование» происходит также интеграция англоязычных способов графического оформления сложных слов. Как известно, в английском языке допускается три вида написания композитов: слитное, через дефис и раздельное.

Кроме того, в гибридных номинациях понятийного поля «Образование» участвуют англоязычные термины, заимствованные из других терминосистем, в этом случае речь идет об «образном использовании терминов иных профессиональных полей» [Суперанская, Подольская, Васильева 2009, с. 212]. Так, расширением сферы употребления характеризуется англоязычный термин *Modul*, заимствованный из терминологии по электротехнике. В понятийном поле «Образование» со значением «единица обучения на определенных курсах» лексема *Modul* образует гибриды, занимая начальную позицию в слове (*Modulangebot, Modulprüfung, Modulhochschule*), а также выступает в позиции базиса, сочетаясь с основой немецкого глагола (*Lernmodul*) или с исконным существительным (*Pflichtmodul*).

Экспрессивность и образность гибрида могут создаваться благодаря процессу **детерминологизации** заимствований, выражающемуся в том, что употребление термина-заимствования в составе гибрида, значит, в новом языковом окружении, ведет к переосмыслению и приобретению им переносных значений, например: *Ausbildungsdumping* «необходимая мера по обучению людей, направленная на скорейшую адаптацию их в обществе при минимальных затратах со стороны государства». Гибрид появился в понятийном поле «Образование»

в 2015 г. в связи с возможным обучением и трудоустройством мигрантов. Терминологическая семантика англицизма *dumping* «продажа товаров и услуг по искусственно заниженным ценам» теряется в сочетании с исконной лексемой *Ausbildung*, наблюдается метафорический перенос по функции, в результате чего ослабевает терминологическое значение заимствования, а с сохранением образности приобретает переносное значение. Таким образом, используемые в гибридизации англицизмы-термины в метафорическом значении несут экспрессивную нагрузку и переводят гибрид из разряда нейтральных слов в разряд стилистически окрашенных.

Количество гибридных единиц понятийного поля «Образование», иноязычными компонентами которых являются заимствования из французского языка, составляет 14,1 % в исследуемом нами корпусе. Функционально-прагматический аспект использования французских заимствований знаменует также в большинстве случаев процессом детерминологизации и употреблением иноязычного компонента гибрида в метафорическом значении, например: *Ausbildungs***offensive**, *Leistungs***defizit**, *Fach***porträts**, *Angebots***palette**. Из примеров видно, что заимствованные галлицизмы в гибридах понятийного поля «Образование» используются для выражения экспрессии и достижения стилистического эффекта употребления. Кроме того, известно, что заимствованные галлицизмы тяготеют к высокому стилю употребления в современном немецком языке, поэтому их использование в гибридных номинациях часто оправдано коммуникативными потребностями говорящего / пишущего: *Elite***förderung**, *Exzellenz***wettbewerb**, *Bildungs***ressourcen**, *Ausbildungs***niveau**, *Erziehungs***ideal**, *Bildungs***setat**.

Особо следует выделить заимствование *Elite*, которое проявляет частотность и продуктивность в гибридном словообразовании исследуемого понятийного поля. В немецком сообществе под понятием *Elite* понимаются учащиеся гимназий, а в дальнейшем студенты университетов как самый передовой и прогрессивный слой населения, надежда и будущее страны. Интересным является факт, что в начале исследуемого периода (1970) заимствование обнаружено нами лишь в одном гибриде *Elite-Ausbildung*, сегодня, в начале XXI в., оно образует целое композитное поле гибридов:

Elitebildung, **Eliteeinrichtungen**, **Elite-Fieber**, **Eliteforscher**,
Eliteförderung, **Elitehochschulen**, **Eliteschmieden**, **Elite-Wettbewerb**,
Elitewettbewerb.

Таким образом, лингвопрагматический аспект использования заимствованных лексем в процессах гибридизации понятийного поля «Образование» дифференцируется по языкам. Греко-латинский пласт заимствований принадлежит к интернациональному терминологическому фонду, поэтому использование этих компонентов в гибридизации отвечает условиям европейской образовательной интеграции. Заимствования-термины из французского и английского языков в гибридных номинациях часто подвергаются процессу детерминологизации, выбор заимствований оправдан целями достижения стилистического эффекта, так как они несут экспрессивную нагрузку и окрашивают гибридные образования. Однако в то время как галлицизмы нередко тяготеют к высокому стилю употребления, использование англицизмов может быть продиктовано удобством их использования в силу присущей им краткости и высокой серийной словообразовательной продуктивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ирисханова О. К.* О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // *Этнокультурные и дискурсивные проблемы лингвистики*. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 27–44. (Вестн. моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 24 (603). Серия Языкознание).
- Караулов Ю. Н.* *Общая и русская идеография*. М.: Наука, 1976. 356 с.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* *Общая терминология: Вопросы теории* / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
- Eisenberg P.* *Das Fremdwort im Deutschen*. 2., überarbeitete Auflage. Göttingen : Hubert & Co. GmbH & Co. KG, 2012. 440 S.

УДК 81'373

К. А. Ананьева

преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: sunnykrista@mail.ru

АНАЛОГИИ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В АНГЛИЙСКИХ, ИСПАНСКИХ И РУССКИХ ЗАГАДКАХ

В статье рассматривается использование аналогичных образов животного мира в загадках английского, испанского и русского языков. В процессе загадывания и разгадывания у отгадывающего возникают определенные образы, которые влияют на скорость и точность предъявления ответа. Целью написания данной статьи является проверка гипотезы о том, что в разных языках (английский, испанский, русский) одни и те же предметы часто загаданы через похожие или полностью совпадающие образы животных или человека. Для проверки упомянутой выше гипотезы был проведен эксперимент, в ходе которого были установлены подобные образы и их влияние на процесс разгадывания загадки.

В эксперименте приняли участие 46 русскоязычных студентов, которым предлагались загадки на английском, испанском и русском языках о предметах повседневного быта (стул, стол и т. д.). При анализе полученных результатов удалось установить, что:

1) большинство студентов, участвовавших в эксперименте, довольно ясно представляют себе образы человека или животного при первых прочтениях загадки;

2) более детально проработанный образ в загадке приводит к повышению скорости угадывания и корректности угаданных объектов,

3) меньшее число деталей образа приводит к появлению побочных вариантов ответа, фреймовые модели которых схожи с моделью загаданного объекта по одному или двум упоминаемым ключевым признакам;

4) многозначные слова, обозначающие части тела как живого существа (человека или животного), так и неодушевленного предмета (например, зубы – зубья) помогают отгадывающему правильно восстановить некорректно заполненные слоты в загадке и приводят к верному ответу.

Таким образом, на основе полученных выводов можно судить о правомерности выдвинутой гипотезы о том, что при загадывании и отгадывании загадок о похожих или одинаковых предметах на английском, испанском и русском языках возникают схожие образы животных или людей, помогающих при нахождении ответа.

Ключевые слова: загадка; фрейм; уподобление фреймов; механизм кодирования и декодирования информации.

Ananyeva K. A.

Lecturer, Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, Moscow State Linguistic University; e-mail: sunnykrista@mail.ru

ANALOGIES IN ANIMAL IMAGES IN ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN RIDDLES

The article «Analogies in animal images in English, Spanish and Russian riddles» describes the use of analogical images of the animal world in the riddles of the English, Spanish and Russian languages. In the process of riddling and unriddling the riddle solver has some definite images that influence the speed of unriddling and giving the exact answer. The aim of the present article is to prove a hypothesis that in different languages (English, Spanish, Russian) the same objects are riddled through similar or the same human or animal images. To prove that an experiment was held which helped to define such images and their influence on the unriddling process.

Forty six Russian speaking students took part in the experiment. They were offered to solve English, Spanish and Russian riddles about everyday common things (a chair, a table, etc.). The analysis of the results showed that: 1) the majority of the students have a clear human or animal image reading a riddle for the first or second time, 2) a more detailed image leads to an increasing speed of solving and giving the correct answer, 3) a less detailed image results in other variants of the answer whose frame models are similar to the model of the object in question according to one or two key characteristics, 4) polysemic words naming human or animal parts and the parts of an inanimate object help to restore incorrect slots in a riddle and lead to a correct answer.

In conclusion, on the basis of the experiment results the hypothesis about similar human and animal images in English, Spanish and Russian riddles was proved.

Key words: riddle; frame; frame assimilation; information coding and decoding mechanism.

Загадка, являясь частью устного народного творчества, представляет собой опыт и знание многих поколений, передающихся в сжатой форме, следовательно, призвана испытать догадливость и научить ребенка или другого отгадывающего новой ассоциативной форме представления подобных знаний [Сендерович 2008]. В процессе загадывания и разгадывания у отгадывающего возникают определенные образы, которые могут не осознаваться в полной мере и которые довольно трудно выразить эксплицитно, однако все они влияют на скорость и точность разгадывания. При отборе материала методом сплошной выборки из различных письменных и интернет-источников была предложена гипотеза о том, что в разных языках одни и те же предметы часто загаданы одинаково, через похожие или полностью совпадающие образы животных или человека. Фреймовые модели исходного образа, возникающего при загадывании, и конечного образа загаданного предмета накладываются друг на друга или же уподобляются друг другу [Ананьева 2016]. При кодировании информации

загадывающим слоты таких моделей умышленно заполняются неправильно, чтобы затруднить процесс нахождения ответа и помешать отгадывающему. Тем не менее при обнаружении таких неправильно заполненных слотов отгадывающий восстанавливает весь конечный фрейм и приходит к отгадке. Данная форма отгадывания была проверена в ходе специально проведенного эксперимента.

В эксперименте приняли участие 46 русскоязычных студентов, которым предлагались загадки на одном из трех языков (русском, английском, испанском) о предметах повседневного быта, например, стуле, столе, гребне для волос и т. д. Подобные вещи мы видим и используем каждый день, что делает загадки о них более понятными и однозначными, следовательно, и более простыми для отгадывания. Несмотря на предполагаемую быстроту отгадывания, в первой же группе студентов эксперимент занял гораздо больше изначально отведенного на него времени. Планировалось, что студентам будет вполне достаточно 10–15 минут для того, чтобы прочитав 8 загадок, записать образы, которые возникают при загадывании, а затем попытаться найти разгадку. В ходе проведения эксперимента время пришлось увеличить вдвое, до 30 минут. При этом было отмечено, что большие трудности вызывает именно нахождение разгадки: если возникающие образы записывались сразу же после первого прочтения загадки, то на сопоставление исходного фрейма в загадке и конечного фрейма разгадки требовалось гораздо больше времени.

Наибольший процент разгаданных загадок, как и ожидалось, наблюдался в русском варианте – 81%. Затем следует 60% разгаданных загадок на испанском и 45% на английском языках. Несмотря на то, что были загаданы одни и те же предметы, не всегда похожие английские, испанские и русские загадки одинаковы по сложности. На основе полученных данных были сделаны выводы о влиянии детальности описания образов на процесс отгадывания.

Большинство студентов, участвовавших в эксперименте, довольно ясно представляют себе образы человека или животного при первых прочтениях загадки. Наилучшим образом это проявляется в русском и испанском вариантах, например при загадывании стола в следующих загадках:

У него четыре ножки,
На коня похож немножко,
Но не скачет никуда.

И тарелки, чашки, ложки,
И прекрасная еда
На его спине широкой
Разместились без труда.

Tengo patas bien derechas,
mas no me puedo mover,
llevo a cuestas la comida
y no la puedo comer.

Участники эксперимента выделяют следующие образы, возникающие при прочтении русской загадки: 1) животное, например, конь или лошадь – 69 %, черепаха – 7 %, козел – 7 %; 2) стол как первичная и вторичная ассоциация – 30 %; 3) еда на ровной поверхности – 15 %. В испанской загадке проявляются следующие образы: 1) животное, например, еж – 20 %, устрица – 6 %, собака – 6 %, чудовище животного происхождения – 6 %; 2) стол, мебель – 20 %, поднос – 6 %, пакет с едой – 6 %; 3) путешественник с рюкзаком за спиной – 6 %.

Аналогичная английская загадка является наиболее сложно-составной из трех:

I have four legs but I'm not a camel
I'm flat on top but I'm not a horse
I sometimes have leaves but I'm not a tree
I come after coffee but I'm not a shop
I have food put on me but I'm not a plate

В данной загадке эксплицитно присутствуют названия двух животных *camel* и *horse*, но загадывающий говорит, что загаданный объект не является ни тем, ни другим (*I'm not*). Вследствие этого подавляющее большинство студентов в качестве первично возникающего образа указывают именно стол – 67 %. Тем не менее вторичным образом является животное: лошадь – 16 %, кот – 8 %, осел – 8 %, еж – 8 %, собака – 8 %, верблюд – 8 %. Возникли также образы холодильника (8 %) и бревна для пикника (8 %).

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что лексическое наполнение русской загадки наилучшим образом влияет на создание двух образов, нужных для отгадывания, а именно – животного (ложный образ, сбивающий отгадывающего с правильного пути) и стола или поверхности, на которой стоит еда (образ, приводящий к разгадке). Для создания первого образа мы обнаруживаем такие

слова, как *четыре ножки, конь, скачет, спина*. В то же время вторая часть загадки заполнена словами, относящимися к семантическому полю «еда» или «прием пищи», например, *тарелки, чашки, ложки, еда*. В загадке присутствует также конкретная характеристика, выраженная через отрицание и указывающая на ошибку в образе коня, – не скачет. Таким образом, в середине данного речевого произведения отгадывающий, идущий по неправильному пути создания животного образа, переходит на второй образ стола, который и приводит его к правильной разгадке, что подтверждается 100 % разгадываемостью среди студентов.

В испанской загадке присутствует отрицание двух действий по *puedo mover* и *no la puedo comer*. Логично предположить, что у отгадывающего создается менее четкий образ животного, который тем не менее поддерживается словами *cuatro patas* и *llevo a cuestas*, поэтому некоторые студенты ясно представляли себе ежа. Кроме слов *comida* и *comer* ничто не поддерживает образ приема пищи, поэтому данную загадку разгадали 12 человек из 17.

В английской загадке число присутствующих отрицаний равняется пяти. В силу этого любой возникающий образ животного немедленно отвергается, однако создается довольно четкий образ стола с помощью таких слов, как *flat on top* и *food put on me*. Загадка была отгадана 12 раз из 16. Подтвердившиеся в ходе эксперимента первичные и вторичные образы у многих студентов, а также высокий процент отгаданных загадок подтверждают правомерность теории о влиянии замещающихся образов на отгадывание.

В ходе эксперимента было также установлено, что степень детализации фреймовых моделей, лежащих в основе любой загадки, влияет на скорость разгадывания загадки и позволяет с большей вероятностью найти правильный ответ. Данный вывод подтверждается при анализе ответов участников эксперимента на такие загадки, как:

Tengo dientes y no muerdo,
desenredo con cuidado,
caminos abro en tu pelo,
ya sea liso o rizado.

Хоть у нас четыре ножки,
Мы не мышки и не кошки,
Хоть мы все имеем спинки,
Мы не овцы и не свинки,

Мы не кони, хоть на нас
Вы садитесь много раз.

A watchdog at your door am I
You turn me round and still I lie.
I never bark and I never bite,
I keep your things quite safe at night.

В каждой из этих загадок присутствуют определенные фреймовые модели загаданных предметов, а именно стула, гребня для волос и дверного замка. Замещаемые в процессе уподобления фреймов неключевые слоты (например, собака в английской загадке не кусает и не лает) дают более точное представление о загаданном объекте, замке: он не агрессивный, находится в состоянии покоя, однако всё равно надёжно защищает хозяина и его собственность. Посредством проецирования упомянутых характеристик на область загаданного предмета отгадывающий приходит к выводу о том, что это может быть ключ или дверной замок, что и нашло отражение в ответах участников эксперимента, где 13 человек из 16 угадали, о чем идет речь в загадке.

С другой стороны, чем меньше деталей воспроизводится в загадке, чем меньше слотов замещается в фрейме загаданного объекта путем его уподобления другому фрейму (чаще всего животного или человека), тем больше вариантов разгадки возникает у отгадывающего. В подобной ситуации намного сложнее назвать единственно правильный вариант разгадки, что и продемонстрировал проведенный эксперимент, в котором одной из предложенных была загадка про время:

Без ног и без крыльев оно,
Быстро летит, не догонишь его.

Так как в данной загадке фреймовая структура представляется довольно общей (не слишком детальной) по сравнению с теми, что можно было наблюдать в загадках про стулья или гребень для волос, у отгадывающих возникает множество вариантов разгадки, фреймовая модель которых может быть уподоблена птице без крыльев, которую невозможно догнать. Это и ветер (46 %), и письмо (23 %), и время (23 %) и даже ракета (7 %).

В ходе анализа процентного соотношения ответов студентов становится также понятно, что местоимение среднего рода оно, присутствующее в данной загадке, почти не влияет на нахождение правильного ответа (правильная разгадка время также является существительным

среднего рода). Тем не менее отметим, что в целом лишь в небольшом числе загадок присутствуют те или иные грамматические средства, дающие ключ к правильному ответу, поэтому отгадывающий скорее всего будет опираться исключительно на лексические средства для составления образа загаданного предмета.

Аналогичные общие (не слишком детальные) характеристики можно наблюдать и в следующей испанской загадке, в которой загадано слово *fuego* (огонь):

Carece de boca y come,
no tiene piernas y huye;
allí donde aparece
todo lo quema y destruye.

Образ, возникающий при прочтении первых трех строк, довольно нечеткий: животное (25 %), бытовая техника, например холодильник, плита или микроволновая печь (25 %), даже герой мультфильма (8 %). Несмотря на такие вариации образа, количество угадавших довольно велико – 12 студентов из 17.

Если провести аналогию с двумя загадками об огне в английской версии (*A wooden base, a stone heart, a red cloak, and a black hat u I get bigger when I eat, but die weaker when I drink*), получаем довольно низкий показатель – правильно разгадали 4 студента из 16. Вместе с этим человеческий образ, создаваемый в первой загадке такими словами, как *heart, cloak, hat*, и во второй – *eat, drink, die*, отчетливо видят многие: в качестве возникающих образов опрошенные указывают мушкетера, супергероя, толстяка, пьяницу, гнома и Буратино, а также куклу и манекен.

Хотя фреймовая модель более детально обозначена в английской загадке, лучше разгадывают именно испанский вариант, так как неясный образ животного или предмета бытовой техники конкретизируется всего одним глаголом *quemar* (гореть). При запросе глагола *burn* в интернет-ресурсе *Framenet* [Framenet... Электронный ресурс], описывающем лексический состав английского языка в терминах фреймов, получаем фрейм *Fire burning*, где ключевыми слотами является *Fire* [Act] и *Fuel*. Поскольку в английской загадке мы не обнаруживаем подобного глагола, слот *Fuel* заполнен иносказательно с помощью слов *food* и *drink*, следовательно, разгадать английский вариант намного сложнее.

Еще один вывод, полученный на основе ответов студентов в ходе эксперимента, свидетельствует о схожести образов, возникающих при загадывании загадок на разных языках. Чаще всего это образы человека или животного. Данные образы создаются с помощью аналогичных лексических средств во всех трех языках, используемых в процессе упомянутого эксперимента. Так как для загадывающего важно указать ключевые характеристики загадываемого объекта, то можно встретить одно и то же слово во всех трех загадках об одном и том же предмете на разных языках [Taylor 1951]. Например, в загадках про гребень для волос присутствует слово *зубы*, которое является ключевым для создания представления о расческе и образа животного одновременно:

Частый, **зубастый**,
Вцепился в чуб вихрастый.

What is it that never uses its teeth for eating?

Tengo **dientes** y no muerdo,
desenredo con cuidado,
caminos abro en tu pelo,
ya sea liso o rizado.

Наибольшее число образов, упомянутых студентами при разгадывании данных загадок, связано с животными: птица, рыба, колибри, кот, маленькая собака, паук, клещ. Стоит отметить, что английскую загадку разгадали всего один раз, так как детализация образа крайне мала и, следовательно, возникает множество побочных вариантов разгадки: пила, щетка, пылесос и даже кислота.

Немаловажную роль в упомянутых русской и английской загадке играет также многозначность слова *зуб* (*зубец*) и *teeth*, где данные слова используются и для обозначения части тела человека или животного и составной части расчески. Производимое наложение одного образа на другой сначала вызывает трудность у отгадывающего, однако последующее отрицание человеческой или животной природы загаданного предмета (например *never uses for eating* или *вцепился в чуб*) подсказывает отгадывающему правильный или близкий к правильному ответ.

Таким образом, проведенный среди студентов эксперимент позволил убедиться в одинаковой структуре загадок в разных языках.

Несмотря на принадлежность к разным языковым ветвям, русский, испанский и английский языки имеют очень похожие модели загадывания, а также образы, создаваемые в процессе загадывания и отгадывания. К самым частотным образам относятся люди и животные, в основном те, которых мы встречаем каждый день: кот, собака, птица (без уточнения конкретного вида). Подобный выбор обусловлен желанием загадывающего сбить с толку отгадывающего, придавая неодушевленным предметам признаки одушевленных, и одновременно направить его на верный путь, иносказательно указывая ключевые характеристики загаданного предмета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева К. А.* Фреймовая структура и механизм уподобления фреймов в народной загадке // Междисциплинарность в лексикологических исследованиях: Наследие прошлого и перспективы. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 91–97 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (752). Сер. Языкознание). URL: www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/Vest16-752.pdf
- Все загадки. РФ. URL: www.vsezagadki.ru/
- Сендерович С. Я.* Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
- Adivinanzas para niños. URL: <https://www.adivinanzasparaninos.es/>
- Framenet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>
- Riddles and Answers. URL: riddlesandanswers.treasurehuntriddles.org/
- Taylor A. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1951. 959 p.

УДК 81. 112

Е. Е. Анисимова

доктор филологических наук; профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка ФНЯ МГЛУ; e-mail: letanisimova@mail.ru

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСОВ (культурологический и лингвистический аспекты)

Статья посвящена исследованию взаимодействия гастрономического и религиозного дискурсов в православной и католической литературе. Статья включает: введение, основную часть и заключение. Во введении отмечается повышенный интерес культурологов и лингвистов к концепту «еда» и гастрономическому дискурсу, а также необходимость изучения этих феноменов в религиозном аспекте. В основной части раскрывается сущность концепта «еда» и выявляются его страты в религиозной сфере коммуникации: символично-сакральный страт, культурно-обрядовый страт, историко-агиографический страт и календарно-регулирующий страт. В статье выявляются особенности религиозных изданий, в которых фигурирует концепт «еда», а также определяются их функции: назидательно-просветительная, культурологическая, регулятивная, утилитарная. Взаимодействие гастрономического и религиозного дискурсов в этих изданиях проявляется в:

- сочетании типов текстов гастрономической сферы (кулинарный рецепт, меню) с типами текстов религиозной сферы коммуникации (молитва, проповедь);
- характере интертекстуальных связей (отсылках к Священному Писанию, трудам Святых Отцов и отсылках к кулинарным и этнографическим источникам);
- смешении гастрономической и религиозной лексики);
- характере модальности (соединении прескриптивной и рекомендательно-инструктирующей модальности);
- сочетании паралингвистических средств, характерных для религиозной коммуникации (изображений икон, церквей, креста, свечей и др.) и гастрономической коммуникации (изображение продуктов, обрядовых блюд и т. п.).

В заключительной части делается вывод о том, что религиозная литература, в которой функционирует концепт «еда», представляет собой сложный, гибридный языковой феномен, находящийся на пересечении гастрономического и религиозного дискурсов.

Ключевые слова: религиозный дискурс; гастрономический дискурс; концепт «еда»; страт; функция; взаимодействие; гибридный.

Anisimova E. E.

Advanced Doctor(Philology), Professor of the Department of Grammar and History of German, Faculty Of German, MSLU;
e-mail: letanisimova@mail.ru

ON THE INTERACTION OF GASTRONOMICAL AND RELIGIOUS DISCOURSE (Cultural and Linguistic Aspect)

The article is concerned with research of the interaction between the gastronomical and religious discourse in Orthodox Christian and Catholic literature, focusing of the concept "food". The article includes: introduction, main part and conclusion. In the introduction, an increased interest of culturologists and linguists to the concept "food" and gastronomical discourse is discussed, as well as necessity to study these phenomena in a religious aspect. The main part explains the essence of the concept "food" and reveals its strata in the sphere of religious communication, defines the functions of the literature, which includes the concept "food", analyzes ways and means of interaction between the gastronomical and religious discourse. The main strata of the concept food in religious communication are: the symbolic-sacral stratum, the cultural- ritual stratum, the historical hagiographical stratum and the calendar-regulating stratum. The article reveals the features of religious publications, in which the concept "food" appears, and their functions are defined: edifying, cultural, regulatory, utilitarian. The interaction of gastronomical and religious discourse types manifests itself in the literary texts under analysis:

- 1) in the combination of types of texts of the gastronomical sphere (cooking recipe, menu) with types of texts of the religious sphere (prayer, sermon);
  - 2) in the specific features of intertextual links (references to the Holy Scripture, the works of the Holy Fathers and references to culinary, ethnographic sources);
  - 3) in a mixture of gastronomic and religious vocabulary;
  - 4) in the type of modality (the combination of prescriptive and recommendatory-instructive modality);
  - 5) in the use of non-verbal forms, the combination of paralinguistic means characteristic of religious communication (images of icons, churches, crosses, candles, etc.) and gastronomic communication (depicting products, ritual dishes and etc.).
- In the conclusion, it is stated that religious literature, in which the concept "food" functions, is a complex, hybrid language phenomenon located at the intersection of gastronomic and religious discourses.

Key words: religious discourse; gastronomical discourse; the concept "food"; stratum; function; interaction; hybrid.

В последние годы концепт «еда» и гастрономический дискурс вызывают повышенный интерес у лингвистов и культурологов и изучаются на базе различных языков, в разных аспектах применительно к бытовой, массмедийной и художественной сферам коммуникации [Головницкая, Олянич 2008; Олянич 2015; Олянич, Земскова 2015; Очерки по этнолингвосомиотике... 2014; Писанова 2012]. Целью настоящей статьи является исследование данных феноменов в религиозной сфере общения, где они получают духовное осмысление и приобретают дополнительные функциональные характеристики.

Концепт «еда» толкуется языковедами как базовая единица обыденного сознания [Захаров 2008], как фрейм, отражающий компоненты общечеловеческой и национальной концептосферы, как единица культуры [Марушкина 2014], как фрагмент языковой картины мира [Савельева 2006] и т. д. В настоящем исследовании под концептом «еда» мы понимаем *ментальную структуру, отражающую определенную часть действительности, связанную с гастрономией, и аккумулирующую знания человека о продуктах питания, блюдах, способах их приготовления и употребления, существующих пищевых традициях, которая актуализируется в языке посредством лингвистических знаков (номинаций, фразеологизмов, пословиц, поговорок, текстов и т. п.)*. Н. С. Марушкина выделяет в концепте «еда» два слоя – национальные традиции питания и религиозные традиции питания [Марушкина 2014]. Подобное разделение представляется нам достаточно условным, так как религиозный слой концепта «еда» неразрывно связан с укладом жизни, бытом, традициями народа и включает этнокультурную информацию.

В религиозном аспекте концепт «еда» обладает особой духовной значимостью, так как для верующих пища является даром Божиим, а ее приготовление рассматривается как процесс, сохраняющий дар жизни и имеющий Божественную благодать. Как приготовление пищи, так и ее прием сопровождается у христиан молитвами, а благопожеланием православных при употреблении пищи является этикетная формула: «Ангела Вам за трапезой!». В монастырях на приготовление и вкушение пищи дается благословение, а сам прием пищи братией после Божественной литургии воспринимается как переход трапезы духовной – причащения в материальную, вещественную трапезу [Афонские рецепты 2016]. В религиозной сфере концепт «еда» обладает стратами, не характерными для него в других сферах коммуникации. Сюда входят:

1) *символико-сакральный страт* включает конкретные понятия, пищевые номинации, используемые в переносном значении как образы-символы, с помощью которых передается сущность религиозного вероучения. К таким общехристианским символам относятся: *хлеб* (символ Тела Христова), *вино* (символ Крови Христовой), *агнец* (символ жертвенной гибели Христа во искупление грехов всего человечества), *яйцо* (символ Воскресения) и др. В западной христианской традиции *заяц* (*Hase*) является символом плодородия, а *хрен*

(*Meerrettich*) символизирует горечь земной жизни и преодоление страдания [Schwikart, Möller 2014];

2) **культурно-обрядовый страт** включает конкретные понятия; пищевые номинации, обозначающие продукты; блюда, употребление которых соотносится с церковными праздниками, религиозными обрядами и связанными с ними народными обычаями. Так, к пасхальным обрядовым блюдам относится испеченный или сделанный из масла *пасхальный ягненок (Osterlamm)*, православный пасхальный стол украшают *кулич* и *пасха*. Самым главным блюдом в Рождественский сочельник у православных считается *сочиво (каша из зерен пшеницы или риса с медом)*. Традиционной рождественской выпечкой в Германии являются *медовые пряники (Lebkuchen)* и рождественский пирог *Штоллен (Christstollen)*, который своей овальной формой и белым цветом, благодаря обсыпке сахарной пудрой, напоминает завернутого в пеленки Христа-младенца;

3) **историко-агиографический страт** содержит прецедентные имена из Библии, имена Святых, отсылки к Священному Писанию, житиям, где речь идет о еде. Мир Ветхого и Нового Завета полон упоминаний о пище¹. Известно, что библейский персонаж Иаков за хлеб и чечевичную похлебку продал свое первородство брату (Бытие 25: 24–34), Христос превратил на свадьбе в Кане Галилейской воду в вино (Ин. 2), накормил семью хлебами и несколькими рыбками четыре тысячи человек (Мф. 15: 29–39). Святой Иоанн Предтеча, крестивший Христа, питался в пустыне акридами (сушеной саранчей) и диким медом (Мф. 3). Его имя в немецком языке легло в основу названий ряда растений, плодов: *Johanniskraut (зверобой)*, *Johannisbrot (царьградский стручок)*, *Johannisbeere (смородина)*. В католической традиции вина освящаются в память Святых и они обладают особой благодатной силой. Так, вино *Johanniswein (вино Иоанна)*, в честь евангелиста Иоанна, хранится как святыня в домах верующих, его пьют при обручении молодых, им подкрепляют свои силы болящие. Вино св. Гертруды (*Gertrudenminne – любовь Гертруды*), являющейся покровительницей путешественников, принимают перед дальней дорогой [Mönninghoff 2011]. Еда фигурирует в житиях многих Святых. Так, в повествовании о духовных подвигах св. Власия, почитаемого

---

¹ В настоящее время ученые проявляют повышенный интерес к библейским пищевым традициям и пытаются воспроизвести на основе своих изысканий рецепты блюд далекого прошлого [Чифолло, Хессе 2011].

как православными, так и католиками, рассказывается о том, что он заставил волка вернуть бедной вдове украденную у нее свинью, та же впоследствии приготовила из нее блюдо для томящегося в темнице Святого [Termolen, Lutz 2006]. Святые почитаются как покровители профессий, связанных с едой. Например, в православии покровителем поваров и любых кулинарных дел считается преподобный Евфросин Палестинский, долгие годы подвизавшийся в этом послушании в одном из монастырей [Афонские рецепты 2016], св. Лаврентий, сожженный в Риме в III в. гонителями христианства, читится в католической церкви как покровитель поваров, кондитеров и пивоваров. В отдельных случаях Святые сами проявляли себя искусными поварами. Так, до сих пор в монастырях Германии хранится рецепт св. Хильдегарды *Кострец ягненка (Lammkeule nach Hildegard von Bingen)*, рекомендуемый любителям вкусно поесть [Mönninghoff 2011];

4) **календарно-регулирующий страт** непосредственно связан с церковным календарем, определяющим как духовную, так и телесную, «пищевую», жизнь верующих. Страт включает названия церковных праздников и постов, данные об их датах и продолжительности, номинации, обозначающие характер питания и строгость его соблюдения¹ в соответствии с Церковным уставом и т. п. Например, в православии: *Успенский пост* (продолжается две недели с 14 по 28 августа), *Медовый Спас* (празднуется 14 августа по новому стилю, в этот день в церкви освящают мед), *Яблочный Спас* (празднуется 19 августа по новому стилю, в праздник совершается освящение винограда, яблок и других плодов), *постный стол* (не допускается употребление продуктов животного происхождения), *сплошная седмица* (неделя, в которой в православной церкви отменяется пост в среду и пятницу), *скоромный стол* (допускается употребление продуктов животного происхождения), *говение* (соблюдение поста) и т. д. В католической церкви: *Fastenzeit (nocm)*, он начинается с так называемой Пепельной среды *Aschermittwoch* и продолжается сорок дней), *Abstinenzgebot* (заповедь воздержания от мяса для всех католиков, достигших четырнадцати лет, в Пепельную среду и во все пятницы поста), *Fastengebot* (заповедь поста обязательная для всех католиков

---

¹ В православной церкви пост жестко регламентирован. Различают пять степеней его строгости: полное воздержание от пищи; сухоядение; горячая пища без масла; горячая пища с маслом (растительным); вкушение рыбы [Как приучить себя к посту 2015].

от 18 до 59 лет, согласно которой в Пепельную среду и Страстную пятницу им разрешается одна полноценная трапеза и лишь два перекуса утром и вечером) [Termolen, Lutz 2006], *Fastenspeise* (постное блюдо) и т. д.

Осознание специфики концепта «еда» является одним из условий религиозной и культурной самоидентификации человека. Концепт «еда» является ключевым в религиозной литературе, посвященной или затрагивающей гастрономическую тематику. Она представлена поваренными книгами, энциклопедиями, брошюрами (о кухне церковных праздников, о посте и т. п.), церковными календарями, путеводителями по монастырям и др. Их принадлежность к религиозной сфере коммуникации маркируется:

- названием издания, содержащим религиозную лексику, например: *пасхальный стол, семейная постная кухня, Rezepte der Äbte, Fastenzeit und Ostern*;

- указанием на церковное издательство, например: «Даниловский благовестник», «Ковчег»;

- рекомендацией церковной организации, например, издательского совета РЦП, Пастырским благословением церковного иерарха.

В отличие от светских изданий для религиозной кулинарной литературы характерно строгое разделение предлагаемой пищевой продукции на постную и скоромную, распределение рецептов блюд в соответствии с церковным годичным циклом, выделение в качестве особых блюд обрядовой церковной кухни.

Адресантом данной литературы обычно является коллективный ритор (церковное издательство), по поручению которого создается соответствующее издание, при этом непосредственным исполнителем выступает автор-составитель, обладающий определенными знаниями и компетенциями в области религии и гастрономии, реже сам верующий автор-повар, передающий другим свой кулинарный опыт. Адресатом подобной литературы выступает широкий круг читателей, прежде всего домохозяйки, желающих ближе познакомиться с религиозной обрядовой кухней, церковными традициями, овладеть предлагаемыми рецептами и использовать их в своей повседневной жизни. Основными функциями подобной литературы являются:

- а) *назидательно-просветительская функция*, заключающаяся в том, чтобы в популярной, доступной для адресата форме распространять и пропагандировать христианское вероучение;

б) *культурологическая функция*, состоящая в том, чтобы ознакомить адресата с народными обрядами, обычаями, пищевыми традициями, связанными с церковной жизнью;

в) *регулятивная функция*, состоящая в регламентации пищевого поведения адресата, побуждении его соблюдать посты;

г) *утилитарная функция*, суть которой состоит в том, чтобы сообщить адресату информацию о пищевой продукции, ее ингредиентах и способах приготовления.

Обычно данные функции контаминируют. Доминирование той или иной функции определяется характером соответствующего издания. Так, в многочисленной православной литературе, посвященной постам, преобладают назидательно-просветительская и регулятивная функция [Большая книга православного... 2006; Как приучить себя ... 2015; Кулинарная книга... 2007; Православный пост 2014]. В литературе о церковных праздниках и связанных с ними народными обычаями широко представлена культурологическая функция [Ляховская 1996; Пасха 1999; Пасхальные хлопоты 2001; Mönninghoff 2011]. Отдельные издания, имеющие сугубо практическую гастрономическую направленность, ограничиваются утилитарной функцией [Летняя кухня православного поста 2000; Праздничная православная кухня 2012].

Обращенность изучаемой литературы как к духовной сфере, так и материальной сфере быта, соединение в ней религиозной информации (о догматах церкви, церковных праздниках, Святых, монастырях и т. п.) и информации о еде, пищевых традициях, обычаях обуславливают взаимодействие в одном книжном пространстве религиозного и гастрономического дискурсов.

Рассмотрим, как это взаимодействие проявляется в литературе.

1. Сочетание разных типов текста. Типы текста гастрономической сферы коммуникации (кулинарный рецепт, меню, совет-заметка) сосуществуют в этой литературе с типами текста религиозной сферы коммуникации (молитва, назидательный рассказ, проповедь, катехизис, песнопение и др.).

2. Характер интертекстуальных связей. Данная литература обычно содержит цитаты и отсылки к сюжетам Библии, духовные наставления Отцов Церкви о трапезе и пользе поста (например, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника), что характерно для религиозной коммуникации. Здесь же встречаются цитаты из Домостроя, поваренных книг прошлого, отрывки из произведений художественной

литературы о национальных традициях питания (например, И. Шмелева, И. Бунина, Вл. Гиляровского и др.), отсылки к мнению известных кулинаров¹.

3. Лексический состав и стилистическая тональность.

А. Религиозный дискурс представлен:

- 1) общехристианской и конфессионально маркированной лексикой, например: *Господь, благословлять, освящать, молитвенное бдение, облачение; Nächstenliebe, beten, Bußetun, Sündenbekenntnis, pilgern, Abtei, Äbtissin;*
- 2) старославянизмами, возвышенной книжной лексикой, что характерно для православного дискурса, например: *одр, лобзание, сонм, лик, ниспослать, уповать, поведать, утешение* и т. д.;
- 3) словами греческого и латинского происхождения, а также словами древненемецкого происхождения. Например, в православном дискурсе: слово *артос* означает в переводе с греческого *квасной хлеб; хлеб, общий для всех членов Церкви*. В католическом дискурсе: *Pfingsten* (греч. *pentecoste – пятидесятый*) – *Троица; Advent* (лат. *наступление*) – *адвент* (время подготовки к Рождеству). В немецких изданиях этимология названий церковных понятий часто раскрывается с помощью экскурса в историю немецкого языка и культуры, например: *Fasching* (ср.-в.-нем. *vastschanc – торговля спиртным до поста*) – *карнавал, масленица; Ostern (Ostara, Eoastrae – древнегерманская богиня весны и плодородия) – пасха;*
- 4) ассертивными высказываниями, что характерно для православного дискурса, например: *Пост есть необходимое средство для успеха в жизни духовной и для получения спасения, ибо пост, отнимая у плоти излишнюю пищу и излишнее питание, ослабляет силу чувственных влечений* [Как провести Успенский пост... 1998, с. 33.]
- 5) высказываниями – объяснениями (религиозных понятий), например:

---

¹ Домострой – книга, сложившаяся к середине XVI в., содержит наставления и полезные советы для христиан, в том числе о ведении хозяйства и трапезе.

Празднованием Преображению Господню Церковь торжественно исповедует и прославляет соединение Божества и человечества в лице Иисуса Христа [Как провести Успенский пост... 1998, с. 25].

Der Aschenmittwoch ist der erste Tag des 40-tägigen Vorbereitungs- und Fastenzeit auf das Fest der Auferstehung Jesu an Ostern und fällt auf den Mittwoch vor Ostern Estomihi und den siebten Mittwoch vor Ostern (vor dem ersten Fasten-sonntag = Invokavit) [Mönninghof 2011, с. 44].

Б. Гастрономический дискурс представлен в свою очередь:

- 1) традиционной пищевой лексикой, обозначающей продукты, напитки, блюда, способы их приготовления, например: *мука – Mehl, соль – Salz, мясо – Fleisch, пиво – Bier, винегрет – Gemüsesalat, сельдь с луком – Heringssalat, печь – backen, жарить – braten;*
- 2) историзмами, позволяющими воссоздать национальные традиции прошлого, например, названиями пищевой продукции в православном дискурсе: *пироги пряженные* (жаренные в масле), *пироги подовые* (печеные), *грешники* (блины из гречневой муки), *ратафия* (сладкая водка), *писанки* (пасхальные яйца, расписанные узорами), *крашенки* (пасхальные яйца, окрашенные любым способом); устаревшими обозначениями мер жидкости и веса: *штоф, чарка, шкалик, пуд, фунт, золотник;*
- 3) территориально-маркированной, диалектной пищевой лексикой. Данный пласт лексики широко представлен в немецкой католической литературе о еде в силу особенностей языковой и культурной ситуации в Германии, что находит отражение прежде всего в названиях местных блюд, например: *Stutenkäl* (*печенье в виде человеческих фигурок*, являющееся любимым лакомством детей в Вестфалии во время Рождества), *Baeckeoffe* (*густой суп*, заменяющий первое и второе блюдо, который едят во время сбора урожая в Эльзасе и Бадене), *Hollerküchel* (*пирог из бузины*, получивший распространение в Баварии);
- 4) латинизмами (в католической литературе), с помощью которых поясняется этимология современных пищевых номинаций. Так, название *Brezel* (*крэндель*) объясняется как происходящее от латинского слова *bracciola* – *сплетенные*

руки, которые он напоминает своей формой; название традиционного в нижнерейнском ареале рождественского печенья *Speculatus*, изображающего епископа на коне (Святителя Николая), инспектирующего христианские общины, происходит, как указывается в путеводителе по монастырям «Rezepte der Äbste», от латинского слова *speculum* (зеркало, око, наблюдатель); знаменитое мюнхенское пиво *Salvator*, которое издавна варилось монахами ордена св. Павла и употреблялось ими во время поста, имеет латинское происхождение и означает *Спаситель*; название древнейшего монастырского ликера Франции *Dom* является сокращением латинского изречения *deo optimo maximo* (для Бога всеильного);

- 5) аббревиатурами, имеющими количественное значение, например: кг / kg. (килограмм), ст. л / EL. (столовая ложка), ч.л / TL. (чайная ложка); предупреждающими о наличии пищевых добавок в продуктах, например E 100 – E 182 (красители), E 600-699 (усилители вкуса и аромата);
- 6) пословицами, поговорками, связанными с пищевыми традициями, народными приметами, например, в православии:

Русского мужика без каши не прокормишь.

У доброго мужика на Воздвиженье и пирог с капустой.

Блин не клин – живот не расколет.

Блин с начинкой красен.

В католической литературе:

Fischessen bringt Glück (пословица связана с обычаем употреблять на Новый год, праздник св. Сильвестра, рыбные блюда);

Luschtig isch de Fasenacht, wenn mei Mueder Kuechli backt (в южнонемецкой пословице речь идет о том, что Масленица проходит весело, если мать печет пироги);

Ursula räumt's Kraut herein, sonst schneit's am End noch drein (в пословице говорится о необходимости к празднику св. Урсулы, который отмечается 21 октября, до снега убрать с полей капусту, с этого времени начинается ее квашенье);

- 7) высказываниями-объяснениями (гастрономических понятий), например:

Другим христианским пасхальным блюдом является пасха – творог или сметана с яйцами, спрессованными в виде усеченной пирамидки. По церковно-славянски она называется «млеко огустевшее». На боковых ее сторонах изображается крест и буквы «ХВ», что означает «Христос Воскресе» [Энциклопедия православной кухни... 2014, с. 311].

Ein spezielles Gebildebrot, der Spekulatius scheint seinen Namen deshalb zu haben, weil er meist den Bischof hoch zu Ross darstellte. Der Spekulatius ist ein Formgebäck aus dem holländisch-niederrheinischen Gebiet [Mönninghof 2011, с. 9].

4. Характер модальности.

А. Для религиозного дискурса типична модальность долженствования. Она проявляется:

- 1) в наставлениях, выражаемых с помощью языковых средств побуждения, указывающих на необходимость совершения действия, например:

Чтобы наше расположение к посту сделать прочным, нужно приучать себя к посту, не спеша, внимательно, не разом, а постепенно – малопомалу [Как провести Успенский пост ... 1998, с. 32].

Die Fastenzeit soll eine Zeit der Enthaltensamkeit und Besinnung sein [Mönninghoff 2011, с. 33].

- 2) в предписаниях, имеющих запретительный или разрешительный характер, что присуще православному дискурсу в отношении постов¹. Этой цели служат прежде всего перформативные глаголы: *дозволять, запрещать, предписывать, воздерживаться, благословлять, разрешать* и др. Например:

В понедельник, среду и пятницу Успенского поста Устав Церкви предписывает питаться сухоедением, то есть соблюдать самый строгий пост, без отваривания пищи [Как провести Успенский пост... 1998, с. 34].

Б. Для гастрономического дискурса характерна рекомендательно-инструктирующая модальность, при которой адресату задается алгоритм действий, которые он должен совершить для получения

---

¹ Католическому дискурсу данный вид модальности не свойствен в силу более терпимого отношения к несоблюдению постов, чем в православии. В протестантской церкви посты отменены [Чифолло, Хессе 2011].

необходимого результата (приготовления блюда и т. п.). Обычно этой цели служат:

1) инфинитив, например:

Капусту нашинковать, положить в кастрюлю, добавить масло, немного воды и тушить около часа [Как провести Успенский пост... 1998, с. 40].

Kartoffeln schälen, vierteln und in Salzwasser weich kochen [Mönninghoff 2011, с. 19].

2) побудительная форма глагола в 3-м л. мн. числа, инклюзивная побудительная форма в 1-м л. мн. числа, например:

Нашинкуйте в виде соломки очищенные и промытые петрушку, сельдерей, лук репчатый, всё вместе пожарьте в масле [Как приучить себя к посту 2015, с. 48].

3) обобщенно-личные формы, страдательный залог, например:

Перебранные и промытые крупы опускают в горячую подсоленную воду [Энциклопедия православной кухни 2014, с. 141].

In eine gute Fleischbrühe gibt man ganz zuletzt klein geschnittene Lungenbrezen und reichlich Schnittlauch ... Nach einem anderen Rezept aus Altbayern wird eine große Zwiebel gehackt, in Fell hell angeröstet und mit 3 bis 4 EL. Bröseln kurz durchgeschmort [Mönninghoff, с. 32].

5. Использование паралингвистических средств.

А. Для изучаемой литературы характерно использование иконических средств, присущих визуальному оформлению религиозного дискурса: изображений религиозной символики (креста, свечей, ангелов и др.), Святых, предметов культа (икон, распятия), храмовых сооружений и т. п. В поваренной книге «Афонские рецепты» немецком кулинарном справочнике «Rezepte der Äbte» особое место среди прочего отводится красочному изображению природы, живописным видам монастырей, их внутреннему интерьеру. Нередко в православных изданиях содержится пасхалия – указатель в виде таблицы на время празднования Пасхи и связанного с ним поста по годам.

Б. В данном виде литературы широко представлены изображения продуктов, обрядовых блюд, праздничного стола, верующих (мирян, монахов) во время приготовления или приема пищи, сбора плодов

и овощей. Здесь используются условные обозначения для выделения постных и скоромных дней в календаре, совершения определенных действий в процессе приготовления и употребления блюд (например, изображение плиты, сковороды с толстым дном, ножей, вилок), применяются различные таблицы, связанные с кулинарией (например таблица перевода мер различных продуктов в граммы), трафареты пряников и т. п.

Таким образом, религиозная литература, в которой функционирует концепт «еда», представляет собой сложный гибридный языковой феномен, находящийся на пересечении гастрономического и религиозного дискурсов. Его исследование представляет интерес для дискурсологии, позволяет глубже понять духовную и бытовую культуру разных народов, их конфессиональные различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонские рецепты. Собрание традиционных рецептов афонской кухни, представленное святым ставропигальным монастырем Кутлумуш. М. : Веракнига, 2016. 280 с.
- Большая книга православного кулинара. М. : Алма-пресс, 2006. 448 с.
- Головницкая Н. П., Олянич А. В.* Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса. Волгоград : Нива, 2008. 296 с.
- Захаров С. В.* Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глuttonии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.
- Как приучить себя к посту. М. : Ковчег, 2015. 64 с.
- Как провести Успенский пост. М. : Сретенский монастырь : Новая книга, 1998. 48 с.
- Кулинарная книга – календарь православных постов. М. : Рипол классик, 2007. 320 с.
- Летняя кухня православного поста. М. : Лодья, 2000. 255 с.
- Ляховская Л. П.* Православная обрядовая кухня. СПб. : Лейла, 1996. 640 с.
- Марушкина Н. С.* Концепт «еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. ... канд. культуролог. Иваново, 2014. 25 с.
- Олянич А.* Лингвосемиотика французской гастрономии. Волгоград : ФГ БОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. 180 с.
- Олянич А., Земскова А.* Лингвосемиотика англоязычного гастрономического дискурса. Волгоград : Волгоградский ГАУ, 2015. 325 с.
- Очерки по этнолингвосемиотике потребностной коммуникации: коллективная монография. Волгоград : Волгоградский ГАУ, 2014. 344 с.
- Пасха. Вкусные советы. Новосибирск : Риф-плюс, 1999. 128 с.

Пасхальные хлопоты. М. : Ковчег, 2001. 31 с.

Писанова Т. В. Глюттонический дискурс в жанровом пространстве постмодернистского романа // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 119–129. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (639). Языкознание).

Православный пост. Традиции и кулинария. Нижний Новгород : Слог, 2014. 95 с.

Праздничная православная кухня. М. : Айрис-пресс, 2012. 54 с.

Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): канд. дис. ... филол. наук. Краснодар, 2006. 270 с.

Энциклопедия православной кухни. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. 656 с.

Чифолло Э., Хессе Р. Благословенная трапеза. Библейские истории и рецепты. М. : Ко Либри Азбука-Аттикус, 2011. 368 с.

Mönninghoff W. Rezepte der Äbte. Von Klöstern, Heiligen und himmlischen Genüssen. Köln : EGMONT Verlagsgesellschaften GmbH, 2011. 144 S.

Schwikart G., Möller S. Fastenzeit und Ostern. Hoogeweg : Butzon&Bercker, 2014. 32 S.

Termolen R., Lutz P. D. Nothelfer. Patronen in allen Lebenslagen. Lindenberg : Kunstverlag Josef Flink, 2006. 216 S.

Trigilio J., Brighenti K. Katolizismus für Dumms. Weinheim : WILEY-VCH Verlag GmbH & Co. KGaA, 2006. 382 S.

УДК 81

Г. В. Денисова

доцент кафедры славистики Департамента филологии, литературоведения и языкознания Государственного Пизанского университета;
e-mail: galina.denissova@unipi.it

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНЦИИ
КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС
БИЛИНГВАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
(на материале автопереводов В. В. Набокова)**

Работа посвящена интертекстуальным эквиваленциям в автопереводах В. В. Набокова. Созданные самим писателем разноязычные версии произведений отражают особенности билингвального сознания, которое проявляется в специфике организации языковой личности в экспрессивно-коммуникативном плане. Открывающаяся в творчестве В. В. Набокова интертекстуальная картина мира помогает в изучении важных психолингвистических механизмов билингвального сознания.

Ключевые слова: автоперевод; интертекстуальные стратегии; билингвальное сознание; переводные эквиваленции.

Denissova G. V.

Associate Professor, the Department of Philology, Literature, and Linguistics, Pisa State University; e-mail: galina.denissova@unipi.it

**INTERTEXTUAL CORRESPONDENCES
AS CULTUROLOGICAL UNITS OF BILINGUAL MIND
(based on Nabokov's self-translations)**

The present paper discusses some theoretical and practical problems of intertextuality in the self-translations of a most illusive and linguistically playful bilingual writer of the 20th century Vladimir Nabokov. Nabokov's translations of his own works allow us to realize how every bilingual person finds his own idiosyncratic, constantly shifting, active balance of the languages which may involve the creation of a specific idiolect where elements from various languages / cultures combine in a bilingual synthesis. The main purpose of this analysis is to see by what means the linguistic / cultural identity of a bilingual person is shaped and to investigate how the process of self-translation may become an occasion for remodeling of the self.

Key words: self-translations; intertextuality; bilingualism; linguistic / cultural identity.

Языковое сознание и речевая деятельность билингвов могут быть рассмотрены в перспективе изучения трансформации интертекстуальных знаков при переходе с одного языка на другой. Особый интерес

в данном случае представляет творчество В. В. Набокова, поскольку многоязычие писателя явились определяющим фактором его «жизни в творчестве» [Steiner 1970, с. 138–139]. «Чужое слово» в прозе Набокова является сознательным приемом создания игрового момента¹ «Творческое наследие Набокова давно стало испытательным полигоном для сторонников различных литературоведческих школ и эстетических доктрин: компаративизм, структурализм, деконструктивизм... При всем своем внешнем различии в применении на деле они сводятся к двум вещам: к редукционистскому вычленению “главных моделирующих доминант”, “центральных метафор”, под которые затем подгоняется все живое многообразие набоковского творчества, а также к азартной охоте за “аллюзиями”, “параллелями”, “пародийными отсылками” и “тематическими переключками”, обесцвечивающими эстетическое своеобразие конкретного произведения и растворяющими специфику художественного видения писателя в мутном потоке ассоциаций и аналогий, порожденных бурным воображением эрудированных педантов» [Мельников 2000, с. 6]. Приведенное высказывание отчасти свидетельствует о том, что в набоковедении возникла необходимость поиска иного ракурса подхода к трактовке интертекстуальных связей писателя.

Билингвальное сознание В. В. Набокова

При попытке определения того, что понимается под билингвизмом, приходится мириться с существованием огромного числа разных дефиниций понятия, в каждой из которых очевидно прослеживается тенденция к выделению психологических и лингвистических аспектов этого сложнейшего феномена. Рассматривая билингвизм с психологической точки зрения, Л. Блумфилд предлагает понимать его как контроль над двумя языками, аналогичный тому, который наблюдается у одноязычных носителей каждого из языков («the native-like control of two languages» [Bloomfield 1958, с. 56]). Итальянский психолингвист Р. Титоне предлагает определять билингвизм как способность индивидуума выражать себя на «втором» языке при помощи

---

¹ «Интертексты в набоковской прозе обусловлены всем комплексом приемов, характерных для игровых текстов. А исследование структурной организации набоковского метатекста не только особенно продуктивно в свете теории игровой поэтики, но и во многом способствует ее развитию» [Люксембург 2001, с. 328–329].

свойственных именно этому языку понятий и структур, а двуязычным считает того, кто при переходе с одного языкового кода на другой не прибегает к переводу или перефразированию структур своего «родного» языка [Titone 1972, с. 13].

А. А. Залевская описывает четыре ситуации приобретения второго языка [Залевская 1999, с. 328–329]:

1) параллельное овладение первым языком (Я1) и вторым языком (Я2)¹. Ч. Э. Осгуд и С. Эрвин определяют этот тип билингвизма как «координированный», которому противопоставляется билингвизм «субординационный» [Osgood, Sebeok 1965, с. 139];

2) усвоение Я2 в естественных ситуациях с использованием приемов стимулирования спонтанной речи, что обеспечивает способность общаться при элементарном уровне владения Я2;

3) усвоение Я2 с использованием приемов комбинированного метода, при котором в качестве стратегий выступают генерализация и частичный перенос из родного языка. Результатом в данном случае является неспонтанное, подверженное интерференции усвоение Я2;

4) изучение Я2, построенное на принципах поэтапного формирования действий по усвоению отдельных грамматических категорий, что ведет к нормативному конструированию высказываний при отсутствии навыков спонтанной речи.

В перечисленных случаях только в первом имеет место овладение Я2 как имплицитным знанием, которое становится неотъемлемой частью ментального лексикона. В трех других случаях человек приступает к изучению языка как уже «говорящее существо», и его знание остается эксплицитным, хотя благодаря практике может становится и имплицитным [Залевская 1999, с. 83]. Иными словами, Я2 может усваиваться двумя способами: с задействованием имплицитной памяти (и в этом случае можно говорить об «освоенном знании») или с подключением эксплицитной памяти² и ментальных механизмов перевода [Paradis 1994].

¹ О соотношении «первый / второй язык» и «родной / иностранный язык» см. [Залевская 1999, с. 292]

² Эксплицитная память имеет дело с декларативными знаниями и включает семантическую и эпизодическую (автобиографическую) память [Fabbro 1996, с. 100]. Семантическая память является интерфейсом, связывающим языковую систему с концептуальной [Taylor 1995], и именно посредством такой двойной направленности выявляются фоновые знания индивидуума. Эпизодическая (или автобиографическая) память охватывает личный опыт

Билингвизм В. В. Набокова на полном основании может быть определен как «координированный». Английский, наряду с русским, был языком его домашнего общения, и дети, которые росли с английскими гувернантками, начинали читать по-английски прежде, чем по-русски. Использование в быту нескольких языков побуждало к постоянному переключению языковых кодов, к чему Набоков привык с детства, что хорошо отражено в следующем описании:

«Об этих симптомах я простодушно спросил родителей, которые как раз приехали в Берлин из Мюнхена или Милана, и отец деловито *зашуршал немецкой газетой*, только что им развернутой, и *ответил по-английски*, начиная – по видимому длинное – объяснение интонацией “мнимой цитаты”, при помощи которой он любил разгоняться в речах: “Это, мой друг, всего лишь одна из абсурдных комбинаций в природе – вроде того, как связаны между собой смущение и зардевшиеся щеки, горе и красные глаза, *shame and blushes, grief and red eyes... Tolstoj vient de mourir*”, – вдруг перебил он самого себя другим, ошеломленным голосом, обращаясь к моей матери, тут же сидевшей у вечерней лампы. “*Да что ты*”, – удрученно и тихо воскликнула она, соединив руки, и затем прибавила: “Пора домой”, – точно смерть Толстого была предвестником каких-то апокалиптических бед»¹ [Набоков 1990, с. 253].

В 1919 г. Набоков начинает свое обучение в Кэмбридже и практически полностью переходит на общение на английском, однако всеми силами старается «не засорить» свой русский, ежедневно читая словарь Даля [Набоков 1990, с. 277]. До 1929 г. писатель не пользуется английским как языком своего творчества и даже переводы старается делать на русский. Исключение составляет автоперевод одной поэмы с русского на английский и два эссе, написанных по-английски [Веауjour 1995, с. 38]. До середины 1930-х гг. В. Сирин – именно русский писатель, и в последнем его «русском» романе «Даре» нет

и связана с индивидуальной энциклопедией. Что же касается имплицитной памяти, то она охватывает процедурные знания (например, употребление грамматических и синтаксических правил в речевой деятельности). О структурных особенностях хранения информации в рабочей памяти см.: [Величковский 2015].

¹ Курсив наш. – Г. Д.

еще и следа языковых контаминаций¹. Окончательно поселившись в Соединенных Штатах, писатель решает временно оставить свою «русскоязычную идентичность» и целиком переходит на английский, подписывая свои произведения уже именем Владимир Набоков. Однако в 1953 г. рождается замысел трансформации «Conclusive Evidence» в «Другие берега», и с конца 1950-х гг. о Набокове уже можно говорить как о сложившемся двуязычном писателе, содержанием и формой произведений которого являются межъязыковые ситуации [Steiner 1970, с. 123].

Интертекст как базовая культурологическая единица

Рассматривая культуру как некий язык и всю совокупность текстов на этом языке, Ю. М. Лотман отмечает, что при усвоении языка ребенком в его сознание вводятся не правила, а тексты, которые он запоминает и на основании которых учится самостоятельно порождать другие тексты [Лотман 2000, с. 417]. Фактически, для носителя языка текст становится чем-то первичным и выполняет функцию обеспечения общей памяти коллектива, а язык вычисляется из текстов и становится как бы вторичной абстракцией [Лотман 1998, с. 424–425]. В сознании людей, объединенных языком и историей, всегда существует определенный набор текстов, культурных клише, представлений и стандартных символов, за которыми закреплено определенное содержание. Все они составляют культурную память носителей определенного языка/культуры – инвариантные образы мира [Леонтьев 1997, с. 273], без которых невозможно существование ни одной коммуникативной системы. В основе языковой компетенции, таким образом, лежит не «словарь», а «энциклопедия», под которой подразумевается полный объем памяти лингвокультурного сообщества. Это означает, что в лингвоментальном комплексе языковой личности задана презумпция интертекстуальности, т. е. предречевая

¹ Показательно в этом отношении высказывание Н. Берберовой, относящееся к 1929 г., которая воспринимает Набокова именно как *русского* писателя: «Номер “Современных записок” с первыми главами “Защиты Лужина” вышел в 1929 г. Я села читать эти главы, прочла их два раза. Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной, огромный русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Все мое поколение было оправдано» [Берберова 2001, с. 370–371].

готовность носителя, его текстовый потенциал, который оперирует на бессознательном уровне и активизируется в зависимости от прагматических условий коммуникации, выливаясь в интертекстуальную стратегию. Область культурной памяти, представленную определенным набором канонических текстов, можно считать «интертекстуальной энциклопедией», а интертексты рассматривать как базовые культурологические единицы. Рассмотрение интертекстов как организующих центров целых областей культуры восходит к подходу А. Вежбицкой, предложившей изучать культуру посредством систематического семантического анализа языковых единиц, что позволяет продемонстрировать общие организационные принципы, которые придают связность культурной сфере в целом и часто имеют объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей [Вежбицкая 2001, с. 37].

Функционирование интертекстов в межкультурном общении может быть связано с распространением культуры «вширь» или «вглубь». По определению М.Л. Гаспарова, «вширь» означает, что «культура захватывает новый слой общества быстро, но поверхностно, в упрощенных формах, как общее знакомство, а не внутреннее усвоение, как заученная норма, а не творческое преобразование», в то время как расширение «вглубь» предполагает, что «круг носителей культуры заметно не меняется, но знакомство с культурой становится более глубоким, усвоение ее более творческим, проявления ее более сложными» [Гаспаров 1997, с. 128–129].

Передача опыта, пережитого в рамках определенной лингвокультуры, влечет за собой «перedelку» ситуации в двух разных перспективах – языковой и ментальной, что очевидно прослеживается в автопереводах Набокова.

Интертекстуальные эквиваленции в автопереводах В. В. Набокова

Феномен автоперевода, обладающего особым статусом по сравнению с традиционным двуязычным переводом [Фролов 2016, с. 39], мы рассматриваем как частный случай межкультурного общения, направление и характер которого во многом обуславливаются языковой и культурной компетенцией коммуникантов, их «горизонтом ожидания», определяющим выбор коммуникативных стратегий, в том числе интертекстуальных.

Отношение писателя к автопереводу было сложным и противоречивым. В письме к Дж. Лафлину он жаловался на то, что перевод вообще вызывает у него «умственную астму» («*mental asthma*»), поскольку задействованные в нем процессы сильно отличаются от умственных операций, происходящих при восприятии, понимании, чтении или непосредственно при письме на любом языке – и родном, и иностранном [Nabokov 1989a, с. 42]. Тем не менее автопереводы В. В. Набокова представляют собой творческое взаимодействие миров, порождающее культурный синтез, в котором разноязычные версии сливаются в один гипотетический текст, обнаруживая сознательную установку писателя на актуализацию мотива двоемирия¹, характерного в той или иной степени сознанию билингов.

Любопытна в этом смысле передача интертекстуальных элементов в лингвокультурной метаморфозе «*Conclusive Evidence*» (1951), «*Другие берега*» (1954), «*Speak, Memory: An Autobiography Revisited*» (1967)². Интертекстуальные соотношения между русской автобиографией и ее английским вариантом представляют большой интерес еще и потому, что это не просто автобиография писателя, но основной автокомментарий ко всему корпусу произведений Набокова, который содержит принцип авторских отсылок, имплицитных интертекстуальных связей и автоцитат [Левинтон 1997, с. 322]).

Типология интертекстуальных переводных эквиваленций, прослеживаемая в переводе автобиографии В. В. Набокова, может быть представлена следующим образом:

- 1) конгруэнтный перевод имеет место в случаях, когда интертекст присутствует одновременно в нескольких лингвокультурах: обычно это относится к интертекстам, входящим в «универсальную энциклопедию» [Денисова 2003, с. 142–156] (модель КОНГР);
- 2) дивергентный перевод, при котором интертекст одной лингвокультуры передается в рамках другой лингвокультуры интертекстом,

---

¹ Как на одно из проявлений мотива двоемирия можно указать на частое у В. В. Набокова использование приема транслитерации. Подробнее о биспациальности набоковской прозы см.: [Левин 1998; Таратута 2001].

² Цепочкой «оригинал / перевод», однако, связаны только «*Другие берега*» и «*Speak, Memory: An Autobiography Revisited*», в то время как «*Conclusive Evidence*» и «*Другие берега*» по структуре и по стилю являются независимыми произведениями.

представляющим собой функциональный эквивалент (модель ДИВЕРГ¹);

3) ZERO: интертекст при переводе утрачивается.

Модель КОНГР можно иллюстрировать следующими примерами:

(1) Однажды мы его подвергли испытанию, и, в самом деле, он очень быстро обратил «5.1324.1113.169.13.55.1324.11» в начальные слова известного монолога Гамлета [Набоков 1990, с. 182].

We subjected him to a test one day, and in a twinkle he turned the sequence “5.1324.1113.169.13.55.1324.11” into the opening words of a famous monologue in Shakespeare [Nabokov 1989 b, с. 115].

В следующем примере встречаются интертексты, восходящие к разным культурным контекстам – русскому (Анна Каренина и Дама с собачкой) и французскому (Эмма Бовари) с пояснением в английском варианте аллюзии на чеховскую «Даму с собачкой» путем эксплицирования источника в самом тексте.

(2) Итак, Луиза стоит на плоской кровле своего дома, опершись белой рукой на каменный парапет <...> а лорнет направлен – *этот лорнет впоследствии нашел у Эммы Бовари, а потом его держала Анна Каренина, от которой он перешел к Даме с собачкой и был ею потерян на ялтинском молу* [Набоков 1990, с. 249].

That lorgnette I found afterward *in the hands of Madame Bovary, and later Anna Karenin had it, and then it passed into the possession of Chekhov's Lady with the Lapdog and was lost by her on the pier at Yalta* [Nabokov 1989 b, с. 202].

И далее:

Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918-го года. *На ялтинском молу, где Дама с собачкой потеряла когда-то лорнет ...* [Набоков 1990, с. 269].

During the winter of 1917–18 and well into the windy and bright Crimean spring, idiotic death toddled by our side. Every other day, on the white Yalta pier (*where, as you remember, the lady of Chekhov's “Lady with the Lapdog” lost her lorgnette among the vacational crowd*) ... [Nabokov 1989 b, с. 245].

---

¹ О разнице между «конгруэнтным» и «дивергентным» переводом см. работу О. Иньковой [Инькова 2017].

Модель ДИВЕРГ. Данная трансформация обнажает важный прием построения набоковского текста, основной темой которого является игра автора с читателем, которая предполагает «узнавание» интертекста, т. е. фактически программирует реакцию адресата. Этот механизм создания игрового момента эксплицируется в примере (3), где в английском варианте отсылка к каноническому тексту русской культуры заменяется на аналогично функционирующую в рамках культуры английской:

(3) К этому времени я уже не нуждался в каком-либо надзоре, учебной же помощи он не мог мне оказать никакой, *ибо был безнадежный неуч* (проиграл мне, помню, великолепный кастет, побившись со мной об заклад, что *письмо Татьяны начинается так: «Увидя почерк мой, вы верно удивитесь»*) ... [Набоков 1990, с. 235].

... since, at that late date, neither my brother nor I needed much the educational help that an optimistic patron of his had promised my parents the wretch could give us. In the course of our very first colloquy he casually informes me that *Dickens had written Uncle Tom's Cabin*, which led to a pounce bet on my part, winning me his knuckle-duster [Nabokov 1989 b, с. 168].

Данный пример хорошо иллюстрируют механизм переключения национальных энциклопедий, каждая из которых располагает собственными интертекстами.

Модель ZERO предполагает снятие слишком тесно связанного с определенной культурой интертекста, который потребовал бы при переводе обязательного комментария. В примере (4) в английской версии автобиографии Набоков жертвует хрестоматийной для русской национальной энциклопедии эксплицитной аллюзией:

(4) Пора моих *онегинских забот* длилась недолго, но живо помню, как было приятно открывать существование рубашек с пришитыми воротничками и необязательность подвязок [Набоков 1990, с. 274].

By that time my youthful preoccupation with clothes was on the wane, but it did seem rather a lark, after the formal fashions in Russia, to go about in slippers, eschew garters, and wear one's collar sewn into one's shirt – a daring innovation in those days [Nabokov 1989 b, с. 160].

В примере (5) также наблюдается снятие аллюзии, что упрощает интертекстуальную игру английского текста по сравнению с русским:

(5) *Никогда не уедет с Онегиным в Италию княгиня Н. Никогда не поправится Эмма Бовари*, спасенная симпатическими солями в своевременной слезе отца автора [Набоков 1991, с. 217].

Never will Emma rally, revived by the sympathetic salts in Flaubert's father's timely tear [Nabokov 1995, с. 265].

***

Интертекстуальные стратегии В. В. Набокова, прослеживающиеся в его автопереводах, отражают особенности билингвального сознания, которое проявляется в специфике организации языковой личности в экспрессивно-коммуникативном плане. В условиях активного двуязычия формируется совершенно иное со стороны билингва отношение к каждому языку и соответствующей культуре, которые воспринимаются не изолированно, а через призму другого языка / культуры. Такое остранение позволяет двуязычному индивидууму оценивать некоторые культурные единицы, которые у монолингва часто просто не имеют альтернативы. Возможно, именно в этом кроется причина того, что переводы, выполненные переводчиками-монолингвами, нередко превращаются в *les allusions perdues* [Левинтон 1997]. Открывающаяся в творчестве В. В. Набокова интертекстуальная картина мира помогает в изучении важных психолингвистических механизмов билингвального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография. М. : Согласие, 2001. 736 с. илл. (фото).
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Величковский Б. Б. Рабочая память человека. Структуры и механизмы. М. : Когито-Центр, 2015. 247 с.
- Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том II. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 121–129.
- Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М. : Азбуковник. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2003. 270 с.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 1999. 382 с.
- Инькова О. Принципы определения степени лингвоспецифичности коннекторов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 16 (23). Т. 2, М. : РГГУ, 2017. С. 139–149.

- Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 323–391.
- Левинтон Г. А.* The Importance of Being Russian или Les allusions perdues // В. В. Набоков: Pro et Contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных исследователей / Бурлак Д. К. (отв. ред). СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. С. 308–339.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М. : Наука, 1974. 287 с.
- Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб. : Искусство–СПБ, 1998. 704 с.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб. : Искусство–СПБ, 2000. 704 с.
- Люксембург А. М.* Структурная организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Текст. Интертекст. Культура / В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева (под ред.). М. : Азбуковник, 2001. С. 319–330.
- Мельников Н. Г.* Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 681 с.
- Набоков В. В.* Другие берега // Собр. соч.: в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. IV. С. 133–302.
- Набоков В. В.* Лолита. М. : АНС-Принт, 1991. 256 с.
- Тамми П.* Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // В. В. Набоков: Pro et Contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных исследователей / Бурлак Д. К. (отв. ред). СПб: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 514–528.
- Таратута Ю. Л.* Актуализация мотива «двупространственности» и русский фон при автопереводе «Отчаяния» В. В. Набокова // Текст. Интертекст. Культура / В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева (под ред.). М. : Азбуковник, 2001. С. 354–366.
- Фролов В. И.* Автоперевод романа В. В. Набокова «Лолита» // Вестник МГЛУ. Вып. 10 (749). 2016. С. 38–49.
- Veaujour E.* Vladimir Nabokov // The Garland Companion to Vladimir Navokov / Aleksandrov V. (ed.). Bert Stern Production, 1995. P. 37–44.
- Bloomfield L.* Language. New York–London: Allen & Unwin, 1958.
- Fabbro F.* Il cervello bilingue. Roma: Astrolabio-Ubalдини, 1996.
- Nabokov V.* Lolita. Penguin Books, 1995.
- Nabokov V.* Selected Letters 1940–1977 (ed. Nabokov D. – Matthew J. Bruccoli). New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1989 a.
- Nabokov V.* Speak, Memory: An Autobiography Revisited. New York: Vintage International, 1989 b.
- Osgood C. E., Sebeok T. A.* Psycholinguistics. Bloomington: Indiana University Press, 1965.
- Osgood C. E.* Lectures on language performance. New York: Springer-Verlag, 1980.

- Paradis M.* Neurolinguistic aspects of implicit and explicit memory: implications for bilingualism and second language acquisition // *Implicit and Explicit Language Learning* / Ellis N. (ed.). London: Academic Press, 1994. P. 393–419.
- Paradis M.* Readings on Aphasia in Bilinguals and Polyglots. Montreal: Didier, 1983. P. 624–625.
- Steiner G.* Extraterritorial // “TriQuarterly”. # 17, 1970. P. 119–127.
- Taylor J.R.* Models of word meaning in comparison: The two-level model (Manfred Bierwisch) and the network model (Ronald Langacker) // *Current approaches to the lexicon* / Driven R., Vanparys J. (ed.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. P. 3–26.
- Titone R.* Bilinguismo precoce e educazione bilingue. Roma: Armando Ed., 1972.

УДК 811.112.2

М. И. Дойникова

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: doynikovami@mail.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ АНГЛОАМЕРИКАНИЗМОВ В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается номинативно-прагматическая специфика заимствованной англоязычной лексики (англоамериканизмов) в устной речи носителей немецкого языка.

Материалом исследования послужили результаты анкетирования учащихся 8–13 классов, а также учителей гимназии им. Вильгельма (Брауншвейг, Германия), проведенного в марте 2017 г.

В исследовании использованы следующие методы: анкетирования, сплошной выборки, количественного анализа, сравнительно-сопоставительный метод и элементы дискурсивного анализа. С помощью указанных методов предпринята попытка выявить некоторые наметившиеся современные тенденции в употреблении англоамериканизмов в устной речи носителей немецкого языка. В этом состоит актуальность и научная новизна работы.

Цель исследования определила постановку и решение следующих задач:

- 1) определить наиболее часто употребляемые англоязычные заимствования: а) молодежь в возрасте от 14 до 19 лет; б) взрослых в возрасте от 40 до 60 лет;
- 2) рассмотреть номинативно-прагматическую специфику заимствованной англоязычной лексики каждой из исследуемых групп.

Исследование проводилось в синхронном плане с элементами диахронии, что требовалось в отдельных случаях для уточнения тех или иных аспектов исследуемых единиц. В работе рассматриваются англоязычные заимствования, которые встречались в анкетах у 70% участников опроса (т. е. примерно у 175 человек из 220 в первой группе и у 36 из 52 во второй группе). Общее число единиц составляет 20 англоамериканизмов.

Многоаспектность процесса заимствования ведет к тому, что интерес к данному вопросу с течением времени не ослабевает. Данные о роли англоязычных заимствованных единиц с учетом их дискурсивных характеристик могут быть использованы в преподавании немецкого языка как иностранного и в курсе лекций «Основы теории второго иностранного языка». Предпринятый анализ открывает ряд перспектив для дальнейшего изучения процессов семантической адаптации англоязычных заимствований в лексико-семантической системе немецкого языка.

Ключевые слова: англоязычные заимствования; англоамериканизмы; устная речь; номинативно-прагматическая специфика; экспрессивность; расширение значения слова.

Doynikova M. I.

PhD., Associate Professor, Department of Second Foreign Language, MSLU;
e-mail: doynikovami@mail.ru

THE USE OF ANGLO-AMERICAN BORROWINGS IN GERMAN ORAL DISCOURSE

The article considers the nominative and pragmatic functions of anglo-american borrowings used in the oral discourse by Germans of two age groups: adolescents (from 14 to 19) and adults (from 45 to 60). The material is based on the research conducted in March 2017 among the students of the 8th to 13th grades and teachers of Wilhelm Gymnasium, Braunschweig, Germany.

In our research we employed the following methods: questionnaire survey, continuous sampling, quantitative analysis, comparative analysis, elements of discourse analysis. The above-mentioned methods were used for the ends of observing and describing new tendencies in the use of anglo-american borrowings in the oral speech of native Germans, which contributes to the acuteness of the topic of research.

The aims of our research were the following: 1) to determine the most frequently used English borrowings in the speech of two age groups: a) adolescents from 14 to 19; b) adults from 40 to 60; 2) to study the nominative and pragmatic characteristics of English borrowings in the speech of those groups.

The research was conducted synchronically, with the exception of cases when it was necessary to specify some characteristics of the borrowed lexemes. The research focuses on English borrowings which occurred in questionnaires of 70 % of the respondents (175 out of 220 in the first group and 36 out of 52 in the second). The overall number of anglo-americanisms under research is 20.

The process of borrowing is multifaceted, which continues to make it an acute topic of contemporary research.

The results of the research concerning the role of anglo-american borrowings in different discourse types can be useful in teaching German as Second Foreign Language and in lecture courses in the theory of the language. The conducted analysis opens new prospects for further research of the process of semantic adaptation of English borrowings in the German lexical system.

Key words: anglo-american borrowings; oral discourse; nominative and pragmatic functions; expressivity; expanding word meaning.

Введение

Значение английского языка в современном обществе очень велико. Более одного миллиарда человек в мире владеют английским языком, при этом для половины из них он является родным. В эпоху глобализации политическая, экономическая, научная и спортивная жизнь всего мира, обмен информацией в различных областях осуществляется

с опорой на английский язык. Учитывая современные реалии, становится понятным, что любой образованный человек просто обязан владеть английским языком, так как он открывает путь к дальнейшему самообразованию и самосовершенствованию. Знание английского языка в наше время является своеобразным окном в мир.

С середины XX в. (после 1945 г.) вследствие известных социальных и экономических условий развития Германии наблюдается заметное увеличение притока лексических заимствований из английского языка в немецкий. Тема английских заимствований в немецком языке достаточно популярна и становилась объектом изучения для многих как отечественных, так и зарубежных лингвистов [Константинова 2003; Майоров 1967; Попова 1984; Carstensen 1989; Fink 1975].

Интерес к данной проблеме с течением времени не ослабевает, что свидетельствует о ее многоаспектности и неисчерпаемости. Необходимо отметить тот факт, что большинство исследований проводилось и проводится на материале письменной формы языка, в то время как устная форма языка обделена вниманием исследователей.

Методы, цель и задачи исследования

В нашем исследовании при помощи методов анкетирования, а также сплошной выборки, количественного анализа и элементов дискурсивного анализа мы попытались выявить некоторые наметившиеся современные тенденции в употреблении англоамериканизмов в устной речи носителей немецкого языка. Цель исследования определила постановку и решение следующих задач:

- определить наиболее часто употребляемые англоязычные заимствования у молодежи в возрасте от 14 до 19 лет и людей в возрасте от 40 до 60 лет;
- рассмотреть номинативно-прагматическую специфику заимствованной англоязычной лексики каждой из исследуемых групп.

Анализ современных тенденций в употреблении англоязычных лексических единиц в устной речи носителей языка разных возрастных групп позволит вплотную подойти к рассмотрению коммуникативно-прагматической результативности заимствованных единиц. Материалы исследования могут быть использованы в курсе лекций общего языкознания и лексикологии при рассмотрении проблемы «Пуризм и прагматика языка». Сведения о роли англоязычных заимствованных единиц с точки зрения их дискурсивных

характеристик могут быть использованы также при преподавании немецкого языка как иностранного.

Ход исследования

В исследовании, подготовленном нами и проведенном сотрудниками гимназии им. Вильгельма г. Брауншвейга (Германия), приняли участие:

– 220 учащихся 8–13 классов гимназии им. Вильгельма. В данной гимназии изучение английского языка в качестве первого иностранного начинается с 3-го класса в независимости от профиля класса (лингвистического или естественно-научного). Таким образом, участники опроса на момент проведения анкетирования изучали английский язык не менее пяти с половиной лет. Все участники опроса отметили в анкете немецкий язык как родной;

– 52 учителя и административных работника гимназии им. Вильгельма в возрасте от 40 до 60 лет. Все имеют высшее образование. Свой уровень владения английским языком большинство определило как В1–В2. Немецкий язык для всех участников опроса указанной группы является родным.

В ходе опроса-анкетирования участникам предлагалось в письменной форме назвать 10–15 англоамериканизмов, которые они наиболее часто употребляют в своей устной речи, а также конкретизировать ситуации употребления заимствованной лексики и пояснить ее значение.

В нашем исследовании мы рассматриваем англоязычные заимствования, которые встречались в анкетах у 70 % участников опроса (т. е. примерно у 175 человек из 220 в первой группе и у 36 из 52 во второй группе).

Первая группа (молодежь в возрасте 14–19 лет) указала следующие англоязычные заимствования:

sick – в значении «völlig daneben» – *больной, стукнутый, чокнутый*;

cool – в значении «gut, prima» – *хороший, классный*, выражение общей положительной оценки;

fail – в значении «gutgemeint, aber völlig schiefgegangen» – *в том случае, когда были хорошие намерения, но всё пошло наперекосяк*;

damt (от *dampned*) – в значении «verdammt» – *черт* (выражение сильного разочарования);

lol (от *laughing out loud*) – в значении «*sich kaputt lachen*» – *оборжаться*;

nice – в значении «*schön, prima*» – *прекрасно, класс*;

fancy – в значении «*etwas toll finden*» – *считать что-либо классным*;

bro (от *brother*) – в значении «*Bruder*» – *брат* (в переносном значении);

twins – в значении «*sehr ähnlich sein*» – *быть похожими* (в переносном значении), например: *Zwilling eim Geist* – ср. *братья по разуму, родственные души*.

Вторая группа (взрослые в возрасте от 40–60 лет) в анкете указали следующие англоязычные заимствования¹:

cool – *классный*, общее выражение одобрения;

fakenews – *газетная утка, поддельные новости*;

call center – *контактный центр, колл-центр* (специализированная организация или выделенное подразделение в организации, занимающиеся обработкой обращений и информированием по головным каналам связи в интересах организации-заказчика или головной организации);

event – *яркое мероприятие в культурной или политической сфере*;

e-mail – *электронное письмо*;

highlight – в значении «*herausragendes Ereignis, insbes. von kulturellen Veranstaltungen oder Darbietungen*» [*Anglizismen Wörterbuch... 2001, с. 651*] – *выдающееся событие*, прежде всего относительно культурных мероприятий, номеров;

Fashion (week) – в значении «*Mode*» (*Modewoche*) – *мода*;

Boots – в значении «*Schuhe*» – *обувь, ботинки*;

online – *онлайн*; чаще в переносном значении «*быть на связи*»;

Browser – *браузер, окно просмотра, программа просмотра*;

Sightseeing – в значении «*Rundfahrt*» – *обзорная экскурсия*;

Know-How – *ноу-хау, инновации; секрет производства; знать, как*.

Результаты исследования

Анализ отобранных единиц обнаруживает следующие тенденции в употреблении англоязычных заимствований носителями немецкого языка:

¹ Зд. и далее перевод наш. – М. Д.

1) вне зависимости от того, какой возрастной группой употребляются заимствованные единицы, они выполняют две основные функции: номинативно-дескриптивную и экспрессивно-эмоциональную;

2) молодежь активно использует англоамериканизмы в качестве экспрессивной лексики наряду с исконно немецкими лексическими единицами. Как известно, многократно используемые слова, несущие эмоциональную окраску, со временем частично или полностью утрачивают свою экспрессивность, что во многих случаях произошло и с немецкоязычной лексикой, которая перестала восприниматься носителями языка как эмоционально окрашенная. В свою очередь, англоамериканизмы как свежий лексический пласт позволяют выразить более широкий спектр эмоций. В большей степени это относится к подростковой группе, для которой характерно активное выражение эмоций;

3) единственной лексической единицей, которую отметили обе группы опрошиваемых, был англоамериканизм *cool*, который выражает общую положительную оценку. Такое значение характеризуется максимальной степенью абстракции и конкретизируется только в речевых ситуациях, что подтверждает развитие широкого значения у данного англоязычного заимствования;

4) старшее поколение чаще использует англоамериканизмы в номинативно-дескриптивной функции. Можно выделить две основные тематические группы:

- наука, техника и компьютерные технологии (*callcenter, e-mail, online, Browser, Know-How*);
- культурная жизнь, мода (*Event, Highlight, Fashion (week), Boots, Sightseeing*);

5) особый интерес представляют англоязычные заимствования, которые мы отнесли к тематической группе «культурная жизнь, мода», так как они позволяют глубже изучить процессы расширения семантической структуры англоамериканизмов в немецком языке и другие семантические тенденции.

Как подчеркивает И. А. Семина, большое число широкозначных слов принадлежит к наиболее частотным единицам современных европейских языков. Одной из причин высокой частотности этих слов является их чрезвычайная гибкость и подвижность, а также их способность выступать в качестве сложных языковых и концептуальных механизмов [Семина 2009].

Под широким значением, или широкой семантикой, понимается семантика, которая содержит некоторое обобщенное понятие, характеризуется максимальной степенью абстракции и конкретизируется в речевых ситуациях [Попова 1984]. Данный процесс произошел буквально на наших глазах с лексемой *know-how*, которая была заимствована из английского языка в 1960-х гг. в значении «auf Erfahrung beruhende Spezialkenntnisse über Herstellung und Einsatz von technischen Erzeugnisse» – «специальные знания, полученные на основе опыта, о производстве и использовании технических продуктов» [Anglizismen Wörterbuch 2001, с. 782]. Уже в 1980-х гг. можно наблюдать развитие более широкого значения данной лексической единицы: «praktische Kenntnisse in bezug auf die Verwirklichung einer Sache» – «практические знания, необходимые для реализации какого-либо дела» [там же]. В настоящий момент мы можем говорить о повторном заимствовании англоязычной лексической единицы в немецкий язык в значении «gewußt wie, wissen wie» – «зная, как» (ср. с англ. *know-how*).

Тенденция к расширению значения англоязычных единиц прослеживается на примере многих заимствований, ставших в немецком языке так называемыми модными словами. К таким словам можно отнести англоамериканизм *Boots*. Эта лексическая единица с середины 1960-х гг. употреблялась в немецком языке в значении: «modische bis über die Knöchel oder bis zu den Waden reichende (Schnür-) Stiefel, häufig aus Wildleder, die insbes. von jungen Leuten getragen werden» – «модные высокие ботинки (на шнуровке), часто из грубой кожи, которые преимущественно носит молодежь» [там же, с. 153]. В настоящее время англоязычное заимствование употребляется в широком значении «Schuhe» – «ботинки».

Налицо общая тенденция к активному проникновению англоамериканизмов в немецкий язык через устные формы общения, что, бесспорно, способствует их быстрой адаптации, как в устной, так и в письменной речи литературного и разговорного языка.

Обратную тенденцию, сужение лексического значения, можно наблюдать на примере англоамериканизма *Event*. Согласно лексикографическим источникам, лексическая единица *event* имеет в английском языке значение «something that happens at a given place and time» (то, что происходит в определенное время в определенном месте) [The free dictionary ...]. По сути, слово имеет общее значение

«мероприятие». В немецком языке происходит сужение лексического значения данной единицы, так как речь идет о ярких событиях в культурной жизни страны и за ее пределами. Часто мероприятия, которые обозначаются англоамериканизмом *Event*, имеют международное значение.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что англоязычные лексические заимствования продолжают оставаться неотъемлемой частью лексикона современного немецкого языка. Их употребление не затрудняет процесса коммуникации в соответствующих социальных группах носителей немецкого языка. Данный факт подчеркнули участники опроса, проведенного нами в сотрудничестве с преподавателями гимназии им. Вильгельма. Таким образом, пуристическая деятельность на современном этапе развития немецкого языка является в целом неперспективной, хотя и может носить «селективный» характер в тех случаях, когда употребление заимствования затрудняет понимание контекста или искажает контекст.

Предпринятый анализ открывает ряд перспектив для дальнейших исследований. Интерес представляют дальнейшее изучение процессов семантической адаптации англоязычных лексических заимствований, выявление новых тенденций их семантического развития в лексико-семантической системе немецкого языка и др. Особого внимания заслуживает изучение тенденции постепенного приобретения всего семантического объема заимствованной англоязычной лексики у немецких англоамериканизмов и обретение ими новых дополнительных значений. В этой связи важно отметить перспективность дальнейших более глубоких исследований в данной области с привлечением лингвистических, социолингвистических и психолингвистических методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Константинова Н. Л.* Процессы системной адаптации англоязычных терминов в финансово-экономической терминологии немецкого языка: К проблеме национального и интернационального в современной терминологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 274 с.
- Майоров А. П.* Заимствования в лексико-семантической системе языка (на материале англицизмов в современном немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 21 с.

- Попова В. Н.* Широкозначные глагольные фразеологизмы современного немецкого языка как проблема лексикографии и фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 211 с.
- Семина И. А.* К вопросу о неоднородном характере широкозначной номинации // Коммуникации, дискурс, профессиональное общение: лингвокультурологический аспект. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 48–54. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 561. Сер. Языкознание).
- Anglizismen Wörterbuch: der Einfluß des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945 / begr. von Broder Carstensen. Fortgef. von Ulrich Busse. Unter Mitarb. von Regine Schmude. Berlin–New York : de Gruyter. 3 Bde, 2001. 1752 S.*
- Carstensen B.* Die Markierung von Entlehnungen im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch // F. J. Hausmann et. al. Berlin : de Gruyter, 1989. S. 668–672.
- Fink H.* «Know-how» und «Hifi-Pionier» – Zum Verständnis englischer Ausdrücke in der deutschen Werbesprache // Muttersprache 85. 1975. S. 186–203.
- The free dictionary. URL: www.thefreedictionary.com/event

Т. Н. Дренясова

доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры нидерландского, скандинавских и финского языков МГЛУ;
e-mail: nedcent@yandex.ru

ВРЕМЕННОЙ ПЛАН МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается перераспределение функций между глагольными формами претерита и перфекта при выражении действия в прошлом в нидерландском медийном дискурсе. На основе исследований по истории развития временных форм глагола в нидерландском языке, которые определяют временную отнесенность текста, делаются выводы о коммуникативной значимости формы перфекта, особенностях ее употребления в информационных медийных текстах и об отличиях этой видо-временной формы глагола в нидерландском языке по сравнению с близкородственными немецким и английским. В этих генетически близких германских языках взаимозависимость видовых и временных значений в грамматических формах перфекта реализуется по-разному и видовой категориальный признак перфекта, который входит в парадигму времени, является наиболее спорным. В отличие от английского языка, для которого характерна детемпорализация перфекта, немецкий и нидерландский языки входят в ареал развития перфектных форм, связанных с процессом темпорализации, степень которой в этих языках различна. Если в немецком языке при превалировании временного значения формы перфекта остались нейтральными в отношении вида действия, то в нидерландском языке видовое значение форм перфекта сохраняется. Этому способствует многоэлементное видовое поле, которое включает в себя различные по степени грамматизации видовые глагольные конструкции. Функционирование этого видового поля, ядром которого являются видо-временные формы перфекта, тормозит процесс темпорализации перфектных форм в нидерландском языке. Поэтому формы перфекта, например, в медийных текстах нидерландского языка, выступают в непривычной для этой формы вневременной функции, нарушая предсказуемый грамматический дискурс текстов информационного характера. Анализ темпоральной интерпретации медийных текстов выявляет определяющую роль контекста в трактовке значения такой сложной видо-временной формы нидерландского языка как форма перфекта.

Ключевые слова: грамматический медийный дискурс; нидерландский язык; история развития грамматических форм перфекта; перфект как видо-временная форма; сопоставление форм перфекта и претерита; темпоральная интерпретация текста; коммуникативная значимость.

Drenyasova T. N.

Professor, Doctor of Philology; professor at the Chair of Scandinavian, Dutch and Finnish languages; MSLU, Faculty of Translation and Interpretation;
e-mail: nedcent@yandex.ru

THE USE OF TENSE FORMS IN DUTCH MEDIA DISCOURSE

The article explores the Dutch media discourse in terms of redistribution of functions between Preterit and Perfect forms in expressing past actions. Based on the linguistic research of the historical development of the Dutch tense forms determining the temporality of the text, the article demonstrates the communicative significance of the Perfect Tense, its specific characteristics in informational media texts, and the difference in the use of this form in the Dutch language compared to its close relatives German and English. Those Germanic languages show a different degree of interdependence between the aspect and the tense categories of the verb on the text level and the tense characteristic of Perfect as part of the tense paradigm is the most controversial issue. In English the Perfect tense form of the verb is detemporalized, while in German and Dutch they remain temporalized and the degree of temporalization in those languages is different. In German the Perfect tense forms retain their temporal meaning, while the aspect characteristic of this tense form remains neutral. In Dutch, on the other hand, the Perfect tense forms retain their aspect meaning as well. This is possible due to a multielement aspect field which includes different aspect verbal constructions. The functioning of this field, which has the Perfect tense forms at its core, stalls the process of the tempo-ralization of the Perfect forms in Dutch. That is why in Dutch media texts Perfect forms are employed in an unusual detemporalized function, thus breaking the usual Grammar discourse of informational texts. An analysis of temporality in media discourse shows the important role of context in interpreting the meaning of the Perfect tense form in Dutch.

Key words: grammatical media discourse; the Dutch language; the historical development of the tense forms of Praeteritum and Perfekt; the comparison of Praeteritum and Perfekt; the temporal interpretation of the text; communicative significance.

Введение

Грамматический дискурс как элемент коммуникации привлекает в последнее время всё большее внимание лингвистов. Этот термин связан с общим пониманием грамматики текста и предполагает прежде всего анализ «локально-временной отнесенности текста» [Москальская 1981]. Причем для нидерландского языка именно временная отнесенность является наиболее важной проблемой. При этом мы исходим из признания грамматического дискурса неотъемлемым элементом «текста в совокупности со своим экстралингвистическим фоном» [Дементьева 2016, с. 21], т. е. грамматика текста, вслед за Г. В. Колшанским, определяется как «учение о структуре вербальной коммуникации» [Колшанский 2005, с. 106].

Временной план медийных текстов нидерландского языка, характеризующийся чередованием временных форм, представляет большой интерес для исследователей. Если употребление форм презенса и претерита вполне объяснимо с точки зрения нормативной грамматики, то формы перфекта часто выступают в непривычной для них двойственной, «вневременной» функции, нарушая предсказуемый грамматический дискурс медийных текстов информационного характера. В данной статье в качестве примера вербальной коммуникации рассматриваются нидерландскоязычные медийные тексты.

Двойственная функция нидерландского перфекта

В современных исследованиях в области грамматики нидерландского языка анализ медийного (политико-информационного) дискурса показывает «игру» временных форм прошедшего времени, к которым по традиции относят формы претерита и перфекта в информационных текстах (плюсквамперфект как форма, имеющая реляционное, т. е. относительное значение и употребляемая в подобных текстах для выражения предшествования, в настоящей статье не рассматривается). Неожиданное – с точки зрения грамматической стилистики таких текстов – появление в них при описании событий наряду с претеритными формами и форм перфекта вызывает вопросы о закономерности его употребления только в качестве временной формы. Этот вопрос связан с обсуждаемой в последнее время германистами темой исчезновения претерита (так называемый *Preteritumschwund*), что неизбежно ведет к перераспределению функций между претеритом и перфектом при выражении действия в прошлом.

Определяющим фактором временной отнесенности медийного текста в нидерландском языке является коммуникативная значимость перфекта, которая рассматривается как видо-временная форма глагола и имеет ряд специфических особенностей по сравнению с немецким и английским языками. Вопросам исторической взаимосвязи категорий вида и времени и реализации этой взаимосвязи в грамматической форме перфекта уделено значительное внимание в работах таких нидерландских лингвистов, как К.Г.Н. де Воойс [Vooy de 1957], П. Паардекопер [Paardekooper 1957], авторы «Всеобщей грамматики нидерландского языка» [Geerts et al. 1984] и др. В отечественной нидерландистике некоторые аспекты данной проблемы нашли отражение в трудах С.А.Миронова

[Миронов 2001], однако исследования, посвященные изучению специфики грамматики нидерландского языка по сравнению с немецким и английским, не получили должного развития, эта проблематика затрагивается лишь в отдельных работах [Дренясова 1993].

В английском языке в результате детемпорализации перфекта комплекс видо-временных категориальных признаков его аналитической формы трансформировался в категориальный признак временной отнесенности и рассматривается как особый вид [Смирницкий 1959]. В то же время немецкий и нидерландский языки входят в ареал развития перфектных форм, который, наоборот, характеризуется темпорализацией перфекта, т. е. смещением значимости видо-временных категориальных признаков перфектных форм в сторону временных. Вместе с тем в период становления литературных норм немецкого и нидерландского языков начали действовать закономерности и своеобразные механизмы развития этих близкородственных, но самостоятельных в своем развитии языков, что привело к близкому, но неодинаковому развитию их видо-временных систем.

Взаимозависимость видовых и временных значений реализуется в современных родственных германских языках по-разному, причем в качестве наиболее спорного аспекта отмечается наличие видового категориального признака аналитических форм перфекта, входящего в парадигму времени. В немецкой грамматике первоначальное результативное значение перфекта легло в основу традиционного толкования перфектных форм и формы перфекта рассматриваются как комбинация видового значения законченности действия с темпоральными семами, которые она имеет только на денотативном (периферийном) уровне парадигмы.

Сравнивая развитие видо-временной системы в близкородственных германских языках нидерландском и немецком при генетической общности основных процессов развития этой системы, исследователи констатируют, что в нидерландском языке степень темпорализации форм перфекта является значительно менее полной. Этому в большой степени способствует функционирование многоэлементного видового поля, которое отличается структурным многообразием. Ядро этого функционально-семантического видового поля или поля аспектуальности составляют видо-временные формы перфекта, в которых тесно переплетаются видовой и временной грамматические категориальные признаки. При этом исследования нидерландского языка показывают,

что ядро видового поля из-за сохранения видовой оппозиции совершенность / несовершенность¹ действия в видо-временных формах перфекта будет более сфокусированным, чем в близкородственных германских языках. В рамках этого поля развиваются различные по степени грамматизации видовые глагольные конструкции, что делает границы видо-временной системы в нидерландском языке неоднородными и тормозит процесс темпорализации перфектных форм [Дренясова 1991].

Исследуя функционирование форм перфекта в близкородственном нидерландском немецком языке большинство лингвистов придерживаются концепции, которая основана на том, что в немецком языке видо-временные формы перфекта охвачены процессом темпорализации. Превалирование в современном немецком языке временного значения перфектных форм привело к ревизии их традиционного видового толкования и рассмотрению перфекта с коммуникативно-прагматической точки зрения, т. е. непосредственно в его временной соотнесенности с моментом речи [Павлов 1984]. При этом формы перфекта в немецком языке остаются нейтральными в отношении вида действия, хотя и выражают в большинстве случаев именно завершенность действия, что отличает их употребление от употребления претерита.

Изучение отличительной коммуникативной значимости перфекта нидерландского языка показывает, что она основана на тесном переплетении видового и временного категориальных признаков, которое проявляется в разграничении функций форм перфекта и претерита при выражении временных отношений, т. е. в разной функциональной нагрузке этих форм. Формы перфекта в нидерландском языке несут двойную коммуникативную нагрузку, являясь при этом выразителем сопряженных грамматических значений вида и времени [Ярцева 1963].

Не найдя самостоятельной реализации в нидерландском языке, видовое противопоставление совершенность / несовершенность действия получило свое опосредствованное грамматическое выражение через призму временных форм. Грамматическая форма выражения видового значения перфективности через видо-временные глагольные формы перфекта выделяет это видовое значение как наиболее

---

¹ Здесь и далее для обозначения видового значения нидерландского перфекта используются традиционные для грамматики нидерландского языка термины «совершенность» и «несовершенность».

обобщенное из спектра других видовых значений нидерландского языка, образующих видовую периферию, для выражения которых имеется целый набор различных языковых средств с различной степенью грамматикализации [Дренясова 1991].

В нидерландском языке для форм перфекта в нидерландском языке характерна двойственность временного плана – предшествующего и последующего, объединенных видовым значением завершенного действия, как например, в предложении:

De klok *is* in de nacht van zaterdag op zondag om 2.00 uur een uur *vooruitgegaan* door het ingaan van de zomertijd (NRC).

В 2 часа ночи с субботы на воскресенье часы переведены на час вперед в связи с переходом на летнее время;

De zomertijd *is in het leven geroepen* om mensen meer gebruik te laten maken van het beschikbare daglicht (NRC).

Переход на летнее время введен, чтобы дать возможность людям продлить светлое время суток.

Видовой аспект перфектных форм нашел свое выражение и в грамматической терминологии нидерландского языка, согласно которой шесть времен нидерландского глагола наряду с латинскими названиями имеют и нидерландские названия, которые выражают противопоставление совершенность/несовершенность (*voltooid / onvoltooid*) [Geerts at al... 1984].

Если в немецком языке видовой аспект перфектной формы, по мнению грамматистов, является достаточно спорным, то большинство исследователей в области нидерландского языка указывают на взаимосвязь категорий вида и времени и реализацию этой взаимосвязи с грамматической формой перфекта. Для иллюстрации этого положения нидерландский лингвист К. Г. Н. де Воойс в своей работе «Nederlandse spraakkunst» приводит пример употребления перфекта в нидерландском языке по сравнению с аналогичными фразами в немецком и английском языках, где в той же ситуации и в аналогичной функции употреблен претерит [Vooy's de 1957]. Ср.:

нем. Ich *war* gestern im Theater.

англ. Yesterday I *was* in the theatre.

нидер. Gisteren *ben* ik in de schouwburg geweest

[Vooy's de 1957, с.139].

Автор никак не объясняет различие в употреблении форм глагола в приведенных примерах, а лишь констатирует факт, предлагая читателю самостоятельно искать ему объяснение. И тем не менее де Воойс подводит читателя к определенному выводу: при одинаковой временной отнесенности к прошедшему, подкрепленной временным уточнителем – обстоятельством времени, действие, выраженное формами претерита и перфекта, в видовом плане рассматривается, очевидно, в этих языках по-разному: в первом и втором примерах (немецкий и английский языки) – как несовершенное, в третьем (нидерландский язык) – как совершенное. Этим подтверждается факт «гибкости» коммуникативной значимости перфекта в нидерландском языке.

Употребление нидерландского перфекта в медийном дискурсе

Из видового различия форм претерита и перфекта вытекает и стилистическое различие, заключающееся в том, что претерит употребляется при живом, наглядном повествовании, а перфект – при нейтральной констатации факта. Такое стилистическое различие в определенной мере находит отражение и в построении современных текстов нидерландских средств массовой информации, где в первой фразе с помощью временной формы перфекта называется факт – произошедшее событие, а в последующих предложениях, которые сообщают о деталях события, употреблен претерит. Ср.:

HOTELKAMERS. Nederlandse hotelkamers *zijn* ten opzichte van vorig jaar goedkoper *geworden*. De prijs *daalde* met 1 procent. Dat blijkt uit het onderzoek van Hotels.com, een boekingsite die de wereldwijd prijsontwikkeling van hotels jaarlijks onderzoekt. De landelijke daling is grotendeels te danken aan Utrecht. Dan *daalden* de prijzen met gemiddeld 6 procent. Ook Den Haag en Eindhoven *kenden* een kleine daling. Rotterdam en Amsterdam *werden* niet goedkoper. Met gemiddeld 135 euro voor een hotelkamer blijft Amsterdam de duurste stad om te overnachten. De overnachtingsprijzen *stegen* mondiaal met drie procent. Novum (NRC).

Использованные в тексте формы неисторического презенса, сменяющие претерит, показывают, что в данный контекст вплетены высказывания о действительности. Ср.:

SALARISVERSCHIL. Het inkomensverschil tussen mannen en vrouwen in Nederland die hetzelfde werk doen, *is* in drie jaar met 3 procentpunt *afgenomen*.

Het inkomensverschil bedraagt echter nog altijd gemiddeld 17 procent, blijkt uit de Women in Work Index van account PwC. Nederland **steeg** op de internationale Women in Work-ranglijst van PwC van de zeventiende naar de twaalfde plaats. De arbeidsparticipatie van vrouwen **steeg** sinds 2011 met 1 procent naar 74 procent (in vergelijking met 84 procent onder mannen). Het aandeel vrouwen met een voltijdsbaan **bleek** de afgelopen jaren met 39 procent gelijk (NRC).

Таким же образом осуществляется распределение перфекта и претерита в медийных текстах информационного содержания в близкородственном немецком языке:

Karlsruhe erlaubt Protest am Karfreitag
bin. Hannover, 30 November

Das Bundesverfassungsgericht **hat** den Schutz stiller Feiertage im Grundsatz **bestätigt**. Dabei **müssten** allerdings Ausnahmen möglich sein. Der Erste Senat **gab** damit der Verfassungsbeschwerde des “Bundes fuer Geistesfreiheit” **statt**, der sich gegen das Verbot einer geplanten “Heidenspass-Party” am Karfreitag 2007 **gewehrt hatte**. Die Richter **argumentierten**, das Verbot **habe** gegen die Rechte auf Versammlungsfreiheit und Religionsfreiheit **verstoßen** (Fr. Allg.).

И в нидерландском, и в немецком языках информационные заметки такого рода могут заканчиваться предложением, в котором употребляется перфектная форма (в данном примере в форме передачи косвенной речи). Такое предложение подводит итог сказанному.

На фоне подобного структурированного относительно употребления временных форм построения медийных текстов обращает на себя внимание необычное употребление форм нидерландского перфекта, вплетенное в медийное повествование, где, как и подобает в повествовании, используются формы претерита. Например:

PPV-stemmers, die na de overwinning van Trump **overstelt waren** met aandacht van schuldbevuste media, hadden zich voor de zoveelste keer gek laten maken door Wilders’ afkodiging van de totale afrekening – nu **werden** ze wakker in een wereld waarin zij **waren** wat ze altijd **geweest waren**: niet Het Volk, maar gewoon een minderheid. Weer geen schoon schip.

Op links **drong** het besef door dat het fenomenale success van Jesse Klaver schril **afstak** tegen de rest van het linkse landschap – een woestijn. Het land is verder naar identitair rechts **opgeschoven**, richting pleur op en het Wilhelmus. En om meteen een einde aan iedere vreugde te maken: het gedachtegoed van

Wilders is diep *doorgedrongen* tot de partijen, die hem klein *wilden* houden, het CDA en de VVD. Eigenlijk viel er dus niets te vieren! (NRC).

Вданномотрывкеизколонкиредактораоднойизцентральныхнидерландских газет *NRC Handelsblad*, написанной непосредственно по следам недавно прошедших парламентских выборов в Нидерландах, речь идет о выборах, которые не объединили страну. Все партии по отдельности представляют определенные слои населения, поэтому, как считает автор, и радоваться нечему (в этой части текста употреблены формы претерита: *hadden, werden, waren, drong, afstak*). В то же время страна, – продолжает автор, – всё же сдвинулась вправо (*is naar ... rechts opgeschoven*) и идеи, высказанные правыми, глубоко проникли (*is diep doorgedrongen*) в головы членов тех партий, которые сначала не хотели их воспринимать. В этой части текста автор использует формы перфекта, выражающие видовое значение результативности действия, которое продолжается до момента речи и которое важно в момент повествования. В данном случае контекст оживляет аспектуальную (видовую) сему перфекта, которая выступает на первый план на фоне временного предшествования, и таким образом формы перфекта становятся опосредствованным выражением видового значения.

Частотность примеров включения форм перфекта на фоне повествовательного претерита в медийных текстах нидерландского языка достаточно высока и может быть подтверждена статистическими подсчетами.

Статус перфекта в исследованиях структуралистов

В последние десятилетия темпоральная интерпретация текста, содержащего формы перфекта, подвергается определенной корректировке в связи с пересмотром грамматического статуса формы перфекта, которая выдвигается представителями структурального направления в лингвистике, такими как Х. Феркейл и Т. Янссен [Verkuyl 1990; Janssen 1983]. Согласно этой новой теории перфект в нидерландском языке представляет собой не прошедшее время глагола, а временную композицию, которая выражает предшествование (*anterioriteit*), показывает, что временной интервал, в течение которого произошло действие, обозначаемое, по нидерландской терминологии, причастием совершенного вида, предшествует временному интервалу, обозначаемому вспомогательными глаголами *hebben* и *zijn*. Таким образом финитные и инфинитные глаголы перфектной конструкции

в темпоральном плане модифицированы по-разному, и каждый глагол в составном сказуемом, в принципе, связан со своим собственным, сравнительно автономным, временем. В результате только финитные глаголы рассматриваются как дейктические (т. е. указывающие на соотношенность во времени по отношению к говорящему), и по такой схеме перфект является составной композицией из дейктического средства выражения, которым выступает финитный глагол, и недейктического средства выражения, представленного инфинитной частью. При этом дейктическим остается отношение между временем, выраженным финитным глаголом и моментом речи [Janssen 1987].

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что, несмотря на различие теоретических предпосылок в работах лингвистов, анализ темпоральной интерпретации текста с грамматической конструкцией *hebben / zijn + причастие прошедшего времени* показывает двойственный спектр грамматических значений перфектных форм в нидерландском языке при определяющей роли контекста в трактовке значения временных глагольных форм, в том числе и такой сложной видо-временной формы глагола в нидерландском языке как форма перфекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дементьева А. П. Контекстный подход к формированию иноязычной грамматической компетенции лингвиста-преподавателя // Реализация компетентностного подхода в системе иноязычной подготовки профессиональных кадров. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 17–30. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 16 (755). Педагогические науки).
- Дренясова Т. Н. Видовая характеристика форм перфекта в нидерландском языке // Филологические науки. 1991. № 6. С. 82–91.
- Дренясова Т. Н. К вопросу функционирования элементов поля аспектуальности в нидерландском языке // Известия АН СССР, Серия лит-ра и язык. Т. 50. 1991. № 3. С. 207–215.
- Дренясова Т. Н. Развитие видо-временных отношений в системе перфекта нидерландского языка (к типологической характеристике нидерландского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т яз РАН, 1993. 56 с.
- Колшанский Г. В. Знак, номинация, коммуникация: статьи разных лет. Развитие идей ученого в трудах соратников и учеников. Коммуникативно-

- деятельностный подход к изучению языка на основе идей Г. В. Колшанского. М. : Рема, 2005. С. 99–106.
- Миронов С. А.* Нидерландский (голландский) язык. Калуга : Эйдос, 2001. 140 с.
- Москальская О. И.* Грамматика текста немецкого языка для институтов и факультетов иностранного языка: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1981. 183 с.
- Павлов В. М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматических значений и аспектологические исследования. Л. : Наука, 1984. С. 42–70.
- Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
- Ярцева В. Н.* Об аналитических формах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 52–60.
- Geerts G. et al.* Algemene Nederlandse Spraakkunst / G. Geerts, W. Haeseryn, J. Rooij de, M. C. Toorn van den. Wolters-Noordhoff Groningen Wolters Leuven, 1984, 1318 p.
- Janssen Th. A. J. M.* Het temporele systeem van het Nederlands: drie tijden en twee tijdcomposities // Glot. 1983. P. 45–104.
- Janssen Th. A. J. M.* Het perfectum syntactisch en semantisch samengesteld // TABU. 1987. № 17. P. 28–53.
- Paardekooper P. C.* De tijd als spraakkunstgroep in het ABN // N. Tg. 1957. № 50. P. 38–45.
- Verkuyl H. J.* Tense, aspect and aspectual composition. Utrecht Institute of Linguistics // OTS. 1990. P. 125–160.
- Vooy's C. G. N. de,* Nederlandse Spraakkunst, herzien door dr. M. Schönfeld. Groningen. 1957. 420 p.

А. А. Евдокимова, Е. А. Гринина

Евдокимова А. А., доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права юридического факультета МГЛУ; e-mail: ana.evdokimova@gmail.com

Гринина Е. А., кандидат филологических наук, доцент ВАК; доцент кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД РФ; e-mail: eagrinina@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ ИСПАНИИ: НОРМАЛИЗАЦИЯ, НОРМАТИВИЗАЦИЯ, КОДИФИКАЦИЯ

Статья посвящена процессу формирования языковой нормы трех романских региональных языков Испании: каталанского, галисийского и аранского. В современной лингвистике языковая норма имеет двоякую интерпретацию. В широком смысле она понимается как традиционно сложившиеся правила использования языковых средств во всех разновидностях речи. В узком смысле это строго отобранные языковые средства, зафиксированные в словарях, грамматиках и дидактических материалах, которые являются обязательным эталоном для данного общества и закрепляются в учебных заведениях и средствах массовой информации.

Огромное влияние на создание нормы оказывают экстралингвистические факторы, такие как политическая, экономическая, социальная ситуации в регионе, выбор языка социальной средой. Цель статьи показать, как протекают нормализационные и кодификационные процессы в соответствующих автономных областях Испании, какие трудности возникают на этом пути и какие успехи уже достигнуты. Материалом для исследования послужили нормативные акты, которые были приняты центральным правительством Испании и органами власти в соответствующих автономных областях, а также грамматика и словари, созданные академическими институтами, задача которых как раз и состояла в том, чтобы запустить нормализационные и кодификационные процессы. В качестве методов исследования были использованы описание, сравнительно-сопоставительный анализ с учетом диахронии и синхронии, синтез и обобщение.

В ходе исследования был сделан вывод о том, что несмотря на сложности и препятствия, нормализационные и кодификационные процессы не останавливаются. Наиболее успешно эти процессы развиваются в Каталонии и Галисии, где практически решены самые важные и острые проблемы. В Аранской долине, даже при наличии политической воли для их решения, существуют объективные препятствия, которые замедляют эти процессы, но не приостанавливают их. Таким образом, нормализационные и кодификационные процессы остаются одной из приоритетных задач для региональных языков Испании.

Ключевые слова: языковая норма; нормализация; нормативизация; кодификация; стандартизация; региональные языки; коофициальный язык; каталанский язык; галисийский язык; аранский язык; языковая политика; социоллингвистика, автономные области.

Evdokimova A. A.

Associate professor of linguistics and professional law communications department of IPEU MGLU:

e-mail: ana.evdokimova@gmail.com

Grinina E. A.

Associate professor of spanish language department MGIMO (university) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

e-mail: eagrinina@yandex.ru

**REGIONAL LANGUAGES OF SPAIN:
NORMALIZATION, STANDARDIZATION,
CODIFICATION**

The article is devoted to the process of forming the linguistic norm of the three Romanesque regional languages of Spain, namely Catalan, Galician and Aran. In modern linguistics, the linguistic norm has a twofold interpretation. In the broadest sense, it is understood as the traditionally established rules for the use of linguistic means in all types of speech. In a narrow sense, these are the strictly selected language tools fixed in dictionaries, grammars and didactic materials, which are an indispensable standard for a given society and are fixed in educational institutions and the media.

The extra-linguistic factors, such as the political, economic, social situation in the region, the choice of language due to a social environment, have a huge influence on the creation of the norm. The purpose of the article is to show how normalization and codification processes are developing in the respective autonomous regions of Spain, what difficulties arise along and what achievements have already been made. The material for the study were the normative acts adopted by the Spanish central government and authorities in the respective autonomous regions, as well as grammar books and dictionaries created by academic institutions, the task of which was precisely to launch the normalization and codification processes. Descriptions, comparative analysis including diachrony and synchrony, synthesis and generalization were used as a method of investigation.

In the course of the study, it was concluded that despite the difficulties and obstacles the normalization and codification processes do not stop. Most successfully these processes are developing in Catalonia and Galicia, where the most important and acute problems are practically solved. In the Aran Valley, even with the political will to solve these problems, there are objective obstacles that slow these processes, but most importantly do not suspend them. Thus, normalization and codification processes remain one of the priority tasks for the regional languages of Spain.

Key words: Language norm; normalization; normativization; codification; standardization; regional languages; co-official language; Catalan; Galician; Aran; language policy; sociolinguistics; autonomous regions.

Региональные языки Испании: нормализация, нормативизация, кодификация

Формирование языковой нормы до сих пор остается приоритетной задачей для региональных языков Испании. В современной лингвистике языковая норма имеет двоякую интерпретацию. В широком смысле она понимается как традиционно сложившиеся правила использования языковых средств во всех разновидностях речи. В узком смысле это строго отобранные языковые средства, зафиксированные в словарях, грамматиках и дидактических материалах, которые являются обязательным эталоном для данного общества и закрепляются в учебных заведениях и средствах массовой информации.

Процесс формирования языковой нормы иногда называют *нормированием*, или *нормативизацией*. Под этими терминами понимается процесс формирования и стандартизации орфоэпических, грамматических и лексических норм, считающихся образцовыми в данном языке. При этом часто смешиваются понятия «нормализация» / «нормативизация» / «кодификация». Одни авторы употребляют понятия «нормализация» и «кодификация» как синонимы, другие, в частности, испанские лингвисты (Ф. Руис, Р. Санс, и др.) ставят знак равенства между понятиями «нормализация» и «кодификация».

Целью данной статьи – раскрыть содержание этих понятий на примере формирования языковой нормы региональных языков Испании, в частности, галисийского, каталанского и аранского языков, а также показать, как проходят нормализационные и кодификационные процессы сегодня, каковы достигнутые успехи и что тормозит дальнейшее движение вперед.

Особенности формирование языковой нормы региональных языков Испании

Огромное влияние на создание нормы оказывают экстралингвистические факторы, такие как политическая, экономическая, социальная ситуация в регионе, выбор языка социальной средой. Все три выбранных для анализа региона (Галисия, Каталония и Аранская долина) познали период расцвета и свободы в Средние века, который был прерван в связи с тем, что они оказались в составе Испанского королевства. Языковая политика последнего обернулась резким усилением влияния в XVI в. кастильского языка во всех сферах общественной жизни и резким сокращением использования языков и диалектов,

исконных для данных территорий. Попытки возродить и сохранить родной язык предпринимались на протяжении всего XIX и первой трети XX вв., однако всерьез говорить о запуске нормализационных процессов можно лишь после принятия Конституции 1978 г., когда в Испании была восстановлена демократия.

Несмотря на то, что основные исторические вехи являются общими для всех регионов Испании, результаты, которых они добились сегодня, оказались разными. В Каталонии присутствуют националистические настроения и силы, стремящиеся отделить регион от Испании. Аранская долина, напротив, не заинтересована выходить из состава Испании или Каталонии, хотя право на этот шаг даже прописано в законе [Григина 2014]. Галисия развивает свою национальную идею: пытается, например, связать свое прошлое с кельтами. В регионе существуют движения, предпринимающие попытки борьбы за признание галисийского языка диалектом португальского, что приводит к постоянным столкновениям в процессе нормализации галисийского языка [Evdokimova 2012].

Языковая политика трех упомянутых выше регионов разительно отличается между собой, хотя законы и декреты, принимаемые как на государственном, так и на региональном уровне, направлены на укрепление статуса соответствующих региональных языков. В Каталонии языковая политика носит явно агрессивный характер, что подтверждают факты, свидетельствующие о явных или невольных попытках вытеснения испанского языка. В Галисии при доминировании испанского языка региональный язык с трудом отстаивает свои позиции. Ситуация осложняется появлением нового конкурента в лице английского языка, расширяющего свое присутствие в школах за счет галисийского [Евдокимова 2012]. Самой сбалансированной оказалась языковая политика Аранской долины, где используются три языка (испанский, каталанский и аранский), и никто не чувствует себя ущемленным. Последний является одним из территориальных диалектов окситанского языка и, благодаря поддержке правительства Каталонии, не только получил статус официального языка в Аранской долине, но и активно расширяет сферы своего использования.

Прежде чем ответить на вопрос, как протекают нормализационные и кодификационные процессы в упомянутых выше регионах, следует выяснить, что стоит за понятиями «нормализация», «нормативизация», «кодификация».

Единственное понятие, которое не вызывает никаких споров, это *кодификация*. Все авторы сходятся во мнении, что кодификация литературной нормы – это ее описание в словарях, грамматиках, справочниках и других официальных изданиях.

Наиболее разработанным, что вполне естественно, является каталанский язык. В XIX в. начинается период, который получил название *Renaixença*, однако все усилия были направлены на возрождение каталанской культуры в целом и, в частности, литературы на каталанском языке, например, восстановление в 1859 г. поэтического турнира «Цветочные игры» («*Jocs Florals*»). Вопрос о необходимости кодификации каталанского языка был впервые поставлен на страницах модернистского журнала *L'Avenç*, созданного в 1889 г. В ходе полемики обсуждалось: каким должен быть каталанский язык; как покончить с анархией, царившей в орфографии; как найти разумное соотношение между высоким литературным стилем и просторечьем; как очистить язык от лексических и грамматических интерференций, вошедших в каталанский язык в силу давления со стороны кастильского языка [Ferrando 493].

Усилия молодых каталанских филологов и историков (Ж. Массо-и-Торренс, А. Кортада, Е. Канибель, Ж. Касас-Карбо, П. Фабра, А. Рубио-и-Льюк, Ж. Рубь-и-Орс и др.) при поддержке местных властей привели к созданию в 1907 г. Института каталанских исследований, цель которого была провозглашена как организация научной и культурной деятельности, однако на практике он превратился в академию языка. Точкой отсчета стала реформа орфографии, базу которой заложили «*Normes Ortogràfiques*» П. Фабры (1913), переработанные в 1917 г., именно они и легли в основу орфографии современного каталанского языка. Параллельно велась работа над созданием грамматики и словаря. Именно П. Фабра за два десятилетия сумел практически завершить работу над кодификацией каталанского языка. В 1912 г. вышла его «*Gramàtica de la llengua catalana*», в 1918 г. – «*Gramàtica catalana*», ставшая нормативной грамматикой каталанского языка, а в 1932 г. – словарь «*Diccionari general de la llengua catalana*». Кстати, в 1956 г. ученик Фабры Ж. Короминас выпустил посмертное издание грамматики своего учителя, в котором отражены более зрелые взгляды автора на кодификационные и нормализационные процессы. Среди последователей П. Фабры, которые успешно продолжили его дело, Ф. Молль, А. Бадия-и-Маргарит, Р. Арамон-и-Серра и многие другие

стали авторами целого ряда научных трудов, в том числе исторических грамматик каталанского языка.

Новый этап кодификации каталанского языка наметился в 1990 г., когда при поддержке Правительства Каталонии Институт каталанских исследований разработал стандарт устной формы каталанского языка «Proposta per a un estàndard oral de la llengua catalana I. Fonètica» (1990), «Proposta per a un estàndard oral de la llengua catalana. II. Morfologia» (1992) и нормативный словарь каталанского языка «Diccionari normatiu de la llengua catalana» (1995), который был обновлен и переиздан в 2007 г.

Возрождение галисийского языка (Rexurdimiento) начинается в 1840 г. зарождением движения, которое получает название *провинциализм* (*movimiento provincialista*). Оно возникает в стенах университета Сантьяго де Компостела. Лидером движения становится Антолин Фаральдо. В 1846 г. создается организация «Os mártires de castal», одной из задач которой является восстановление галисийского языка. В 1861 г. проходит так называемый поэтический конкурс «Цветочные игры» («Juegos florales»), где впервые начинает открыто звучать галисийский язык, но знаковым для его возрождения становится 1863 г., когда Розалия де Кастро публикует свой первый сборник стихов на галисийском языке «Песни о Галисии» («Cantares Galegos»). Первые попытки создания литературной нормы были предприняты в конце XIX в., когда вышли в свет грамматики и словари галисийского языка. Первой грамматикой стала работа Франсиско Мираса «Суть галисийско-кастильской грамматики» (1864). В настоящее время официально принятыми нормами галисийского языка считаются «Орфографические и морфологические нормы галисийского языка», одобренные на совместном заседании Королевской академии галисийского языка и Института галисийского языка, состоявшемся 12 июля 2003 г. [Normas 2003]. Все лингвисты сходятся на том, что нормы требуют дополнительной разработки.

Договоренность о выпуске новой официальной грамматики была достигнута в 2011 г. между Королевской академией Галисии, Институтом галисийского языка и Советом по культуре Галисии. Официальная грамматика галисийского языка должна быть разработана и издана в течение трех лет. Параллельно велась работа над словарем. С 2012 г. словарь галисийского языка Королевской академии Галисии доступен в режиме онлайн.

Кодификацией аранского языка занимается кафедра окситанских исследований, возглавляемая Айтором Каррера, молодым и талантливым лингвистом, перу которого принадлежит ряд монографий, посвященных аранскому языку, в том числе и грамматика аранского языка. Поскольку речь идет об одном из территориальных диалектов окситанского языка, А. Каррера, с одной стороны, ориентируется на результаты, достигнутые окситанскими лингвистами [Sauzet 2002], с другой стороны, он обращает особое внимание на все случаи расхождения между аранским и окситанским. Окситанцы, не имеющие поддержки со стороны государства, в свою очередь, с надеждой смотрят на Аранскую долину, сумевшей запустить нормализационные и кодификационные процессы, как на маяк, который освещает им путь вперед. Несмотря на то что уже изданы орфографические правила окситанского языка (Р. Лафонт 1971) и окситанская грамматика (Л. Алиберт 1935, 1975), кодификация окситанского языка будет зависеть от того, будет ли этот язык востребован обществом.

В трактовке терминов «нормативизация» и «нормализация» нет единого подхода, и их интерпретация может быть диаметрально противоположной. По утверждению известного австрийского лингвиста Г. Кремница, эти термины были придуманы в 1960-е гг. каталанскими социолингвистами в связи с необходимостью нормирования каталанского языка, что подразумевало создание стандарта (*langue de référence*); новые термины понадобились для того, чтобы выделить и обособить проблему, поскольку речь шла о языке, не имеющем на тот момент официального статуса, а письменная традиция его к тому же прерывалась [Kremnitz 2013]. Данная терминология довольно быстро вошла в научный обиход и получила различное толкование среди социолингвистов разных стран.

Рассмотрим две крайние точки зрения. Группы ученых, среди которых многие видные специалисты по русскому языку (В. И. Даль, И. Г. Яковенко, Л. К. Граудина), рассматривают «нормативизацию» как синоним кодификации, т. е. создание грамматики и орфографии, а также устойчивой лексики, что должно быть отражено в учебниках по грамматике и словарях, соответственно, а также должно служить говорящим на языке точкой отсчета, особенно при письме, а «нормализацию» эти лингвисты связывают с созданием нормы литературного языка. Так, например, доктор филологических наук, профессор Л. К. Граудина, автор работы «Вопросы нормализации русского языка:

Грамматика и варианты», считает, что понятие «нормализация» касается прежде всего становления и утверждения нормы литературного языка, а также ее описания и упорядочения языковедами. Автор пишет о том, что нормализация – это «1) изучение проблемы определения и установления нормы литературного языка; 2) исследование в нормативных целях языковой практики в ее отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм литературного языка» [Граудина 1980, с. 3].

Другие ученые, среди которых прежде всего каталанские социолингвисты, а также многие зарубежные и отечественные романисты (Ф. Вальверду, Л. Арасил, Ж. Сула, М. Сегарра, Г. Кремниц, К. Гарсия Гонсалес, Б. П. Нарумов и др.) понимают нормативизацию более широко как процесс создания или обновления нормы, а *нормализацию* как процесс исторически длительный, направленные на восстановление функций языка в конкретном обществе. Так, по мнению Б. П. Нарумова, *нормализация* представляет собой действие и процесс распространения языка и его применения во всех важнейших сферах общественной жизни и деятельности данной общности людей: «Под нормализацией понимается придание в законодательном порядке официального статуса региональному языку и введение его в различные сферы коммуникации, в которых ранее безраздельно господствовал испанский язык, в том числе в систему преподавания» [Нарумов 2008, с. 46]. При этом этот лингвист, в отличие от других авторов, не ограничивает функции языка лишь отбором наиболее употребительных единиц и поиском единых языковых вариантов, а говорит об использовании данного языка:

- всеми тремя ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной;
- в бытовом общении;
- в СМИ;
- в образовании, при этом на всех ступенях.

Авторы данной статьи разделяют точку зрения Б. П. Нарумова, и вслед за ним, под *нормализацией* понимают исторический и социокультурный процесс, результатом которого является максимально полное восстановление функций языка и его использование во всех сферах жизни общества, под нормированием – создание литературной

нормы языка, а под *нормативизацией*, или *кодификацией* – письменную фиксацию этой нормы в грамматиках и словарях.

Создание литературной нормы, как хорошо известно, процесс длительный и сложный, уходящий корнями в глубь веков, когда самого понятия нормы еще не существовало, однако уже было представление о правильности.

Создателем каталанского литературного языка стал автор XIII в. Рамон Льюль. Язык его сочинений, будь то художественные произведения либо философские, религиозные или научные трактаты, был образцом для подражания. Королевская канцелярия, которая объединяла лучших стилистов, редакторов и переводчиков того времени, в XIII–XV вв. строжайше следила за соблюдением правильности каталанского языка [Гринина 1986].

Наличие богатейших культурных и литературных традиций впоследствии во многом облегчила задачу возрождения каталанского языка в XIX в. На протяжении XX в. была создана база, которая позволила довольно быстро запустить нормализационный процесс, после того как каталанский язык был признан коофициальным языком. Этот процесс, которым руководит Институт каталанских исследований, получил название стандартизации. Результатом это процесса стало то, что, с одной стороны, каталанский язык восстановил все свои функции, с другой – был создан единый стандарт, на который ориентируются официальные органы, СМИ и, главное, система образования. По сути дела, стандарт – это не что иное, как норма литературного каталанского языка.

Процесс создания нормы галисийского языка затянулся в связи с тем, что в период с XIV по XVI вв. происходило насаждение кастильского языка через вытеснение с территории Галисии имеющих социальный вес носителей языка, т. е. знати, которая была наиболее образованной элитарной социальной группой и являлась носителем речевой культуры.

Галисийский язык, начиная с XV в. и вплоть до XVIII в., практически не имеет рукописных и печатных памятников. Он воссоздавался на основе устной речи. Перед творческой интеллигенцией в XIX – первой половины XX в. стояли две задачи: *во-первых*, начать разработку письменной нормы; *во-вторых*, создать литературную традицию, которая вернула бы галисийскому статус языка. Эпоха галисийского Rexurdimento ассоциируется, прежде всего, с именами: Розалия

де Кастро, Мануэль Куррос Энрикес и Эдуардо Пондаль, хотя с начала XIX в. целая плеяда деятелей культуры уже создает ряд произведений на галисийском языке, например: Xoán Manuel Pintos, Francisco Añón Paz, Alberto Camino.

Источниками современных изменений литературной нормы становятся и многочисленные заимствования. Это могут быть как диалектальные заимствования, так и лексические заимствования из других языков. Для галисийского – это прежде всего заимствования из кастильского языка. Это могут быть как структурно новые типы слов, так и кальки. Например, структурно новые типы слов – в галисийском языке это, например, слияние артикля с предлогом: **a + o = ao** или **con + a = coa**. А кальки с кастильского – «х» читается как /ks/ existencia, boxeo, вместо традиционного /s/.

При изменении нормативного статуса либо при возникновении нового произношения уже известных слов, постановке новых акцентов – все эти изменения фиксируются лингвистами. Часто все новшества и достаточно быстро, особенно в наше время, фиксируются в словарях. Они могут, на первых этапах сопровождаться пометками запретительными или ограничивающими их употребление. К первым относятся такие пометки, как: *неправильно, недопустимо, не рекомендуется, устаревшее*. Ко вторым: *просторечие, разговорное, жаргонное* и т. д. Если употреблять первые не рекомендуется во все, то вторые можно употреблять, но с определенными оговорками и в конкретных ситуациях.

Допускается и определенная вариативность нормы. В галисийском – это затрагивает и письменную норму, как например, в случае слияния предлога и артикля: **a + o = ao / ó**; при образовании женского рода: *ladrón / ladroa* или *ladra*.

Современными кодификаторами грамматической нормы делаются многочисленные уступки просторечному узусу. Отличие гальего в том, что он не просто допускает некую вариативность в качестве нормы, а в том, что кодификаторы галисийского языка пытаются создать норму на основе разговорного языка. Отсюда существование таких лексических групп как: *palabras patrimoniales*, заимствования, адаптированные к галисийскому языку (*prestamos adaptados al gallego*), научная лексика (*palabras de procedencia culta*) и т. д. Часто кодификаторы ищут некий консенсус в тех случаях, когда существуют варианты произношения того или иного слова.

Например, «х» читается как /ʃ/ в словах *patrimoniales* и в заимствованиях, адаптированных к галисийскому языку (*prestamos adaptados al gallego*): *xamón, xente, xersei, xullo*; и как /ks/ перед согласными, в конце слов: *texto, tórax*; и между двумя гласными в *palabras de procedencia culta*, которые можно рассматривать как кальки: *existencia, sexo, boxeo*.

Несмотря на все трудности, имеющуюся вариативность нормы, галисийский язык полностью нормализован. Он используется на всех ступенях образования и в СМИ. Подавляющее большинство жителей Галисии владеет галисийским наравне с испанским и является билингвами.

Успеху нормализации аранского языка способствует грамотная языковая политика и языковое планирование: этот язык уже введен в начальную школу как обязательный, а также используется местной администрацией как язык официальных документов. Однако аранский язык еще только вначале этого сложного и долгого пути, поскольку, будучи одним из территориальных диалектов окситанского, бытовавших, преимущественно, в устной форме, он не имеет базы, на которую мог бы опереться.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что нормализационные и кодификационные процессы остаются одним из приоритетных задач для региональных языков Испании. Несмотря на сложности и препятствия, эти процессы не останавливаются, и это подтверждают приведенные примеры, связанные с формированием языковой нормы каталанского, галисийского и аранского языков. Наиболее успешно эти процессы развиваются в Каталонии и Галисии, где практически решены самые важные и острые проблемы. В Аранской долине, даже при наличии политической воли для их решения, существуют объективные препятствия, которые замедляют эти процессы, но, и это самое важное, не приостанавливают их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М. : Наука, 1980. 288 с.
- Гринина Е. А. Грамматические и риторические понятия в средневековых трактатах Прованса и Каталонии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 216 с.

- Григина Е. А.* Аранский язык: vademécum / Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: материалы VII Международ. конф., Москва, МГУ, 27–28 ноября 2014, С. 27–28.
- Евдокимова А. А.* Декрет о многоязычии в системе неуниверситетского образования Галисии 2010: первые итоги / Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: материалы VI Международ. конф. 22–23 ноября 2012 г. филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : МАКС Пресс, 2012. С. 29–30.
- Нарумов Б. П.* Формирование романских литературных языков: современный галисийский язык. 2-е изд., доп. М. : ЛКИ, 2008. 166 с.
- Evdokimova A.* El gallego: ¿isolación o reintegración? / Испанский язык в контексте новых вызовов XXI в.: исследования и преподавание: материалы V Международ. науч. конф. испанистов 26–28 апреля 2012 г. М. : МГИМО (У), 2012. С. 216–217.
- Ferrando Francés A., Nicolás Amorós M.* Història de la llengua catalana. Barcelona : UOC, 2011. 552 с.
- Kremnitz G.* Questions de terminologie et de concepts / Histoire sociale des langues de France. P. : Presses universitaires de Rennes, 2013. С. 103–112.
- Normas orfográficas e morfológicas do idioma galego Xunta de Galicia. Santiago de Compostela : Xunta de Galicia, 2003. 136 p.
- Sauzet P.* Réflexions sur la normalisation linguistique de l'occitan / Codification des langues de France. P. : L'Harmattan, 2002. С. 39–61.

УДК 81.22

Л. Д. Исакова

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: isakova_ld@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (сопоставительный аспект)

В статье проводится сопоставительный анализ глагольных терминов на трех германских языках: английском, немецком и шведском. Глагольные термины выражаются в научных текстах однословными глаголами и глагольно-именными словосочетаниями. При сопоставлении терминов технических и гуманитарных текстов обнаруживается сходство в их развитии, что подчеркивает тенденцию к универсальности рассматриваемого явления.

Терминология занимает важное место в создании научной картины мира. Глагольные термины обозначают специфические действия, процессы или состояния, характерные для определенной области знания. С точки зрения языкового выражения, они представлены однословными глаголами или глагольно-именными словосочетаниями.

Сопоставление языковых явлений, наблюдающихся в разных языках, позволяет установить общие признаки состояния и развития языка, возможности преломления определенных законов в соответствии с особенностями конкретных языков, дать наглядную картину многообразной вариативности языка.

К научным текстам предъявляются требования точности выражения мысли, отсутствия вариативности восприятия языкового выражения, нейтральной стилистической окраски языковых единиц, использования повторяющихся в научных средствах.

Сопоставление электротехнических терминов в трех близкородственных языках показывает существующие тенденции в развитии рассматриваемых терминов и зависимость особенностей образования терминологических единиц от типологической характеристики языка. Глагольные термины в германских языках представлены простыми, производными и сложными глаголами. В английском языке проявляется, по сравнению с немецким и шведским языками, больше признаков развития к изолирующему строю, для него характерен конверсивный тип образования глагольных терминов от терминов-существительных.

Глагольная терминологическая лексика пополняется и за счет употребления глагольно-именных словосочетаний. Употребление данных словосочетаний хорошо вписывается в стиль научных текстов, для которых характерна номинативность и идиоматичность языкового выражения. Глагольные терминологические словосочетания могут иметь лексические эквиваленты среди глаголов. Распространение глагольно-именных словосочетаний в научных текстах объясняется их коммуникативной четкостью.

При сопоставлении терминосистем технических наук с терминосистемами наук гуманитарного профиля выявляется сходство в употреблении глагольных

терминов. В лингвистических текстах наблюдаются все типы терминов, рассмотренные относительно электротехнических текстов, с отражением типологии языка. Тексты гуманитарного профиля содержат подробное обоснование избранного научного подхода, представленной концепции и выбора терминологии, детальное изложение научного содержания, в основном вербальное оформление полученных выводов. Поэтому в данных текстах общенаучная терминология превалирует над специальной.

Ключевые слова: глагольный термин; глагольно-именное словосочетание; научный текст; германские языки; сопоставление; тенденции развития.

Isakova L. D.

Advanced Doctor (Philology), Associate Professor; Professor at the Department of Second Foreign Language MSLU;
e-mail: isakova_ld@mail.ru

**THE FUNCTIONING OF VERBAL TERMS IN SCIENTIFIC TEXTS:
COMPARATIVE ASPECT**

The article compares the ways verbal terms function in three Germanic languages: English, German and Swedish. Verbal terms appear in scientific prose both as single verbs and as verbal-nominal word combinations. Comparing the terms in technical and humanitarian texts shows the similarity in the evolution of those terms and a tendency towards universality.

Terminology is important for making the scientific picture of the world. Verbal terms designate specific actions, processes or states characteristic of a definite sphere of knowledge. From the linguistic point of view, verbal terms are either single verbs or verbal-nominal word combinations.

Comparing those phenomena in different languages shows the similarity in the evolution of the language, interdependence of the ways of this evolution and the specific features of a language. As a result we get a picture of the variability of the language.

Scientific texts must show exactness of the idea expressed, no variability of phrase interpretation, neutral stylistic colouring of language units, the use of means typical of scientific texts.

Comparing terms used in the sphere of electro-technology in three closely related languages reveals contemporary tendencies in the evolution of terms and the dependence of their form on the typological characteristics of the language. Verbal terms in Germanic languages can be used as simple, derivative, composite verbs. In comparison with German and Swedish English shows a greater tendency to isolation. In English there are many verbal terms which appear from substantiated terms through conversion.

Verbal terminology is being replenished by verbal-nominal word combinations. Nominal and idiomatic features are typical of scientific texts. Verbal-nominal word combinations can correspond to equivalent simple verbs. The wide spread of verbal-nominal word combinations in scientific texts is determined by their communicative clearness that is by accuracy of meaning.

Comparing the term systems of technical sciences and the term systems of humanitarian sciences shows the similarity in the usage of verbal terms. In linguistic texts the same types of terms are used, which reflects the typology of the language. Humanitarian texts contain detailed grounds of scientific point of view, of the concept and terminology, detailed presentation of scientific ideas, mostly verbal form of conclusion. So general scientific terminology in such texts prevails over special terminology.

Key words: verbal term; verbal-nominal word combination; scientific text; Germanic languages; comparative analysis; tendency of development.

В научных текстах ученые стараются объективно исследовать окружающую нас действительность, что приводит к созданию научной картины мира. Для представления полученных в результате научных исследований знаний требуются соответствующие языковые средства, среди которых терминология занимает важное место. Глагольные термины обозначают специфические действия, процессы или состояния, характерные для определенной области знания. С точки зрения языкового выражения они представлены однословными глаголами или глагольно-именными словосочетаниями.

Сопоставление языковых явлений, наблюдающихся в разных языках, позволяет установить общие признаки состояния и развития языка; возможности преломления определенных законов в соответствии с особенностями конкретных языков; дать наглядную картину многообразной вариативности языка. Результаты лингвистических сопоставительных исследований имеют и непосредственный выход в область использования научных выводов в практике преподавания иностранных языков, что свидетельствует о связи лингвистики и лингводидактики [Горина 2013].

Для получения убедительных результатов при изучении особенностей языка и отдельных языков важно сопоставление стилистического фона употребления языковых явлений, который предъявляет определенные требования к использованию того или иного языкового материала. Научные тексты характеризуются направленностью на передачу научной информации, что требует от них точности выражения мысли, отсутствия вариативности восприятия языкового выражения, нейтральной стилистической окраски языковых единиц, отсутствия ярко выраженной эмоциональной окрашенности, использования повторяющихся в научных текстах средств.

И сами научные тексты различаются по принадлежности к определенным жанрам, типам, областям научного исследования. Такое их

распределение отражается в общей стилистической характеристике и особенностях выбора языковых средств.

В данной статье рассматриваются глагольные термины в научных текстах на языках германской группы (близкородственных языках), а именно – английском, немецком и шведском. Анализируемые научные тексты относятся к электротехнической и лингвистической областям научного знания. Сопоставление и анализ употребления данных терминов в научных текстах дает возможность выявить их распространение в терминосистемах отдельных языков, установить соотношение особенностей терминологии с типологической характеристикой языка, определить тенденции в развитии анализируемых терминов, поскольку «синхронно-сопоставительное изучение близкородственных языков ... приводит к научно обоснованному прогнозу дальнейшего развития этих языков» [Ярцева 1987, с. 9]. Зарождение тенденций развития языка проявляется как в устоявшихся сходных явлениях, так и в обнаруживающихся новых признаках. Динамический аспект выражается в различной продуктивности, вариантности единиц [Ермолаева 1987a] и, характеризуя таким образом синхронное состояние языка, позволяет определить тенденции дальнейшего развития языковой системы.

В близкородственных языках многие семантико-грамматические подструктуры обнаруживают достаточно большое сходство, «накладываются одна на другую» [Ярцева 1981, с. 107]. В типологическом плане германские языки относятся к формосвязывающим языкам с активным действием в них (кроме исландского) тенденции развития к изоляции [Ермолаева 1987b]. Из представленных в статье германских языков наибольшего развития указанная тенденция достигла в английском языке, наименьшего – в немецком, в то время как шведский язык занимает относительно данной тенденции промежуточное положение. Типологическая характеристика языка находит отражение во всех языковых явлениях, включая и формирование терминосистем.

Рассмотрим продуктивные термины-глаголы, функционирующие в текстах по электротехнике в трех предложенных языках.

Простые электротехнические термины-глаголы данной терминосистемы образованы от глаголов общелитературного слоя языка, например:

англ. to balance – уравнивать;

нем. leiten – проводить;

швед. att koppla – соединять.

Производные термины-глаголы также встречаются в рассматриваемых текстах на трех языках. Среди них можно выделить префиксальные глаголы, например:

- англ.* discharge – разряжать;
- нем.* verbrennen – сгорать;
- швед.* att ankoppla – присоединять.

Для всех трех языков характерны и производные глагольные термины, выраженные суффиксальными глаголами, например:

- англ.* to syntonize – настраивать;
- нем.* synchronisieren – синхронизировать;
- швед.* att synchronisera – синхронизировать.

Глагольные термины выражаются также сложными глаголами, например:

- англ.* to network – покрывать сетью;
- нем.* kurzschließen – закорачивать;
- швед.* att jordvörbinda – заземлять.

В английском и шведском языках распространены префиксальные термины-глаголы с отделяемыми аффиксами, например:

- англ.* to burn out – перегорать;
- швед.* att sätta ihop – соединять.

В немецком языке глаголы с отделяемыми приставками также употребительны. Однако данные приставки немецких глаголов отделяются лишь в определенных позициях, например:

- нем.* ableiten – отводить ток (основные формы глагола ableiten – leitete ab – abgeleitet).

В английском языке проявляется значительно больше признаков развития к изоляции, чем в немецком и шведском языках. В частности, для английского языка характерен конверсивный тип образования глагольных терминов от терминов-существительных, когда слово в одно и той же форме может выступать и как термин-существительное, и как термин-глагол, например:

- англ.* relay – реле → to relay – ставить реле.

Данный способ образования терминов-глаголов в английском языке является продуктивным: многие термины-существительные могут использоваться в качестве конверсивного глагола, при этом далеко не все подобные термины-глаголы зафиксированы в словарях.

В немецком языке возможна конверсия от глагола к существительному, когда имя существительное принимает форму инфинитива и обозначает соответствующий процесс, например:

нем. kurzschießen – закорачивать →
das Kurzschießen – закорачивание.

Глагольная терминологическая лексика пополняется и за счет глагольно-именных словосочетаний, употребление которых в научных текстах в качестве терминов связано с неравномерностью развития терминологической глагольной лексики. Кроме того, распространенность терминологических глагольных словосочетаний обусловлена особенностями научного стиля, для которого характерна номинативность, частое употребление имен существительных, что обеспечивает точность и однозначность изложения. Употребление в качестве глагольного термина сочетания *глагол + имя существительное* хорошо вписывается в стиль научных текстов, для которых характерна идиоматичность языковых выражений. Имя существительное в терминологических словосочетаниях может употребляться как с предлогом так и без него.

Глагольные терминологические словосочетания научных текстов представлены двумя типами: глагольно-именными словосочетаниями, имеющими эквиваленты среди глаголов, и глагольно-именными словосочетаниями, значение которых складывается из значений их компонентов.

Распространение глагольно-именных словосочетаний вместо однословных глаголов обеспечивается их большей коммуникативной четкостью, по сравнению с глаголами [Чернышева 1970]. Отдельный глагол-термин обычно может употребляться и в качестве глагола общелитературного слоя языка, в то время как терминологическое словосочетание в научном контексте предназначено, как правило, лишь для передачи терминологического значения, ср.:

англ. to connect – соединять, связывать, ассоциировать →
to make connection – соединять, осуществлять соединение;

- нем.* verbinden – соединять; связывать; перевязывать →
die Verbindung vornehmen – соединять, осуществлять соединение;
- швед.* att förbinda – связывать; скреплять; перевязывать →
att göra förbindelsen – соединять, осуществлять соединение.

Лексическое значение терминологического сочетания сосредоточено в отглагольном существительном, глагол же имеет ослабленное лексическое, так называемое широкое, значение и служит в основном для выражения грамматических значений при употреблении в речи. Обобщенное значение данных глаголов, серийность воспроизведения моделируемых словосочетаний свидетельствует о проявлении тенденции к грамматичности [Исакова 2016]. Грамматичность же требует обязательного выражения обобщенного значения в противопоставленности другим значениям, однако граница между грамматическим и неграмматическим не является жесткой [Плунгян 2011, с. 20]. Для функциональной четкости научного стиля благоприятно раздельное выражение лексического и грамматического значений при обозначении одного действия или процесса.

Значение связных терминологических словосочетаний складывается из значений их компонентов [Ткачева 1987]. Они употребляются для выражения определенного специфического действия или процесса:

- англ.* to take the swings – снимать пиковую нагрузку;
- нем.* die Verbindung halten – поддерживать связь;
- швед.* att bryta kontakten – прервать контакт.

При сопоставлении терминосистем технических наук с терминосистемами наук гуманитарного профиля выявляется сходство в употреблении глагольных терминов. Рассмотрим употребление глагольных терминов в лингвистических текстах. В них, как и в технических текстах, также употребительны глагольные термины, состоящие из одного слова:

- англ.* to pronounce – произносить;
- нем.* aussprechen – произносить;
- швед.* tt uttala – произносить.

В лингвистических текстах употребительны и термины, представленные глагольно-именными словосочетаниями, соответствующими определенным глаголам:

англ. to bear a meaning / to mean – иметь значение;

нем. eine Bedeutung tragen / bedeuten – иметь значение;

швед. ha en betydelse / att betyda – иметь значение.

Термины, выраженные связным глагольно-именным словосочетанием, обозначающим одно действие, один процесс или одно состояние, также употребительны в лингвистических текстах:

англ. to possess a language – владеть языком;

нем. eine Sprache beherrschen – владеть языком;

швед. att behärska ett språk – владеть языком.

Для лингвистических текстов на английском языке так же, как и для электротехнических, характерно образование глагола от существительного по конверсии:

англ. sound – звук → to sound – звучать.

Использование в терминологических текстах различных широкозначных глаголов с одним и тем же существительным позволяет выражать дополнительные оттенки значений действий, например, разнонаправленности действия:

англ. to give a meaning – дать значение

to get a meaning – получить значение;

нем. eine Bedeutung geben – дать значение,

eine Bedeutung bekommen – получить значение;

швед. att ge en betydelse – дать значение,

att få en betydelse – получить значение.

Научные тексты гуманитарного профиля содержат подробное обоснование избранного научного подхода, представленной концепции и выбора терминологии, детальное, аргументированное изложение научного содержания, в основном вербальное оформление всех полученных выводов. Поэтому в них наблюдается превалирование общенаучной терминологии над терминологией специальной. Общенаучная терминология необходима для обобщенного описания

наблюдаемых явлений и осуществляемых исследовательских мероприятий, она используется во всех научных текстах. Приведем несколько примеров использования типов общенаучной глагольной терминологии в лингвистических текстах:

- англ.* to experiment – экспериментировать, производить эксперимент;
нем. experimentieren – экспериментировать, производить эксперимент;
швед. att experimentera – экспериментировать, производить эксперимент;
- англ.* to conclude – to draw the conclusion – заключать, делать вывод;
нем. schlussfolgern – die Schlussfolgerung ziehen – делать вывод;
швед. att sluta – att draga slutsatsen – заключать, делать вывод;
- англ.* to run low – иссякать;
нем. seinen Lauf nehmen – развиваться своим порядком;
швед. att ta efter orden – понять буквально.

Сопоставление глагольных терминов в близкородственных языках, а также сравнение употребления данных терминов в разных по функциональному стилю текстах позволяет сделать вывод о тенденциях развития терминов в данной группе языков и определить возможности функционирования терминов в научных текстах других языков. Глагольные термины могут быть однословными или в виде словосочетаний, а также иметь синонимичные пары глаголов и словосочетаний. Указанное разнообразие приемов выражения терминологических значений позволяет выбирать наиболее подходящие для замысла автора языковые средства.

Функционирование глагольных терминов обусловлено задачами и свойствами научного текста, а их языковое выражение связано непосредственно со специфическими особенностями языка, в том числе его типологической характеристикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горина В. А. Контрастивные лингвистические исследования в интересах методики преподавания второго иностранного языка // Функциональные проявления современных языков. Т. II. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 69–78. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (679). Языкознание).

- Ермолаева Л. С.* О динамическом рассмотрении языковых явлений // Единицы разных уровней языковой системы в свете их динамики (на материале английского, французского и немецкого языков): Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль : Ярославский педагогический институт им. К. Д. Ушинского, 1987а. С. 3–10.
- Ермолаева Л. С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М. : Высшая школа, 1987б. 128 с.
- Исакова Л. Д.* Выражение широкого значения глаголами аналитических конструкций в германских языках // Прагмалингвистическое многоголосие. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 103–113. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 15 (754). Языкознание). URL: www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/Vest-15z.pdf
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М. : РГГУ, 2011. 672 с.
- Ткачева Л. Б.* Основные закономерности английской терминологии. Томск : Изд-во ТГУ, 1987. 198 с.
- Чернышева И. И.* Фразеология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1970. 199 с.
- Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М. : Наука, 1981. 111 с.
- Ярцева В. Н.* Сопоставительно-контрастивная лингвистика в СССР: итоги и перспективы развития // НДВШ ФН. 1987. № 5. С. 3–12.

УДК 81'34

Ю. В. Карташевская

доцент кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: juliakar@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СЕГМЕНТОЛОГИИ РЕЧИ

В статье рассматриваются некоторые направления изучения проблематики словесного стыка в контексте междисциплинарных исследований восприятия и распознавания звучащей речи. Проводится обзор фонетических исследований пограничных сигналов, проведенных российскими и зарубежными авторами в период с 1960-х гг. по настоящее время. Подробное освещение получили такие аспекты исследований, как:

- 1) фонотактический анализ делимитативных средств речи;
- 2) просодико-ритмические критерии сегментации речи;
- 3) количественно-качественные признаки пограничных сигналов;
- 4) явление ресиллабификации в контексте исследований сегментации речи.

Результаты психолингвистических исследований подтверждают, что в процессе восприятия и распознавания речи основными опорными сигналами словесного стыка в английском языке выступают фонемная комбинаторика и ритмическая модель с инициальным «сильным» слогом, рассматриваемые некоторыми исследователями в качестве инвариантных признаков. Фонетические пограничные сигналы являются вариативными маркерами стыка, зависимыми от фонематических и просодических пограничных сигналов.

Результаты многочисленных исследований перцептивно-акустических признаков пограничных сигналов показывают, что наиболее информативным акустическим количественным маркером стыка является временная характеристика стыковых фонем, зависящая от влияния факторов просодического уровня. На перцептивном уровне доминирующую роль играет аллофоническое варьирование стыковых единиц, которое непосредственно связано с явлением ресиллабификации.

Экспериментальные данные подтверждают, что нехарактерное для английского языка явление ресиллабификации имеет место в связанной неподготовленной речи за счет изменения устойчивости фонетического облика слова. Амбисиллабический характер сонорных и одноударных альвеолярных согласных в американском варианте английского языка можно рассматривать как особый случай слогаобразования.

Ключевые слова: речевая сегментология; фонетический стык; пограничные сигналы; фонотактика; длительность; стыковая аллофония; стратегия ритмической сегментации; глоттализация; ресиллабификация.

Kartashevskaya Y. V.

Ass. Prof., Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: juliakar@mail.ru

THE MAIN AREAS OF PHONETIC SPEECH SEGMENTATION STUDIES

The main areas of phonetic speech segmentation studies carried out by Russian and foreign researchers for the period from 1960-s until present are surveyed in the article with the following aspects of word juncture studies covered in detail:

- 1) phonological (phonotactic) boundary signals;
- 2) rhythmic criteria for speech segmentation;
- 3) qualitative and quantitative boundary signals;
- 4) resyllabification as part of speech perception and recognition process.

A principle result to emerge from psycholinguistic studies is that listeners make both invariant and variable word boundary judgements. The invariant judgements can be explained by phonological factors and the variable judgements by phonetic patterns. Listeners may first consider the phonotactics and stress of a particular word in assigning syllable boundary location, and consider the phonetic patterns only when boundary location remains ambiguous. Phonetic boundary signals are largely dependent on phonological and suprasegmental factors. Numerous auditory and acoustic studies of phonetic cues for word juncture have shown that duration of junctural phonemes is the most informative acoustic marker of a word boundary. Word boundary allophony is a dominant juncture cue at the perceptual level. Experimental data suggest that resyllabification occurs in unprepared connected speech when the phonetic entity of a word is disrupted. Ambisyllabicity, or partial resyllabification, of intervocalic liquids, glides and alveolar flaps across word boundary is a specific feature of syllabification in the English language.

Key words: speech segmentology; phonetic boundary; word juncture cues; phonotactics; duration; word boundary allophony; rhythmic segmentation strategy; glottalization; resyllabification.

Введение

На протяжении нескольких десятилетий середины и второй половины XX в. исследователями неоднократно предпринимались попытки дать более или менее полное описание такого функционально значимого явления как межслоговой стык и определить его место в системе языка. Наиболее полное описание явления стыка (*junctural phenomena*) было впервые предложено в 1940-х гг. представителями американской лингвистической школы Дж. Л. Трейгером и Б. Блоком [Trager, Bloch 1941]. Открытый стык (*open juncture*) рассматривается авторами как компонент фонологической структуры языка

и определяется как совокупность фонетических признаков, характеризующих сегментные и супraseгментные фонемы в начальной и конечной позиции изолированного слова [Lehiste 1960].

Понимание американскими структуралистами фонемы как супraseгментной, просодической единицы во многом объясняет трактовку стыка в рамках разработанной Дж. Л. Трейгером и Х. Л. Смитом теории межслового стыка как системы так называемых стыковых фонем (*junctional phonemes*), включающей также интонацию (интоному) (*intonation phoneme или intoneme*) и ударение (*stress phoneme*) в дополнение к (внутреннему) открытому стыку, описанному ранее [Lehiste 1960]. Другие исследователи рассматривают стык как сегментную фонему открытого стыка /+/ (*a segmental phoneme of open juncture*), в качестве аллофонов которого выступают паузы различной длительности [Moulton 1947]. В. Мултон подчеркивает временной характер стыка, связывая частотность его появления со скоростью говорения. В случае отсутствия паузы предполагается наличие нулевой фонемы или нулевого аллофона стыковой фонемы (*a zero allophone of the juncture phoneme*).

Появление в 1960–1970 гг. целого ряда исследований перцептивных и акустических коррелятов открытого стыка (в последовательностях типа *beef-eater – bee-feeder, free Danny – freed Annie*) дало возможность рассматривать внутренний открытый стык как границу между двумя связанными последовательностями (*bounded sequences*), которая не является собственно фонемой и, соответственно, не имеет присущих фонеме стыковых аллофонов (*allojunctures*). И. Лехисте указывает на комплексный характер открытого стыка, сочетающего сегментные и супraseгментные свойства стыковых компонентов: «Связанная последовательность – это фонетическая единица, характеризующаяся наличием определенных сегментных (дистрибутивных и аллофонических) и супraseгментных признаков» [Lehiste 1960, с. 48–49]. Р. К. Потапова относит слоговой стык к числу особого рода разграничителей, влияющих на изменение акустических свойств соседних, граничащих друг с другом отдельных единиц [Потапова 1963].

Теория пограничных сигналов на основе учения о разграничительной, или делимитативной, функции звука впервые разработанная Н. С. Трубецким [Трубецкой 2000], получила дальнейшее развитие в трудах М. В. Панова [Панов 1961] и других представителей МФШ

[Каленчук 2002]. Теория позиций, т. е. условий употребления и реализации фонем в речи, разработанная А. А. Реформатским [Реформатский 1996], позволила ввести понятие делимитативно сильных и слабых позиций для описания явлений на стыке лексических единиц, что дало возможность рассматривать пограничный сигнал как результат выполнения (или невыполнения) фонемой своей делимитативной функции. Соответственно, в делимитативно сильной позиции стыка фонема выполняет функцию положительного пограничного сигнала, а в делимитативно слабой позиции – отрицательного пограничного сигнала [Каленчук 2002].

Настоящая статья посвящена рассмотрению наиболее важных, на наш взгляд, аспектов изучения проблематики словесного стыка в контексте междисциплинарных – психолингвистических, когнитивных, акустических, перцептивных и фонетико-фонологических – исследований восприятия и распознавания звучащей речи. Используемый принцип системности в описании «всех средств разграничения в языке» [Трубецкой 2000] позволяет провести максимально полный анализ средств делимитации в английском языке и выявить иерархию пограничных сигналов от наиболее информативных (однозначных) до менее значимых маркеров стыка в процессе сегментации речи.

Основные направления исследований пограничных сигналов

Исследования пограничных сигналов, рассматриваемых в современной научной парадигме как *система* фонетико-фонологических средств разграничения лексических единиц в потоке речи, включают целый комплекс таких аспектов изучения, как:

1) позиционно-дистрибутивный и частотный анализ гласных и согласных фонем на стыках лексических единиц [Беляевская 1975; Ким 1980; Крешина 1981; Лебедева 1987; Карташевская 2012];

2) исследование стыковой фонемной комбинаторики с целью составления инвентаря положительных и отрицательных фонематических пограничных сигналов, маркирующих границы слов [Беляевская 1975; Лебедева 1987; Карташевская 2012];

3) выявление просодико-ритмических критериев сегментации речевого потока [Cutler, Butterfield 1992; Cutler 1996];

4) специфика использования фонотактических и просодических маркеров стыка в процессе распознавания речи как взрослыми

(носителями и неносителями языка) [Redford, Randall 2005; Weber, Cutler 2006], так и детьми младшего возраста [Phonotactic and Prosodic... 1999];

5) перцептивное, акустическое и артикуляционное исследование делимитативной функции гортанной смычки и ее субститутов¹ [Карташевская 2017; Glottalization of Word-initial... 1996; Garellek 2012].

6) определение количественно-качественных признаков стыковых единиц; выявление артикуляторных, перцептивных и акустических коррелятов стыковых фонем [Потапова 1963, 1981; Ким 1980; Крешина 1981; Лебедева 1987; Lehiste 1960; Umeda 1975, 1977; Crystal, House 1988a, 1988b; Turk, Shattuck-Hufnagel 2000; Nakatani, Dukes 1977];

7) установление иерархии и характера взаимодействия средств делимитации речевого потока сегментного и супraseгментного уровней, а также выявление взаимовлияния семантического и фонетического факторов на реализацию стыковой аллофонии.

1. Фонотактический аспект исследования делимитативных средств речи

В иерархии разграничительных средств языка наиболее информативными оказываются пограничные сигналы фонологического уровня и прежде всего стыковые фонемные сочетания согласных в силу характерной для английского языка консонантной насыщенности финальной и инициальной позиций стыка. Проведенное Е. Г. Беляевской исследование закономерности распределения фонем относительно финальной и инициальной позиции слова позволило получить данные о степени информативности стыковых фонемных сочетаний для сегментации речевого потока и выделить три группы стыковых фонемных комплексов:

1) сочетания согласных звуков, которые имеют место только на стыках слов;

2) сочетания согласных звуков, возможные как на границах, так и внутри слов, и поэтому не являющиеся однозначными маркерами границ лексических единиц;

3) стыковые сочетания с гласными, которые не несут в себе информацию о границах лексических единиц [Беляевская 1975].

---

¹ Об этом подробнее см. статью Ю. В. Карташевской [Карташевская 2017].

Эксперименты по выявлению факторов фонологического и фонетического уровней, влияющих на принятие решения о прохождении слоговой границы на основе перцептивного анализа, выявляют наличие инвариантных (фонотактические модели и словесное ударение) и вариативных (второстепенных) признаков (длительность стыковых гласных и согласных фонем), которые являются фонологическими маркерами стыка в процессе сегментации речи. Таким образом, результаты исследования позволяют говорить о приоритетной роли фонотактики и словесного ударения в локализации слоговой границы и о необходимости привлечения дополнительной (фонетической) информации в случае отсутствия маркеров стыка, однозначно указывающих на наличие границы слов¹ [Redford, Randall 2005].

2. Просодико-ритмические критерии сегментации речевого потока

Говоря о просодико-ритмических маркерах стыка лексических единиц, нам представляется важным более подробно остановиться на рассмотрении стратегии метрической сегментации (Metrical Segmentation Strategy), разработанной А. Катлер и другими исследователями института психолингвистики Макса Планка (Нидерланды) [Cutler, Carter 1987; Cutler, Butterfield 1992; Cutler 1996];

О ключевой роли ритмического фактора в процессе сегментации речи как взрослыми, так и детьми свидетельствуют результаты проведенного А. Катлер и Д. М. Картер исследования с привлечением компьютеризированной базы данных MRC Psycholinguistic Database (www.psych.rl.ac.uk/) (90 000 единиц) и словаря Merriam-Webster Pocket Dictionary (www.merriam-webster.com/) (20 000 единиц) [Cutler, Carter 1987].

Так, по данным электронного словаря MRC Psycholinguistic Database, соотношение двусложных и многосложных слов с начальным ударным слогом и слов с начальным безударным слогом составило 0,506 и 0,270? соответственно; по данным словаря Merriam-Webster

---

¹ Материалом исследования послужили нонсенс-стимулы с допустимыми и недопустимыми сочетаниями согласных в английском языке со звуковыми последовательностями VCCV (VC#CV или V#CCV) типа *baspinge*, *baslinge*, *bapringe*, *chigfoon*, помещенные во фразу рамочной структуры "Say ___ eight times" [Redford, Randall 2005].

Pocket Dictionary – 0,481 и 0,224, что свидетельствует о преобладании в английском языке акцентных структур с сильным инициальным слогом (более 85 % всего английского лексикона). При этом, для британского произносительного варианта соотношение слов с сильным и слабым инициальным слогом составляет 1,87:1, для АЕ – 2,15:1. Бóльшая выраженность этой тенденции в американском варианте английского языка (далее – АЕ) достигается за счет таких слов, как 'research, 'address, 'participle, 'princess, 'weekend. По мнению исследователей, акцентная модель с локализацией ударения на начальном слоге слова выступает в качестве просодического пограничного сигнала, в результате реализуется стратегия метрической сегментации речи.

По мнению А. Катлер, просодический сигнал является той единственной опорой для сегментации речи, которую имеет ребенок в младенческом возрасте, так как в раннем возрасте потенциал лексикона ребенка не достаточен для декодирования речи с опорой на лексическое знание [Cutler 1996].

Результаты исследования Л. Х. Накатани и Дж. А. Шаффер также свидетельствуют о том, что процесс декодирования связной речи осуществляется в первую очередь с использованием просодико-ритмических критериев сегментации. По мнению авторов, ритм является наиболее надежным и часто достаточным просодическим сигналом для перцептивного распознавания фраз как естественной, так и синтезированной речи¹ [Nakatani, Schaffer 1978].

3. Исследования количественно-качественных признаков пограничных сигналов

Подчеркивая значимость изучения фонетической специфики явления стыка как неотъемлемого компонента сегментно-структурной организации речи, Р. К. Потапова отмечает, что «наряду с такими фонетическими показателями типологии языков, как количество слогов в слове, типы ударений, акустическая и артикуляторная

¹ Для выявления просодических «ключей» стыка использовалась методика так называемой повторяющейся речи (reiterant speech): трехсложные словосочетания прилагательного с существительным заменялись чередованием повторяющегося слога *ma*. Например, во фразе “The **re'mote stream** was perfect for fishing” слог *ma* заменяет сочетание *remote stream*: The **ma'ma ma** was perfect for fishing (подробнее о методике проведения эксперимента см. [Nakatani, Schaffer 1978]).

характеристика звуков и др., *фонетическая выраженность стыковых сегментов может быть использована в качестве дополнительного фонетического показателя типологии языков*» [Потапова 1981, с. 328–329].

Одними из первых исследований фонетических свойств стыковых сегментов явилось изучение акустико-фонетической репрезентации внутреннего открытого стыка (*internal open juncture*) в американском варианте английского языка, проведенное И. Лехисте [Lehiste 1960] на материале контрастных минимальных пар *muna plum pie – plump eye, see lying – seal eyeing, see Mabel – seem able*, а также исследование Р. К. Потаповой, в ходе которого изучались различные типы переходов, дифференцирующих закрытый и открытый внутренний слоговые стыки в парах слов типа *a name – an aim, nitrate – night-rate* [Потапова 1963].

Результаты исследований показывают, что фонемы, находящиеся в стыковой позиции, маркируются целым рядом акустических характеристик. При этом основными акустическими маркерами стыка выступают аллофоны стыковых фонем, а также показатели распределения интенсивности и длительности в рамках контактирующих лексических единиц [Lehiste 1960; Потапова 1963].

Основным фонетическим свойством стыковых аллофонов, выявленным в ходе многочисленных исследований количественных характеристик стыковых фонем¹, оказывается *длительность* исследуемых фонемных единиц. Так, исследователи отмечают, что постстыковые аллофоны большинства фонем превышают длительность срединных и предстыковых аллофонов фонем, а также длительность стыковых аллофонов постоянно варьируется в зависимости от принадлежности фонем к тому или иному разряду согласных [Lehiste 1960].

На необходимость рассматривать дифференцированно каждый тип стыка для групп сонорных, фрикативных и смычных согласных указывает в своем исследовании и Р. К. Потапова [Потапова 1981]. Анализ просодических характеристик компонентов стыка на материале немецкого и английского языков, проведенного Р. К. Потаповой в рамках докторской диссертации, выявил сходные для английского

---

¹ Исследованию длительности, в том числе и стыковых вокальных и консонантных сегментов применительно, в частности, к американскому произносительному варианту, посвящено немало работ, опубликованных в 1960–1980 гг. [Lehiste 1960; Umeda 1975; Klatt 1976; Umeda 1977; Crystal, House 1988a; Crystal, House 1988b].

и немецкого языков тенденции изменения *длительности, интенсивности* и *ЧОТ* стыковых единиц. Исключение составляют сонанты инициальной позиции стыка, для которых характерно регулярное увеличение длительности в английском языке, что прямо противоположно данным, полученным на аналогичном материале немецкого языка. Из всех исследуемых параметров доминирующим акустическим коррелятом стыка оказывается временная характеристика, параметры интенсивности и ЧОТ являются менее информативными маркерами стыка.

Полученные Р.К.Потаповой для английского языка данные по длительности и интенсивности стыковых согласных в конечной и в начальной позициях стыка схематично могут быть представлены следующим образом [Потапова 1981]:

Длительность		
<i>Конечная позиция стыка</i>		<i>Начальная позиция стыка</i>
Фрикативные согласные	>	Фрикативные согласные
Глухие смычные согласные	<	Глухие смычные согласные
Гласные (в позиции после согласного)	<	Гласные (в позиции после согласного)
Интенсивность		
Фрикативные согласные	<	Фрикативные согласные
Глухие смычные согласные	<	Глухие смычные согласные
Гласные (в позиции после согласного)	<	Гласные (в позиции после согласного)

Темпоральные признаки конечных и начальных взрывных согласных находятся в непосредственной зависимости от полноты артикуляции¹ [Crystal, House 1988a]. По данным Т.Х.Кристалла и А.С.Хауса, полнота артикуляции инициальных стыковых согласных составляет 85 %, конечных согласных – 33 %, при этом процент конечных глухих взрывных согласных, имеющих тенденцию к полной артикуляции выше, чем у звонких взрывных (42 % vs. 18 %). Велярные согласные

¹ По данным Т.Х.Кристалла и А.С.Хауса, длительность смычки (*hold*) смычно-взрывных согласных полной артикуляции составляет 50 мс и является равной по длительности у глухих и звонких взрывных, а средняя длительность фазы взрыва (*release*) у глухих и звонких взрывных существенно различается [Crystal, House 1988a].

имеют тенденцию к более полной артикуляции, чем согласные, артикулируемые в передней части голосового тракта [Crystal, House 1988a].

Д. Клатт полагает, что на перцептивном уровне длительность является наиболее информативным маркером стыка, играющим важную роль в процессе идентификации речевых сегментов [Klatt 1976]. Однако автор признает, что длительность является ключевым перцептивным сигналом (*primary cue*), только когда разница длительности сопоставляемых сегментов превышает порог восприятия (JND)¹. Длительность становится второстепенным по отношению к другим маркерам стыка пограничным сигналом, когда количественные показатели слабо различимы на слух (*less than JND = secondary cue*).

Р. Смит также высказывает точку зрения о том, что помимо длительности процесс сегментации осуществляется слушающим с опорой на качественные признаки компонентов стыка. Так, на примере фраз *He was pleased that we dared them vs. He was pleased that we'd aired them* автор выявляет такие фонетические маркеры стыка, как:

- 1) ларингализация постстыкового гласного в *we'd aired*;
- 2) длительность, напряженность и степень огубленности гласного /i/;
- 3) степень сужения (*stricture*), место и способ образования, длительность фазы смычки интервокального согласного /d/;
- 4) степень централизации и монофтонгизации гласного /eə/ [Smith 2004].

Несмотря на то что стыковая фонемная комбинаторика согласных в наибольшей степени способствует определению места границ лексических единиц в потоке речи, исследователи признают аллофонию наряду с ударением полноправными маркерами границ смыслового членения. При этом отмечается, что наиболее заметную делимитативную функцию аллофония выполняет на межсловных стыках с гласными [Лебедева 2010: 94].

---

¹JND – *just noticeable difference*. Термины «едва заметное различие» (ЕЗР), «пороги ощущений» – психофизический термин, часто используемый в перцептивной фонетике и обозначающий минимальные (едва заметные) различия между стимулами по ряду физических параметров.

4. Явление ресиллабификации в контексте исследований сегментации речи

Проблема аллофонического варьирования стыковых фонем, рассматриваемого в контексте сегментации речевого потока, непосредственно связана с возможным перераспределением сегментов по слогам в потоке речи, т. е. явлением *ресиллабификации*. Не теряет также своей актуальности вопрос о релевантности данного явления, в частности для американского произносительного варианта английского языка.

Так, полученные У. Лабовым экспериментальные данные показывают, что ресиллабификация /t, d/ на стыках слов (*don't worry, perfect English, hold out, don't remember*) либо отсутствует, либо ее частотность крайне мала, что дает основание считать ресиллабификацию редким явлением в системе английской фонологии. Исключения составляют стыки с /j/, которые представляют особый случай стыковой аллофонии, при котором в результате смещения границы слога вправо имеет место палатализация согласного на стыке с /j/, приводящая к образованию аффрикат /tʃ/, /dʒ/. Причем, по мнению социолингвиста, данная тенденция в большей степени наблюдается на стыках слов *last year* и *told you*, в остальных случаях переразложение слога проявляется менее регулярно [Labov 1997].

Аналогичное мнение относительно немаркированности стыка высказывается Д. Каном, по наблюдениям которого ресиллабификация согласного /k/ в *bake it* (если она и имеет место) не приводит к появлению согласного, идентичного инициальному согласному слога как /k/ в *bay kit*. Другими словами, *bake it* и *bay kit* не являются полными омофонами, так как ресиллабификация /k/ в *bake it* не приводит к его аспирации [Kahn 1980].

Ряд исследователей полагает, что глоттализация является одним из факторов, препятствующим появлению ресиллабификации, что в особенности проявляется на стыке с гласными полного образования в ударной позиции [Glottalization of Word-initial... 1996]. Представляется, что появление глоттализации в данном контексте может быть объяснено ориентацией носителей английского языка на слоговой стереотип, подразумевающий образование закрытого слога в качестве доминирующей слоговой модели английского языка. Таким образом, мы наблюдаем тесную связь проблемы стыков со слоговым стереотипом и корреляцией контакта.

С. В. Андросова высказывает иное мнение, свидетельствующее о том, что ресиллабификация часто имеет место в связной неподготовленной речи носителей американского произносительного варианта [Андросова 2010]. На основании полученных данных перцептивного анализа автором делается вывод о том, что носители АЕ реагируют на тесную связь между компонентами структур ГС#Г, ГС#СГ, ГСС#Г и, при отсутствии фонотактических ограничений, воспринимают конечные согласные как начальнослоговые, что подтверждает таким образом наличие ресиллабификации в АЕ (например, во фразах *take Russia* /teɪ kɹʌʃə/, *most of all* / moʊ stə vɔl/) [Андросова 2010].

Некоторые исследователи рассматривают явление ресиллабификации как проявление амбисиллабического характера сонорными согласными в АЕ. Так, Б. Гик полагает, что амбисиллабизм глайдов /w, j/, плавных /l, r/, а также альвеолярного флэпа /ɾ/ (alveolar flap)¹ в АЕ является демонстрацией частичного или полного перераспределения слога в английском языке. Выводы исследователя были сделаны на основе выявленных артикуляционных коррелятов амбисиллабической структуры при сопоставлении акустических характеристик финальных аллофонов /l, w, j/ в сочетаниях *hall hotter vs. hall otter*, *how hotter vs. how otter* и *hie hotter vs. hie otter*, а также инициальных аллофонов в сочетаниях *ha lotter*, *ha wadder* и *ha yotter* [Gick 2003].

Если амбисиллабизм сонорных и одноударных альвеолярных согласных рассматривать как особый случай слогаобразования, то следует еще раз подчеркнуть, что, по мнению большинства исследователей, для английского языка не характерно слоговое перераспределение в потоке речи, т. е. не происходит перехода слогораздела от постконсонантной позиции ГС#Г к предконсонантной Г#СГ.

Выводы

Результаты психолингвистических исследований подтверждают, что в процессе восприятия и распознавания речи как взрослыми, так и детьми в младенческом возрасте основными опорными сигналами словесного стыка выступают фонемная комбинаторика и ритмическая

---

¹ Ослабление смычных взрывных в интервокальном положении в АЕ, по мнению Т. В Антоновой, противоречит ориентации слогового стереотипа на максимально сильный консонантный конец слога [Антонова 1994], что также косвенно свидетельствует о возможной ресиллабификации в АЕ.

модель с инициальным «сильным» слогом, рассматриваемые некоторыми исследователями в качестве инвариантных признаков. Фонетические пограничные сигналы (стыковая аллофония) являются вариативными (второстепенными) маркерами стыка, зависимыми от фонематических и просодических пограничных сигналов и, соответственно, менее информативными в процессе сегментации речи.

Результаты многочисленных исследований перцептивно-акустических признаков пограничных сигналов показывают, что фонемы, находящиеся в стыковой позиции, демонстрируют вариативность как количественных, так и качественных показателей. Наиболее информативным акустическим количественным маркером стыка является временная характеристика стыковых фонем, которая находится в непосредственной зависимости от предшествующего/последующего стыкового компонента. При этом длительность инициальных согласных оказывается в большей степени, чем финальных согласных, зависимой от влияния факторов просодического уровня (ударения).

Если количественные пограничные сигналы являются маркерами стыка на акустическом уровне, то на перцептивном уровне доминирующую роль играют качественные пограничные сигналы, т. е. аллофоническое варьирование стыковых единиц. Наиболее заметную делимитативную функцию аллофония выполняет на межсловных стыках с гласными. В некоторых случаях, когда разница длительности сопоставляемых сегментов превышает порог восприятия (JND), длительность оказывается ключевым перцептивным сигналом стыка.

Стыковая аллофония непосредственно связана с явлением ресиллабификации. В целом для английского языка не характерно слоговое перераспределение в потоке речи, что подтверждается экспериментальными данными. Так, например, наличие глоттализации на стыке с гласным полного образования в ударной позиции препятствует переразложению слога. Однако в связной неподготовленной речи нарушение устойчивости фонетического облика слова в условиях отсутствия маркированности границ слова пограничными сигналами может явиться причиной перераспределения сегментных единиц по слогам в потоке речи. Амбисиллабический характер сонорных, а также одноударных альвеолярных согласных в АЕ можно рассматривать как особый случай слогаобразования в английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросова С. В.* К вопросу о ресиллабации в английском языке (на материале американской спонтанной речи) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та, Сер. 9. Вып. 2 (Языкознание), 2010. С. 52–66.
- Антонова Т. В.* Слоговая структура британского и американского вариантов английского языка (сопоставительное и экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 200 с.
- Беляевская Е. Г.* Фонотактические модели английского языка и возможности их применения в автоматическом распознавании речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 233.
- Каленчук М. Л.* О делимитативной функции фонем // Проблемы фонетики. IV: сб. ст. / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М. : Наука, 2002. С. 27–31.
- Карташевская Ю. В.* Результаты фонотактического анализа стыковых фонем в американском варианте английского языка // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 78–93. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (634). Серия Языкознание).
- Карташевская Ю. В.* Глоттализация как компонент системы просодических пограничных сигналов в английском языке // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 3 (771). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 51–66.
- Ким С. Н.* Аллофоническое варьирование консонантизма в немецкой речи: (Эксперим.-фонет. исследование): дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 184 с.
- Крешина О. Б.* Фонетико-фонологические признаки пограничных сигналов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 236 с.
- Лебедева Л. Д.* Функции пограничных сигналов в английской речи (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 221 с.
- Лебедева Л. Д.* Некоторые аспекты современных исследований пограничных сигналов в английском дискурсе // Фонетика и фонология дискурса. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 91–99. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (580). Языкознание).
- Панов М. В.* О разграничительных сигналах в языке // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 3–19.
- Потапова Р. К.* Различные типы слогового стыка (экспериментально-фонетическое исследование некоторых видов пограничных сигналов на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 193 с.
- Потапова Р. К.* Сегментно-структурная организация речи (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981. 532 с.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М. : Аспект Пресс, 2000. 352 с.

- Crystal T. H., House A. S.* The Duration of American-English Stop Consonants: an Overview // *Journal of Phonetics*. 1988a. V. 16. P. 285–294.
- Crystal T. H., House A. S.* Segmental durations in connected-speech signals: Current results // *Journal of Acoustical Society of America*. 1988b. V. 83. № 4. P. 1553–1573.
- Cutler A.* Prosody and the word boundary problem // J. L. Morgan and K. Demuth (eds.), *Signal to Syntax: Bootstrapping From Speech To Grammar in Early Acquisition*. Psychology Press, 1996. P. 87–99.
- Cutler A., Butterfield S.* Rhythmic cues to speech segmentation: evidence from juncture misperception // *Journal of Memory and Language*. 1992. V. 31. P. 218–236.
- Cutler A., Carter D. M.* The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary // *Computer Speech and Language*. 1987. V. 2. P. 133–142.
- Garellek M.* Glottal stops before word-initial vowels in American English: distribution and acoustic characteristics // *UCLA Working Papers in Phonetics*, 2012. V. 110. P. 1–23.
- Gick B.* Articulatory correlates of ambisyllabicity in English glides and liquids // *Phonetic Interpretation, Papers in Laboratory Phonology VI* / ed. by J. Local, K. Ogden and R. Temple, 2003. Cambridge Univ. Press. P. 222–236.
- Glottalization of Word-initial Vowels as a Function of Prosodic Structure* / L. Dilley [et al.] // *Journal of Phonetics*. 1996. V. 24. P. 423–444.
- Kahn D.* Syllable-structure specifications in phonological rules // M. Aronoff & M.-L. Kean (Eds.), *Juncture*. Saratoga, CA: Anma Libri, 1980. P. 91–105.
- Klatt D. H.* Linguistic Uses of Segmental Duration in English: Acoustic and Perceptual Evidence // *Journal of Acoustical Society of America*. 1976. V. 59, № 5. P. 1208–1221.
- Labov W.* Resyllabification // F. Hinskens, R. van Hout & L. Wetzels (eds). *Language Variation and Phonological Theory*. Amsterdam : John Benjamins, 1997. P. 145–180.
- Lehiste I.* An Acoustic-Phonetic Study of Internal Open Juncture // *Phonetica*. 1960. V. 5. Supplement. P. 5–54.
- Phonotactic and Prosodic Effects on Word Segmentation in Infants* / S. Mattys [et al.] // *Cognitive Psychology*. 1999. V. 38. P. 465–494.
- Moulton W. G.* Juncture in modern standard German // *Language*. 1947. V. 23. P. 212–226.
- Nakatani L. H., Dukes K. D.* Locus of Segmental Cues for Word Juncture // *Journal of Acoustical Society of America*. 1977. V. 62. № 3. P. 714–719.
- Nakatani L. H., Schaffer J. A.* Hearing “words” without words: Prosodic cues for word perception // *Journal of Acoustical Society of America*. 1978. V. 63. № 1. P. 234–244.

- Redford M. A., Randall P.* The role of juncture cues and phonological knowledge in English syllabification judgments // *Journal of Phonetics*. 2005. V. 33. P. 27–46.
- Smith R.* The Role of Phonetic Detail in Word Segmentation // Cambridge PhD Dissertation, 2004. URL : citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.126.2435&rep=rep1&type=pdf
- Trager G. L., Bloch B.* The syllabic phonemes of English // *Language*. 1941. V. 17. P. 223–246.
- Turk A. E., Shattuck-Hufnagel S.* Word-boundary-related duration patterns in English // *Journal of Phonetics*. 2000. V. 28. P. 397–440.
- Umeda N.* Vowel duration in American English // *Journal of Acoustical Society of America*. 1975. V. 58. № 2. P. 434–445.
- Umeda N.* Consonant Duration in American English // *Journal of Acoustical Society of America*. 1977. V. 61. № 3. P. 846–858.
- Weber A., Cutler A.* First-language phonotactics in second-language listening // *Journal of Acoustical Society of America*. 2006. 119 (1). P. 597–607.

УДК 81-13

А. С. Конькова

преподаватель кафедры второго иностранного языка МГЛУ;
e-mail: malina-a@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА В ТОК-ШОУ КАК ТИПЕ ДИСКУРСА

Дискурс, как одна из основных категорий в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, трактуется большинством исследователей широко, и поэтому допускает множество научных интерпретаций. Изучению дискурса посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов: Т. ван Дейка, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, В.Г.Борботько, В.И.Карасика, В.З.Демьянкова, Хабермаса, Дж. Милль, Г.Фреге, Б.Рассела, Р.Карнапа и др. Актуальность исследования обуславливается необходимостью рассмотрения различных типов дискурса с актуальных теоретических позиций когнитивно-дискурсивного подхода и стратегического анализа дискурса. Для описания дискурса ток-шоу актуальным представляется положение коммуникативного подхода, рассматривающего дискурс как межличностную коммуникацию. Дискурс ток-шоу имеет прагматическую направленность на формирование мнения, что, в свою очередь, предполагает наличие у адресанта (ведущего) определенной стратегии, реализующейся посредством коммуникативных тактик и ходов. Тактики, в свою очередь, проявляются через взаимодействие временных, модальных, локальных и других планов.

Цель, данной статьи – показать роль локальной структуры текста в реализации глобальной интенции модератора. Локальная структура находит выражение в тексте через определенные локативные лексемы. При анализе локальной структуры текста ток-шоу целесообразным представляется учитывать следующий параметр: непосредственное присутствие всех коммуникантов в студии или опосредованное общение с ними с использованием таких технических средств, как телефон и компьютер. Показатели локальной категории могут встречаться в каждой функциональной части текста: во введении, в основной части и в заключении.

Методологическая основа статьи включает: дискурс-анализ, контекстуальный анализ, сравнение, описание, обобщение.

Источниками материалов для исследования послужили фрагменты программ немецкого телевидения, на примере которых в результате раскрывается дискурсивный потенциал локальных показателей в создании единого локального плана или в столкновении отдельных локальных планов ток-шоу, что определяет выбор ведущим языковых средств достижения целей коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: дискурс; текст; локальная структура; локальная лексема; адресант; адресат.

Konkova A. S.

Lecturer At the Department of Second Foreign Language, MSLU;
e-mail: malina-a@yandex.ru

THE USE OF LOCAL TEXT STRUCTURES IN THE TALK-SHOW AS A TYPE OF DISCOURSE

The article looks at local text structures as a means of implementing the intention of the talk-show moderator.

Discourse is one of the essential categories in communicative linguistics and modern social sciences and is subject to multiple interpretations. Works by numerous researchers are dedicated to it: T. van Dyke, N. D. Arutyunova, E. S. Kubryakova, B. G. Borbotko, V. I. Karasyk, V. Z. Demyanenko, Habermas, G. Mille, G Frege, B, Russel, R. Kramp and others. The acuteness of the topic of research is determined by the necessity of studying various discourse types in terms of cognitive-discourse and strategic discourse analysis. The discourse of the talk-show is described from the perspective of the communicative approach which regards discourse as a type of communication. The discourse of the talk-show is aimed at shaping an opinion, which presupposes the use of a certain communicative strategy by the addresser (moderator) which becomes effective through specific tactics and moves. Those tactics become apparent in the interaction of temporality, modality, etc. in local text structures.

The aim of our article is to show how local text structures help the moderator implement his communicative goal. Local text structures are expressed on the text level through the use of certain lexical markers. While analyzing the talk-show local text structures it is necessary to take into consideration the following factors: the actual presence of the communicants in the studio or the use of media, such as the telephone and computer, to communicate with them. The local text markers can be found in any part of the text: the introduction, the main part or the conclusion.

In our research we employed such methods as discourse analysis, contextual analysis, comparison, description, generalization.

The research was conducted using the material of German television shows, the samples from which help bring out the importance of microtext structures in creating a macrotext or a conflict of local text structures in the talk-show, which determines the moderator's choice of vocabulary.

Key words: discourse; text; local text structure; lexical unit; addresser; addressee.

Введение

Современные исследования в области дискурса основываются на коммуникативном подходе и рассматривают дискурс как некое коммуникативное событие, с помощью которого в конкретном социуме актуализируются и символизируются определенные конструкты. В результате дискурс предстает как «межличностная коммуникация», охватывающая все формы социального взаимодействия институтов,

индивидов и социальных групп [Kornerding 2009]. Ю. М. Казанцева отмечает, что подобное широкое понимание дискурса накладывает на общее значение термина – открытое, протяженное во времени обсуждение проблем, имеющих общественную и/или культурную значимость [Казанцева 2010]. Именно такое представление о дискурсе наиболее полно раскрывает все грани дискурса ток-шоу. Дискурс ток-шоу представляет собой разновидность институционального, массово-информационного устного дискурса, охватывающего тексты стиля публицистики, за которыми закреплена определенная структурная модель, обнаруживающая сходство с такими жанрами, как дискуссия/тематический разговор, интервью. Представление о ток-шоу как типе дискурса дает возможность выделить следующие компоненты: ситуацию общения, коммуникантов, связный текст – как конечный продукт коммуникативной деятельности всех участников коммуникации [Казанцева 2004, с. 19–20]. Данный тип дискурса имеет прагматическую направленность на формирование мнения, что, в свою очередь, предполагает наличие у адресанта (ведущего) определенной стратегии, реализующейся посредством коммуникативных тактик и ходов. Тактики, в свою очередь, проявляются через взаимодействие временных, модальных, локальных и других планов. Предметом рассмотрения данной статьи является локальная структура, которая наравне с другими (темпоральной, модальной, референциальной) вносит вклад в создание текста ток-шоу и обеспечивает его когерентность.

Основная часть. Пространство – текстовая категория

Пространство и время, основные категории мировосприятия человека, определяющие его сознание и связанные между собой в каждой культуре, образуют «модель мира». Слияние эти двух категорий М. М. Бахтин и И. Р. Гальперин описали с помощью понятий «хронотоп» (в литературоведении) и «континуум» (в лингвистике текста). Выделение «пространства» в качестве самостоятельной категории и изучение ее структуры во взаимосвязи со структурой текста велось видными представителями Тартуской и Московской семиотических школ (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и др.). На современном этапе развития гуманитарного знания понятие «пространство» получило статус текстовой категории и разрабатывается в трудах таких видных ученых, как Н. Д. Арутюнова, Т. М. Матвеева, В. А. Маслова и др.

Одна из составляющих понятия «хронотоп» – пространство – реализуется в тексте через локальную структуру.

Средства выражения локальной структуры в тексте

Локальная структура находит выражение в тексте через определенные локативные лексемы. Однако следует отметить, что в отличие от времени, имеющего грамматические средства выражения, локальные показатели не имеют в немецком и русском языках особой морфологической категории для своего выражения. Поэтому локальные показатели не столь регулярно появляются в предложении, как показатели времени [Ноздрина 2009, с. 104]. Языковыми средствами грамматического характера для передачи идеи пространственной определенности и пространственных связей служат обстоятельственные распространители простого предложения и соответствующие придаточные предложения, а также разные части речи с локальной семантикой, топонимы и географические термины [Арутюнова 1976].

Анализ локальной структуры в текстах ток-шоу

Для реализации своей интенции ведущему ток-шоу необходимо организовать и представить аргументы и контраргументы всех участников коммуникации так, чтобы они составили единый макротекст. В связи с этим чрезвычайно важным оказывается порядок выступлений приглашенных участников, поскольку высказывание каждого из них на определенном этапе внесет вклад в развитие единого макротекста. Локальные показатели проявляют себя наиболее полно при обращении ведущего к тому или иному действующему лицу: при представлении, обращении или установлении контакта. Именно поэтому при анализе локальной структуры текста ток-шоу необходимо учитывать следующий параметр: непосредственное присутствие всех коммуникантов в студии или опосредованное общение с ними с использованием таких технических средств, как телефон и компьютер. Показатели локальной категории могут встречаться в каждой функциональной части текста: во введении, в основной части и в заключении.

Во введении ведущим, как правило, задается исходная точка в локальной системе координат «здесь» – в студии. В сочетании с аналогичной точкой темпоральности «сейчас» образуется пункт текстового хронотопа: «здесь – сейчас». Данное положение характерно для программ контактного типа, когда партнеры по коммуникации соединены

во времени и в пространстве. В содержательном плане локальная структура проявляется через употребление пространственных предлогов в сочетании с существительными и личными местоимениями.

Употребление предлогов с пространственным значением *bei* и *zu* часто находит свое выражение в первой функциональной части текста ток-шоу при приветствии гостей в студии и у телеэкранов (массового адресата) и служит установлению контакта и обозначению места действия:

(1) Moderatorin: Hallo und herzlich willkommen, schön, dass sie eingeschaltet haben *zur heutigen Sendung* [Britt – der Talk um Eins. URL: www.sat1.de].

(2) Moderatorin: Guten Abend und herzlich willkommen *zu unserer Sendung* [Menschen bei Meischberger. URL: www.youtube.com/watch?v=6rQap8uN12Y].

(3) Moderator: Herzlich willkommen *zur „Hart aber fair“* [Hart aber fair. URL: www.youtube.com/watch?v=GiecXHuxJRU].

(4) Moderator: Herzlich willkommen *bei „Studio Friedman“* [Studio Friedmann. URL: www.youtube.com/watch?v=Z9m1TzssSWo].

Во всех четырех примерах ведущие сразу задают исходную точку «здесь», которая отражает реальную локацию адресанта (ведущего) и его партнеров по коммуникации. При этом ведущий может подключать всю студию, например, через употребление притяжательного местоимения *unser*, чтобы создалось ощущение сопричастности и единения, как в примере 2. Необходимо отметить, что данная точка в пространстве является постоянной на протяжении всей дискуссии [Успенский 1970, с. 77]. В примерах (1) и (2) с предлогом *zu* употребляется существительное *Sendung*, указывающее на событие, в котором ведущий приглашает всех принять участие. В примерах (3) и (4) реальная локация адресата заменена на название самого ток-шоу: «Hart aber fair», «Studio Friedman».

В основной части программы ведущий часто указывает на место действия при представлении нового героя или эксперта. В качестве актуализаторов данной текстовой категории выступают предлоги с пространственным значением в сочетании с личным местоимением или существительным с локальной семантикой:

(5) Moderatorin: *Dami Gowani ist jetzt bei uns*. Herzlich willkommen [Menschen bei Meischberger. URL: www.youtube.com/watch?v=6rQap8uN12Y].

(6) Moderator: Ob das so ist oder nicht, *wir haben Martina Schmidt gebeten bei uns anzurufen*. Das heißt, wir haben sie angerufen, denn die war im Jahr 2000 bei Ihnen aus anderen Gründen. Und die Frau Schmidt erzählt uns die ganze Geschichte. Herzlich willkommen, Frau Schmidt [Talkshow Fliege. URL: www.youtube.com/watch?v=oEUPI_MinJo].

(7) Moderator: Und ich danke Ihnen, Frau Linek, dass Sie *ins Studio* gekommen sind [там же].

(8) Moderator: Wir danken Ihnen, und jetzt rede ich einfach mal weiter mit einer betroffenen Frau, Frau Angelika Schlutmann ist *ins Studio* gekommen und erzählt ihre Geschichte [там же].

(9) Moderator: ... *am Telefon habe ich Doktor Daus*. Doktor Daus ist Chef der Sankiocs Klinik in ... und Präsident der deutschen Gesellschaft für Onkologie. Und er ist mein Fachmann, er soll mir sagen, wie das ist mit den Zahlen, mit der Gefährlichkeit. Herzlich willkommen, Doktor Daus.

Dr. Daus: Ja, grüß Gott, Herr Fliege. *Ich bin am Telefon*.

Moderator: *Schön, dass Sie da sind* [Talkshow Fliege. URL: www.youtube.com/watch?v=oEUPI_MinJo].

(10) Moderator: *Doktor Daus ist noch an der Leitung. Also, der Leiter der ...Klinik in ...* Herr Doktor Daus, wie ist es mit Seele und Brustkrebs? [там же].

В примере (5) ведущая приглашает в студию очередного героя, чье выступление должно внести вклад в реализацию ее интенции. Она представляет коммуниканта и приветствует его. Создается единый локальный план, поскольку все коммуниканты непосредственно присутствуют в студии.

В примерах (7) и (8) предлог *in* появляется вместе с существительным *Studio* в контексте слов благодарности за предоставленную информацию, т. е. на тех этапах развития текста, когда ведущему необходимо предоставить слово следующему участнику коммуникативного акта в примере 8, или в функциональной части «Заключение», когда ведущий выражает свою благодарность за участие в программе, как в примере 7.

В примерах (6), (9), (10), представляющих собой программы дистантного типа общения, были обнаружены определенные

закономерности в употреблении локативных лексем и в раскрытии локальной структуры текста. Это объясняется тем, что коммуниканты, разделенные пространством, но связанные во времени, не имеют возможности зрительного контакта. Данные фрагменты иллюстрируют создание разных локальных планов, поскольку говорящие находятся в разных точках локации. Что касается временного плана, то он остается единым для всех участников коммуникативного акта. Данное явление может быть представлено в виде оппозиции: «я – сейчас – здесь» // «он / она – сейчас – там». Глагол *anrufen* с семантикой «позвонить» означает, что коммуниканты разделены пространством. В примерах (9) и (10) ведущий называет канал связи с первым экспертом, подробно характеризует своего коммуниканта, объясняет, почему его мнение будет иметь большое значение для реализации глобальной интенции. Эксперт, в свою очередь, реагирует на слова ведущего, используя диалоговую частицу *ja*, сигнализирующую о том, что он на связи и готов к акту коммуникации. Эксперт приветствует ведущего и сообщает, что находится у телефонного аппарата. Здесь же называется локальный показатель, который подтверждает его отсутствие в студии. Перед тем как перейти к следующему шагу – постановке вопроса – ведущий еще раз должен удостовериться, что канал связи исправен.

В качестве средств выражения локальной структуры могут выступать наречия с пространственным значением:

(11) Moderatorin: *Schön, dass Sie da sind. Sie möchte gerne was zur Diskussion sagen, was denn?* [Menschen bei Meischberger. URL www.youtube.com/watch?v=6rQap8uN12Y].

(12) Moderator: *Schön, dass du da bist. Du hast ein Problem?* [Die Oliver Geissen Show. URL: www.rtl.de].

(13) Moderator: *Denn Dieter, der jetzt kommt, der hat sich auch operieren lassen, wo, wird er gleich erzählen. Hier is' Dieter! Herzlich willkommen! Morgen, Dieter ... Schön, dass du da bist ... Na, du hast ja schon mitbekommen, Schönheitsoperationen, ich hab' gedacht, du hast etwas machen lassen?* [там же].

(14) Moderator: *Wir reden hier über Schönheitsoperationen, du hast es mitbekommen. Du hast dich auch operieren lassen. Was denn?* [там же].

(15) Moderator: *Hier ist die Tanja. Herzlich willkommen* [там же].

(16) Moderatorin: So oder so, wir werden viele verschiedene Meinungen kennenlernen heute *hier auf meiner Bühne in meinem Studio* [Britt – der Talk um Eins. URL: www.sat1.de].

Наречие *da* в примерах (11), (12), (13) указывает на то, что действие происходит непосредственно здесь и сейчас. Часто произнесение *da* сопровождается соответствующий указательный жест рукой. Использование данного локального наречия характерно для основной функциональной части текста, особенно при представлении героев и экспертов. Закономерным является употребление наречия *da* с глаголом *sein* в форме презенса индикатива активного залога, что, безусловно, указывает на слияние временного и локального планов.

Локальная лексема *hier* в примерах (14), (15), (16) также является сигналом того, что действие происходит непосредственно в студии.

Пример (16) позволяет говорить о «наслаивании» лексических единиц с пространственным значением.

Часто типичным тематическим фрагментом устных текстов является обсуждение того или иного местоположения объекта, реального места или определенного государства, когда события, ставшие объектом дискуссии, связаны с ним. В связи с этим необходимо употребление географических названий:

(17) Moderator: 50000 Frauen, meine Damen und Herren hören *in Deutschland* eine Diagnose, die sie umhaut: sie haben Brustkrebs. 50000 Frauen pro Jahr. Also in zwei Jahren sind das schon fast 100000. Und sie machen sich Sorgen und denken noch kann man noch warten... [Talkshow Fliege. URL: www.youtube.com/watch?v=oEUP1_MinJo].

(18) Moderator: Herzlich willkommen zur «Hart aber fair». Danke schön. Ein netter Empfang, jedenfalls vielen Dank. Ja... ja, heute wurden *in vielen Bundesländern* Abiklausuren geschrieben. Und *in Bayern* bekamen die Grundschüler heute ihre Übertrittszeugnisse. Ein heisser Tag im größten Versuchslabor *der Republik* [Hart aber fair. URL: www.youtube.com/watch?v=GiecXHuxJRU].

(19) Moderatorin: Möchten Sie Sinti und Roma zu Nachbarn haben? Das war die Frage in einer Studie. Und 58 Prozent der Befragten sagten nein. So groß sind die Vorbehalte gegen diese Bevölkerungsgruppen, die in letzten Monaten zunehmend auch *nach Deutschland kommen aus neuen EU-Ländern oder aus zukünftigen EU-Ländern* [Menschen bei Meischberger. URL: www.youtube.com/watch?v=6rQap8uN12Y].

Из примеров (17), (18), (19) становится очевидным, что программе ток-шоу часто предшествует некое коммуникативное событие, произошедшее в определенном месте и вызвавшее резонанс в обществе. Пример (19) – отрывок из программы, посвященной теме беженцев из стран Восточной Европы. Естественно, что без указания на страну факт проведения данной дискуссии теряет свою ценность, значимость и смысл.

В примере (18) в центре дискуссии стоит вопрос о том, может ли школа обеспечить детям знания, которые пригодятся им в жизни. Программа снималась в дни, когда в Германии выпускные классы сдают экзамены на аттестат зрелости. В Баварии школьники младших классов получали свидетельство об окончании начальной школы. А республику, имея в виду Германию, сравнивают с некой лабораторией, экспериментирующей с программой школьного образования.

На основании приведенных примеров можно говорить о том, что ведущий, описывая ситуацию и указывая на страну, наводит коммуникантов на «желаемую» тему и задает ракурс рассмотрения предложенного дискуссионного вопроса, а значит, данная информация несет в себе тематическую ценность и важна для реализации его ведущей интенции.

Заключение

Таким образом, нужно отметить, что локальная структура наряду с другими текстовыми структурами вносит значительный вклад в реализацию основного замысла ведущего. Она задает пространственную ось текста ток-шоу, рассматриваемого как единый макротекст, и в значительной мере определяет выбор языковых средств, а также шаги, которые необходимо совершить ведущему для достижения своих целей в программах контактного и дистантного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. АН СССР. Ин-т языкознания. М. : Наука, 1976. 383 с.
- Казанцева Ю. М.* Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тезисы докл. Межд. конф., посв. памяти проф. О. И. Москальской 24–25 мая 2004 г. М. : МГЛУ, 2004. С. 19–20.
- Казанцева Ю. М.* Ментальная база перевода религиозных текстов // Религиозная коммуникация: конфессиональный и лингвистический аспекты. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 55–71.

Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М. : Дрофа, 2009. 252 с.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М. : Искусство, 1970. 224 с.

Britt – der Talk um Eins. URL: www.sat1.de

Die Oliver Geissen Show. URL: www.rtl.de

Hart aber fair. URL: www.youtube.com/watch?v=GiecXHuxJRU

Kornerding Klaus Peter. Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Band 53. Hrsg. Ekkehard Felder. Berlin–Heidelberg : Springer-Verlag, 2009. S. 155–177.

Menschen bei Meischberger. URL: www.youtube.com/watch?v=6rQap8uN12Y

Talkshow Fliege. URL: www.youtube.com/watch?v=oEUP1_MinJo

Studio Friedmann. URL: www.youtube.com/watch?v=Z9m1TzssSWo

УДК 81'366

О. В. Миронова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка МГЛУ;
e-mail: olgamironowa@mail.ru

РАЗВИТИЕ КЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые случаи клитических форм определенного артикля в литературном немецком языке, разговорной речи и диалектах. В современном немецком языке отчетливо проявляется тенденция к сокращению слов, особенно служебных. Данная тенденция характерна для разговорной речи и диалектов, которые часто являются более динамичными, чем стандартный немецкий язык, в большей степени подверженный нормированию. В этой связи мы обращаемся к рассмотрению таких языковых единиц, как клитические формы определенного артикля.

Клитика представляет собой часть слова, возникшую в результате сращения двух располагавшихся рядом словоформ. Она может присоединяться к какой-либо части речи. В данной статье анализируются клитические формы определенного артикля в современном немецком языке, возникающие в процессе его соединения с предлогом. Среди всех частей речи определенный артикль наиболее подвержен клитизации, которая ведет к его сильной редукции, и одновременно к прочному соединению со своей основой-предлогом. В процессе клитизации происходят фонетические изменения.

Цель данного исследования – рассмотреть свойства и тенденции развития клитических форм определенного артикля. Методологической основой исследования послужили описательный метод, метод текстового анализа. Материалом исследования служат тексты современной немецкоязычной художественной литературы, тексты на диалектах немецкого языка лексикографические источники.

Клитические формы определенного артикля изучаются в комплексе своих характеристик, на основе чего можно выделить определенные тенденции в их развитии. Свойства клитических форм рассматриваются во взаимодействии языковых уровней языка, что позволяет их определить как пограничные лингвистические явления, как явления межуровневого характера.

Ключевые слова: клитическая форма; соединение; артикль; предлог; грамматикализация; диалект.

Mironova O. V.

Senior Lecturer at the Department of Second foreign language, MSLU;
e-mail: olgamironowa@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF FUSION FORMS OF THE DEFINITE ARTICLE IN GERMAN

The article focuses on specific cases of the fusion forms of the definite article in literary and spoken German and its dialects. In modern German there is a clear tendency to contract lexemes, especially functional words. It is particularly obvious in spoken language, which is more flexible and has a greater tendency to deviate from the norm than standard German. The fusion forms of the definite article are the main focus of our research.

A fusion form is a part of a word, which appeared as a result of its fusion with the following lexeme. It can fuse with any part of speech. This article analyses the use of preposition-based fusion forms of the definite article in contemporary German. In comparison with other parts of speech the definite article has a greater tendency to produce fusion forms, which results in its reduction and close connection with its preposition base. Fusion also causes changes on the phonetical level.

The aim of our research is to analyze the specific features of the definite article fusion forms and to look at the possible tendencies of their further evolution. To serve our ends we resort to the descriptive method and the method of text analysis in our research. Our research is based on the texts of contemporary German fiction, texts written in dialects, lexicographic sources.

The research focuses on the complex features of the definite article fusion forms and draws conclusions concerning the possible tendencies of their further development. The specific features of fusion forms are studied at all language levels, which allows us to define them as complex linguistic phenomena.

Key words: fusion form; connection; article; preposition; grammaticalization; dialect.

Введение

Поскольку грамматическое языковое развитие протекает динамично, некоторые явления в языке имеют разную оценку возможности их употребления. Данное наблюдение касается клитических форм определенного артикля, так как в различных формах существования языка их употребление неодинаково.

В данной статье анализируются клитические формы определенного артикля в современном немецком языке. Для выявления клитических явлений были проанализированы тексты художественной литературы, тексты на диалектах немецкого языка, лексикографические источники.

Клитуку можно определить как часть редуцированного слова, примыкающего к другому слову, как часть соединения двух слов в одно слово. В соединении с предлогом артикль, редуцируясь, примыкает к предлогу и становится фонетически несамостоятельным

и безударным (например *ins*). Вместе они образуют прочную фонетическую единицу.

Анализ клитических форм определенного артикля

В литературном немецком языке некоторые формы артиклей не подвержены слиянию с предлогом. Это относится к артиклям *die*, *des*, *den* (вин. пад. ед. ч. и дат. п. мн. ч.). В современном стандартном немецком языке наиболее подвержены клитизации формы определенного артикля *dem* и *das*. Некоторые формы слияния определенного артикля с предлогами характерны прежде всего для письменной речи, например: *im*, *zum*, *zur*, *am*, *beim*, *vom* [Duden 2009, с. 293].

Говоря о звуковом аспекте слияния определенного артикля с предлогом в первую очередь можно отметить отсутствие дентального согласного *d* в артикле. Определенный артикль в позиции после ударного слога подвергается специфическим редуциям и элизии [Kohler 1995]. В процессе элизии при слиянии с предлогом выпадает начальный звук /d:/ [ˈde:n > den > dn > n]. Элизия не затрагивает лексические единицы, а только служебные слова, данный процесс обусловлен морфологическими или синтаксическими причинами [Gnutzmann 1973].

Можно отметить, что в стандартном немецком языке процессу слияния более всего подвержены предлоги, которые оканчиваются на сонорные согласные: *in*, *an*, *von*, на гласные: *zu*, *bei*, на звук /ɐ/: *für*, *vor*, *über*, *unter*, *hinter*. Основа клитической единицы с конечным звуком артикля может подвергаться изменениям, как например: *im* < *in dem*, *am* < *an dem* и *vom* < *vom*. У предлогов, имеющих конечный назальный согласный, редуцируется гласный: *i(n+de)m* > *i=m*, *a(n+de)m* > *a=m*, *vo(n+de)m* > *vo=m* [Nübling 1992, с. 176]. Конечный назальный звук клитической основы /n/ ассимилируется с конечным назальным звуком артикля /m/.

Характерным является тот факт, что в результате соединения всегда остается форма артикля *s* или *m*, который содержит грамматическую информацию о согласовании в числе, роде и падеже.

Артикль, согласовываясь с именем существительным, выражает его грамматические признаки, т. е. позволяет различить его род, число и падеж. Определенный артикль идентифицирует объект действительности, индивидуализируя его с помощью ситуативного контекста, языкового контекста или обобщения [Duden 2006].

В литературном немецком языке некоторые формы соединения определенного артикля с предлогами являются нормированными

и устоявшимися. Говоря о слиянии артикля с предлогом, мы имеем в виду также семантический аспект. В слияниях с предлогом артикль выполняет семантическую функцию, так как в противоположность к неопределенному артиклю он выражает определенность существительного, с которым синтаксически образует именную группу.

При слиянии предлога с определенным артиклем речь идет о явлении, которое существовало еще в древневерхненемецком периоде, когда намечался грамматикализованный переход от указательного местоимения к определенному артиклю. Именно тогда возникло стяжение и слитное написание предлога и артикля, и в настоящее время этот процесс развивается. Однако не все формы артикля имеют способность к клитизации (не подвергается клитизации, например, *die*, по крайней мере, в стандартном языке), и не все предлоги могут выступать в качестве основы для клитик (например, *gegenüber*, *trotz*).

В древневерхненемецком периоде появляется стяжение предлога *zi* и определенного артикля в дательном падеже *zēmo* (*zēm*), *zēru* (*zēr*). В средневерхненемецком периоде в письменной речи слияния определенного артикля с предлогами засвидетельствованы более широко, например: *ūfme* (auf dem), *ūfen* (auf den), *zēm(e)* (zu dem), *zbën* (zu dem), *ūzeme*, *ūzen* (aus dem), *geinme*, *heim* (gegen dem), *umben*, *ummin* (um den) и др. Эти явления представлены в диалектах, особенно в южнонемецких. В севернобаварском, например, встречаются такие случаи сращений: *am* (auf dem, auf den мн. ч.), *afs* (auf das), *in* (in dem, in den), *is* (in das), *min* (mit dem) (den), *ban* (bei dem) (den) [Жирмунский 1956, с. 435].

В ранневерхненемецком периоде слияние артикля с предлогом является очень распространенным явлением, главным образом этот процесс затрагивает артикли *dem* и *den*. Современные формы *im*, *am*, *zum*, *zur*, *am*, *vom*, *beim* представляют собой самые распространенные формы слияний. Процессы слияния данных форм рассматриваются в диахронной оси, что исключает их синхронную производность, так как они в своей функции частично отмежевались от несокращенных форм.

В письменной повседневной речи существует примерно 25 различных сращений. Согласно анализу, основанному на анализе текстов художественной литературы, распространенными клитическими соединениями артикля с предлогом являются *im*, *am*, *zum*, *zur*, *vom*, *beim*, *ins*, *aufs*, *ums*, *fürs*, *ans*, *übers*, *vorm*, *unterm*, *unters*, *vors*. Такие

формы, как, например, *fürs* или *vorm* встречаются в устной, иногда в письменной речи, но не обладают таким же статусом, как *im* или *zur*. В некоторых случаях клитика является коррелирующей с полной формой, т. е. здесь допускаются варианты, например: *vors Haus* = *vor das Haus*, *vorm Park* = *vor dem Park*, *gegens Rauchen* = *gegen das Rauchen*, *fürs Erste* = *für das Erste*.

Как известно, в клитических соединениях предлогов с артиклем, предлоги управляют падежами, среди которых дательный падеж встречается наиболее часто. Предлоги *in*, *mit*, *von*, *an*, *auf*, *zu*, *bei*, *nach*, требующие дательного и винительного падежей, отличаются высокой частотой употребления. Основами для самых грамматикализованных клитических соединений являются предлоги *in*, *von*, *an*, *zu*, *bei*. По частоте употребления в соотношении между клитической и полной формой у грамматикализованных клитик 97,5 % составляет употребление клитической формы определенного артикля (*zum*), 2,5 % полной формы (*zu dem*) [Nübling 1992].

Не все артикли и предлоги могут соединяться в клитические формы и не все клитические формы имеют высокую степень грамматикализации. В связи с этим различают семантическую и прагматическую определенность. Семантическая определенность предполагает независимость от соответствующей ситуации, прагматическая определенность зависима от ситуации [Himmelmann 1997].

Семантические качества соединений определенного артикля с предлогами заключаются в различиях между полной и клитической формами определенного артикля. В сравнении с полной формой определенного артикля клитическая форма имеет специфические семантические свойства. В некоторых случаях употребления полной формы определенного артикля предложная группа будет грамматически некорректной.

Далее рассмотрим конкретные случаи обязательного употребления клитической формы артикля в области семантической определенности.

1. При обозначении даты, когда она не конкретизирована, артикль сливается с предлогом: *am Montag* (ситуативное знание) в отличие от *Wir treffen uns an dem Montag, den wir vereinbart haben: am 4. April; im März; in der Nacht vom 7. auf den 8. Mai*.

2. Перед понятиями, единственными в своем роде: *die Fahrt zum Mond*.

3. Перед именами собственными, которые употребляются с артиклем: *im Iran* (*in dem Iran), *ins Engadin* (*in das Engadin), *zur Schweiz*. В данном случае артикль не выполняет здесь какой-либо специальной функции, не ведет к расширению информации.

4. При наличии у существительного несогласованного определения в родительном падеже: *Er arbeitet im Garten seines Bruders* (*in dem Garten seines Bruders), *er kommt vom Geburtstag seiner Schwester*.

5. При абстрактно-ситуативном употреблении: *die Fahrt zum Papst, das Fest beim Bundeskanzler*. Сюда также относятся обозначения учреждений, например, *Kino, Schule, Zahnarzt* и т. п.: *Sie geht ins Kino / zur Schule / zum Zahnarzt*.

Nächste Woche gehen wir *zum* Notar unterschreiben, und dann können Sie's haben, besenrein [Komarek 2003, с. 59].

В случаях, когда называется конкретное лицо или конкретная организация, слияние исключается: *Sie geht zu dem* (*zum) *Arzt, der ihr gestern empfohlen wurde*.

Eine Woche lang wurde die Schule renoviert, heute geht er erstmals wieder zu der (*zur) Schule.

В данном случае для осуществления анафорического содержания можно было бы употребить также указательное местоимение *dieser* или *jener*.

Sie geht in das / in jenes (*ins) Kino, das nur Programmfilme zeigt.

6. При употреблении субстантивированных инфинитивов, выражающих процесс действия, события: *Sie kommt vom Autofahren, er geht zum Schwimmen*.

7. Во фразеологизмах, идиомах, устойчивых выражениях, семантика всех составных частей которых привязывается к новому общему значению, не выводимому из суммы отдельных значений. Конкретное понятие уступает место новому, абстрактному понятию: *sich ins* (*in das) *Fäustchen lachen, jmdn. zum* (*zu dem) *Narren halten, zum Abschluss bringen, zur Entfaltung kommen, etw. aufs Spiel setzen, ums* (*um das) *Leben kommen, jmdm. übers* (*über das) *Ohr hauen*.

8. При именах абстрактных и вещественных: неисчисляемость и низкая степень конкретности денотата способствует клитическому образованию: *zur Belohnung, im Urlaub, zum Trost, vom Nikotin, beim / im / am Wasser*.

9. При обозначении объекта как представителя своего класса, например: *die Evolution vom / *von dem Einzeller zum / *zu dem Menschen*. Здесь содержание определенности выражено очень незначительно [Himmelmann 1997, с. 12].

Устойчивые выражения и конструкции с обязательными слияния-ми рассматриваются в диахронном аспекте как результат процессов грамматикализации.

Таким образом, некоторые клитики не являются взаимозаменяемыми со своей полной формой, так как их замена может привести к неграмматическим выражениям, например: *Das kommt vom Rauchen (*von dem Rauchen), die Entwicklung vom (*von dem) Demonstrativ zum (*zu dem) Artikel, sie wandert im (*in dem) Erzgebirge*, или к другой интерпретации (*im Garten ≠ in dem Garten*) [Миронова 2014, с. 144].

В некоторых контекстах употребление полной и клитической форм артикля имеет разную прагматическую направленность. Примеры с полной формой артикля, в которых видна прагматическая направленность, можно наблюдать в проанализированных текстах художественной литературы:

War's schön bei dem Geburtstag? [Dorn 2005, с. 137]

В данном случае речь идет об определенном дне рождения, известном всем участникам ситуации.

Грамматикализированные клитики образуют артикль мужского/ среднего рода в дательном падеже (*zum, im, am, vom, beim*), артикль среднего рода в винительном падеже с самыми распространенными предлогами (*ins, ans*), артикль женского рода в дательном падеже образует только одно соединение (*zur*). Таким образом, при формах слияния определенного артикля с предлогами *am, zum, zur, im, vom, beim*, частично *ins, ans* и *aufs* речь идет о морфологических процессах. Поскольку слияния определенного артикля и предлога затрагиваются также фонологическими процессами, в этих случаях можно говорить о фонологических явлениях:

Ich sah uns schon *ins* Auto springen, *ins* nächste Café eilen ... [Dörrie 1999, с. 126].

So etwas muss man einem *ins* Gesicht sagen, nicht am Telefon [Köhlmeier 1998, с. 103].

Ich machte mich *ans* Werk [там же, с. 26].

Ich hätte meine Hand dafür *ins* Feuer gelegt, dass du keines von diesen bescheuerten Weibern bist, die ihre Karriere *aufs* Spiel setzen, nur weil sie plötzlich die Kindermaske kriegen [Dorn 2005, с. 93].

Raus *aufs* Land [Dorn 2005, с. 361].

Dann falle ich ja *aufs* Gesicht! [Köhlmeier 1998, с. 17].

Между полной и клитической формой возникает расхождение, они становятся в оппозицию друг к другу. Клитический артикль, освобождаясь от дейксиса, приобретает общий характер, свойственный категории флексий. Другими словами, клитический артикль десемантизируется и получает предпосылки для того, чтобы стать флексией.

Граница между стандартными, разговорными и диалектными слияниями не является четко выделяемой. Всё больше слияний находит сегодня употребление в письменной речи: *vorm*, *vors*, *hinterm*, *hinters*, *überm*, *übers*, *unterm*, *unters*, *fürs*, *durchs*.

Mams steckte die Schlüssel wortlos in die Tasche, doch das Auto blieb auf dem Parkplatz *vorm* Haus stehen [Härtling 1989, с. 53].

Vor ihr steht Opa Friedrich und strahlt *übers* ganze Gesicht [там же, с. 87].

Vorsichtig legt sie die Geige *aufs* Bett, ist mit drei Schritten an der Tür, reißt sie auf [там же 1989, с. 17].

При этом в большинстве случаев употребления полной и клитической форм артикля не возникает семантических различий. Форма слияния не является в данных случаях обязательной:

Ich ging hinterher, setzte mich *aufs* (auf das) Sofa und zählte mit [Дёппи 1999, с. 127].

Kein Platz mehr *für* 's (für das) Schattenboxen [Dorn 2005, с. 161].

Sie bricht ab und haut mit der Faust *aufs* (auf das) Autodach [Dörrie 1999, с. 243].

Bis nach Portugal waren sie geflogen, um die richtigen Kacheln *fürs* (für das) Bad zu finden [Dorn 2005, с. 48].

Согласно орфографическому словарю Duden «Die deutsche Rechtschreibung der deutschen Sprache» [Duden 2013], допускаются следующие соединения предлогов с определенным артиклем:

Таблица 1

Слияние определенного артикля с предлогами

Предлог	Определенный артикль			
	das	dem	den	der
an	ans	am	–	–
auf	aufs	aufm, auf'm	aufn, auf'n	–
aus	–	ausm, aus'm	–	–
bei	–	beim	–	–
durch	durchs	–	–	–
für	fürs	–	–	–
hinter	hinters	hinterm	hintern	–
in	ins	im	–	–
über	übers	überm	übern	–
um	ums	–	–	–
unter	unters	unterm	untern	–
von	–	vom	–	–
vor	vors	vorm	vorn	–
zu	–	zum	–	zur

Менее употребительными в письменной речи являются слияния *aufm* (*auf'm*), *aufn*, (*auf'n*), *ausm* (*aus'm*), *durch'n*, *hinters*, *hinterm*, *hintern*, *unters*, *übers*, *überm*, *übern*, *unters*, *unterm*, *untern*. Данные сочетания являются характерными для разговорной речи [Duden 2006].

So setz' ich weg mich *übers* künft'ge Leben [Dorn 2005, с. 155].

Die Wand, unter der ihr Bett steht, ist schräg, da sie *unterm* Dach wohnen [Härtling 1989, с. 12].

Einmal abgesehen von diesem Heinz Hafner, kennst du sonst noch irgend jemand, der mit der Amalie, sagen wir, *übers* Kreuz war? [Köhlemeier 1998, с. 85]

Zum Abschied steht die ganze Familie ums Auto herum [Dörrie 1999, с. 243].

После предлогов, оканчивающихся на *-f*, *-ch*, *-s*, *-t*, в разговорной речи и в диалектах часто употребляются клитические формы определенного артикля =m =n, разделенные апострофом: *auf'm*, *nach'm*, *aus'm*, *mit'm auf'n* и т. д.:

Es wird so viel geredet *auf'm* Schiff [Lind 2005, с. 321].

Was war da jetzt *mit'm* Brief? fragte er plötzlich [там же, с. 319].

Ich sehe ihn aber erst um viertel neune *auf'n* Drink in der Bar 'Zum eitlen Fratz' [Lind 2005, с. 403].

Haben wir früher auch gemacht, *nach'm* Krieg [Lind 2006 б), с. 713].

Und I sitz hier *auf'm* Schiff [Lind 2006 а), с. 326].

Dös is der beste Schnaps, der noch *auf'm* Markt ist! [Lind 2006б, с. 869].

Wat is hier mit den Tänzern *aus'm* Ballett? [Lind 2006а, с. 39].

Wir fahrn *mit 'm* Viechwagn in d' Höll! [Maypep 2010, с. 323].

Sie gehn mich *aum* Wecker mit Ihre ewige Meckerei *anne* Ruhrsprache [Bonhorst 1994, с. 76].

Ach – da war bloß a Preiß *auf'm* Gleis [Baumann 2007, с. 14].

Und dös is eahna blieb'n, de Preiß'n – bis *auf'n* heitig'n Tog! [там же, с. 10].

Rotwein stell ich *auf'n* Kamin [Lind 2006б, с. 869].

Mi'm Transformator, liabe [Baumann 2007, с. 17].

Meine Bude is hier *umme* Ecke [Lind 2005, с. 191].

Was mach' mer jetzt *mit'm* Fleisch? [Lind 2006б, с. 867].

Oder daahi maach, that's fish mit Joghurtsause, und natürlich biriani, das ist der typische Safranreis, den würzen s' hier phantastisch mit Curry... aber *mit'n* Fingern müssen S' essen. Mit der rechten Hand [Lind 2005, с. 313].

Dreht se *zu'n* Kameras hin, und schreit: "Getz lächel doch, tuhsse doch sons imam! Da haut die dem Mann *mit'n* Autoschlüssel mitten ins Gesicht, also ich glaub die hat dem 'n Auge ausgestochen [Lind 2006б, с. 700].

Разговорная речь отличается разнообразием клитических форм, здесь происходит слияние большого числа артиклей с большим числом предлогов. Клитические формы в данном случае рассматриваются как фонологические явления, которые в основном зависят от условий акцентирования и от спонтанности и скорости речи.

В диалектах можно встретить множество соединений артикля с предлогами, среди которых имеются формы артикля женского рода

der в дательном падеже и *die* в винительном падеже, формы артикля множественного числа *die* в винительном падеже и *den* в дательном падеже. Например:

Klah, der hat *inne* fuffzizer Jahre jelernt – берлинский диалект [Novak 2012, с. 83].

Immer bein Tapeziern streitn sa, die zwää, weil er sacht – франкский диалект [Wolpert 1996, с. 15].

Det Opernhaus *Unter 'n* Linden is' mit seiner Oper hieß Montezuma, aba ein' heimsucht, wenn man in' Urlaub det Essen nich' verträgt – берлинский диалект [Novak 2011, с. 61].

Ja mei, aus dene macha mia Fotzhobeln *für 'n* Export nach Preiß'n! – баварский диалект [Baumann 2007, с. 40].

Как видно из данных примеров, в разговорной немецкой речи и диалектах можно отметить большое разнообразие слияний определенного артикля с предлогами. В противоположность грамматикализованным клитическим соединениям, они не отличаются от своих полных форм в семантически-прагматическом отношении. В диалектах соединяется больше предлогов, чем в литературном и даже разговорном немецком языке. Например, соединения предлога *in* и определенного артикля в рурском диалекте образуют парадигму. Таким образом, можно сказать, что в соединениях предлогов с артиклями немецких диалектов прослеживается тенденция к развитию флексий (табл. 2).

Таблица 2

Соединения предлога *in* и определенного артикля в рурском диалекте

Предлог	Род	Ед.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Мн.ч.
		Направление	Положение	Направление	Положение
in	М. р.	in=n / i=m	in=n / i=m	inn=e	inn=e
	Ж. р.	inn=e	inn=e		
	С. р.	in=n	in=n / i=m		

Заключение

Образованию грамматикализованных соединений способствует частое контактное, соседнее положение предлога и артикля. Для того чтобы состоялось морфологическое слияние двух элементов

(определенного артикля и предлога), недостаточно только частоты употребления этих элементов по отдельности. Самым важным фактором является частота, с которой конкретный предлог соединяется с конкретным артиклем. При этом в соединениях предлога с артиклем играют роль пространственные различия (диалекты), зависимость от контекста, а также различия между устной и письменной речью.

Анализируя клитические соединения артиклей с предлогами в художественной литературе, можно заметить, что тенденцию к клитизации имеют формы артиклей в единственном числе. При этом больше всего клитизации подвергается форма артикля мужского и среднего рода в дательном падеже *dem*, далее следует форма артикля среднего рода в винительном падеже *das*, и меньше, чем предыдущие формы, склонна к возникновению клитик форма артикля женского рода в дательном падеже *der*.

Так, можно сделать вывод о том, что с одной стороны, при выражении грамматических категорий современный немецкий язык демонстрирует аналитическое поведение. С другой стороны, достаточно частые случаи клитизации служебных слов свидетельствуют о противоположной тенденции, т. е. о стремлении к синтезу. Поскольку в современном немецком языке клитики встречаются достаточно часто, можно утверждать, что в нем наблюдается также развитие средств синтеза. Такая тенденция приводит языковые элементы, располагающиеся рядом друг с другом, к единству, что ведет к их дальнейшей грамматикализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.–Л. : АН СССР, Институт Языкознания, 1956. 635 с.
- Миронова О. В.* Системная значимость клитик в германских языках // Опережая время к 100-летию со дня рождения О. И. Москальской. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 133–146. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 4 (690). Сер. Языкознание).
- Baumann C. M.* Boarisch g'lacht. Witze und Anekdoten aus Bayern. München : Alois Knürr Verlags GmbH, 2007. 159 S.
- Bonhorst R.* Dr. Antonia Cervinski-Querenburg “Daaf ich Sie die Foote küssen?” Ruhrdeutsch mit der bekannten Sprachforscherin. Band 2. Essen : Verlag Henselowsky Boschmann, 1994. 79 S.
- Dorn T.* Die Brut. 2. Auflage. München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2005. 413 S.

- Dörrie D.* Was machen wir jetzt? Zürich : Diogenes Verlag, 1999. 304 S.
- Duden. Die Grammatik. 8. überarbeitete Auflage. Mannheim–Zürich : Dudenverlag, 2009. 1343 S.
- Duden. Die deutsche Rechtschreibung der deutschen Sprache. 26., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Duden. Berlin–Mannheim–Zürich : Dudenverlag, 2013. 1216 S.
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6. überarbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich : Dudenverlag, 2006. 2016 S.
- Gnutzmann C.* Schwache Formen (“weak forms”) im Deutschen und ihre Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht// Zielsprache Deutsch. Zeitschrift für Unterrichtsmethodik und angewandte Sprachwissenschaft. H. 2. 1973. S. 19–24.
- Härtling P.* Fränze. Weinheim und Basel : Beltz Verlag, 1989. 112 S.
- Helbig G., Buscha J.* Kurze deutsche Grammatik für Ausländer. Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1974. 294 S.
- Himmelmann N. P.* Deiktikon, Artikel, Nominalphrase. Zur Emergenz syntaktischer Struktur. Tübingen : Niemeyer, 1997. 330 S.
- Kohler K. J.* Einführung in die Phonetik des Deutschen. Berlin : Schmidt, 1995. 249 S.
- Köhlmeier D.* Dein Zimmer für mich allein. München : Piper Verlag GmbH, 1998. 110 S.
- Komarek A.* Himmel, Polt und Hölle. Zürich : Diogenes Verlag, 2003. 207 S.
- Lind H.* Karlas Umweg. Berlin : Ullstein Buchverlage, 2005. 443 S.
- Lind H.* Mord an Bord. Berlin : Ullstein Buchverlage, 2006a. 425 S.
- Lind H.* Hochglanzweiber. Berlin : Ullstein Buchverlage, 2006 b). 883 S.
- Maurer J.* Hochsaison. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2010. 391 S.
- Novak D.* Een Schnäpperkin lost de Zunge: Vergnügliches vom Stammtisch rund um die Berliner Redensarten und Sprüche. Berlin : Hnb-Verlag, 2011. 110 S.
- Novak D.* Scharf jeschnitten und spitz jequatscht: Plaudereien beim Friseur rund um die Berliner Redensarten und Sprüche. Berlin : Hnb-Verlag, 2012. 110 S.
- Nübling D.* Klitika im Deutschen. Schriftsprache, Umgangssprache, alemannische Dialekte. Tübingen : Narr, 1992. 378 S.
- Wolpert W.* A fränkische Fraa: Geschichten und Gedichte für Franken. Hanau : Verlag Michaela Naumann, 1996. 79 S.

аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова; e-mail: pa-v-l-ov@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К ОЦЕНКЕ «КОГНИТИВНОЙ ГЛУБИНЫ» УСТНЫХ НАРРАТИВОВ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ

В статье описан один из частных результатов психолингвистического исследования особенностей устного дискурса детей с расстройствами аутистического спектра (РАС).

Представлена методика расчета коэффициента когнитивной глубины (КГ) устных пересказов просмотренного короткометражного фильма «О грушах» У. Чейфа. В исследовании принимали участие дети в возрасте 10–12 лет – 24 ученика специализированных школ г. Москвы с установленным диагнозом РАС и 24 нейротипичных ребенка. В рамках анализа полученных нарративов каждое предложение относилось к дескриптивному, интерпретационному или нарративному типу и оценивалось, соответственно, в один, два либо три балла. При этом дескриптивными считались предложения, в которых рассказчик излагал события фильма без каких-либо субъективных суждений. В качестве интерпретационных рассматривались предложения, в которых нарраторы давали оценочные комментарии при описании событий и героев фильма, а также высказывания, передающие мысли и намерения персонажей. К нарративному типу относились предложения, наиболее сложные для порождения с точки зрения задействования когнитивного потенциала рассказчика, – прежде всего, высказывания, в которых отражались причинно-следственные связи событий фильма. Также в эту категорию были включены предложения, в которых нарратор не просто описывал события с позиции одного из героев фильма (как в интерпретационном типе), но и передавал его мысли и суждения относительно мыслей, намерений и поступков другого персонажа. Коэффициент КГ пересказа фильма рассчитывался индивидуально для каждого рассказчика как отношение суммы баллов за все предложения к общему числу проанализированных предложений. Результаты для наглядности представлены в виде таблиц. Показано, что аутисты склонны в большей степени придерживаться дескриптивной стратегии повествования, а среднее значение коэффициента КГ их пересказов ниже аналогичного показателя детей нейротипичного развития. Делается вывод о возможности использования предложенного в статье подхода в медицинской и психолого-педагогической практике в целях определения траектории индивидуальной работы по коррекции дисфункций конкретного ребенка с аутизмом. Кроме того, расчет когнитивной глубины устных нарративов может использоваться в качестве дополнительного инструментария для выявления аутистических черт личности и верификации диагноза.

Ключевые слова: психолингвистическое исследование; аутизм; расстройства аутистического спектра (РАС); коэффициент когнитивной глубины; нарратив; дискурс; устный пересказ; детская речь.

Pavlov A. V.

Postgraduate Student, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: pa-v-l-ov@yandex.ru

A FEASIBLE APPROACH TO ASSESSING COGNITIVE DEPTH OF ORAL NARRATIVES BY AUTISTIC CHILDREN

The article describes an isolated result of a psycholinguistic study into peculiarities of oral (narrative) discourse by children having autism spectrum disorders (ASD).

A technique is presented for calculating the cognitive depth (CD) quotient of oral retelling Wallace Chafe's short film "The Pear Stories" previously seen by the children. The study involved children aged 10 to 12 – 24 students diagnosed with ASD of Moscow's special schools and 24 neurologically typical children. While conducting an analysis of the narratives, each sentence was subsumed under a certain type – descriptive, interpretative, or narrative – and scored one, two, or three points respectively. It being understood that descriptive sentences were those in which the narrator told the film plot (events) without any subjective judgements. Interpretative sentences were considered to be those in which the narrator offered both subjective judgements when describing the events and characters of the film as well as utterances rendering thoughts and intentions of the characters. The narrative type included the most difficult sentences to produce in terms of involving the narrator's cognitive potential – first of all utterances which reflect the cause-and-effect relationship in the film plot. This category also included the sentences in which not only did the narrator describe the events as perceived by a film character (as distinct from the interpretative type), but also rendered a film character's thoughts and judgements as related to another character's thoughts, intentions, and actions. The cognitive depth quotient of oral retelling the film was calculated individually for each narrator as the ratio of the total points for all the sentences to the total number of the sentences analysed. For the purposes of illustration, the results are arranged in tabular form. It is shown that autistic children tend more to pursue the descriptive strategy of narration, with the average quotient of cognitive depth of retelling the film by them being lower than that of retelling the film by neurologically typical children. The conclusion is drawn that the approach suggested in the article may be adopted in medical, psychological and teaching practice in order to chart trajectory of face-to-face-work on correcting dysfunctions in a specific autistic child. What is more, calculating cognitive depth of oral narratives may be used as additional tools to reveal autistic characteristics of a person and to verify the diagnosis.

Key words: psycholinguistic study; autism; autism spectrum disorder (ASD); cognitive depth quotient; narrative; discourse; retelling; child's speech.

Аутизм признается глобальной проблемой. В России также отмечается существенный рост числа детей с расстройством аутистического спектра (РАС) различной этиологии [Манелис 2000; Дети

и подростки... 2005]. При этом исследователи сосредоточивают усилия в основном на изучении психологических и медицинских аспектах заболевания, а также на вопросах обучения и социализации аутистов. Вместе с тем речевое развитие детей с данной патологией остается недостаточно изученным. Отдельные сведения приводятся в трудах [Ахутина 2012; Башина, Симашкова 1993; Веденина, Окунева 1997; Нуриева 2006; Романова 2012; Романова, Ахутина 2011]. При этом работ, посвященных анализу дискурса аутичных детей, нет.

В целях устранения указанного пробела автором под руководством доктора филологических наук, профессора О. В. Фёдоровой по методике [Фёдорова 2008] проведено психолингвистическое исследование, целью которого было выявление особенностей дискурса вербальных детей с аутизмом в сравнении с речью нейротипичных детей.

В экспериментальную группу были включены 24 ученика специализированных общеобразовательных учебных заведений с вербальным аутизмом. В состав контрольной группы (группы сравнения) вошли 24 ребенка нормального развития. Испытуемые обеих групп являлись детьми младшего подросткового возраста, так как, по мнению авторитетных исследователей, к 10–12 годам речевое развитие в основном заканчивается [Балонов, Деглин 1976; Глухов, Ковшиков 2007; Леонтьев 1974; Седов 2008; Возрастные и индивидуальные... 1967].

Для получения свободных нарративов детям демонстрировался видеофильм «О грушах» У. Чейфа (Wallace Chafe) [Chafe 1980]. В фильме длительностью 5 мин 55 сек. отсутствует звучащая речь, нет специфических для определенного народа реалий и он понятен представителям различных культур, а насыщенная сюжетная линия является мощным стимулом для порождения речи.

Полученные нарративы были проанализированы по различным параметрам и характеристикам, в том числе по методикам [Бергельсон, Худякова 2017; Рассказы о сноведениях... 2009; Фёдорова 2014]. В частности, в рамках оценивания восприятия аутистами содержания фильма и его передачи при устном пересказе, выявлены существенные различия в исследуемых группах по ряду показателей:

– *мыслительных* (особенности описания и включения в рассказ отдельных эпизодов фильма; стратегии отражения в пересказе главных и второстепенных персонажей; полнота и трудности изложения событий просмотренного фильма, понимание имплицитного контекста отдельных сюжетных событий, умение передавать эмоциональное

состояние третьих лиц, склонность к додумыванию и искажению сюжетной линии при пересказе, затруднения в половозрастной идентификации; акцентуализация на малозначимых предметах и избыточная детализация, восприятие смысла фильма в целом и попытка его именования и др.);

– собственно *языковых*, проявившихся на разных уровнях: фонетическом (особенности паузаций), лексическом (лексическое разнообразие, частеречные соотношения, использование гипонимов, гиперонимов и неуместной лексики, употребление диминутивов, стратегии описания незнакомого предмета и др.), особенности дискурсивного уровня (использование дискурсивных маркеров, ввод данной и новой информации, особенности референциального выбора и др.), грамматико-синтаксическом (выбор глагольных времен, отношение простых и сложных предложений, грамматические ошибки и др.).

Основные результаты проведенного психолингвистического исследования представлены автором в научных публикациях [Павлов 2017а; Павлов 2016а; Павлов 2017б; Павлов 2016б] и докладах на международных научно-практических конференциях [Павлов 2016в, Павлов, Федорова 2015]. В настоящей статье обсуждается один из частных речемыслительных аспектов – когнитивная глубина пересказов.

Понятие когнитивной глубины (*cognitive depth*) сравнительно недавно вошло в научный оборот и стало использоваться в психолингвистике [Исенбаева 2009; Краткий словарь когнитивных... 1997]. Однако еще в ранних трудах, посвященных анализу рассказов «О грушах», например, в вышедшей в 1980 г. работе [Du Bois, John W. 1980], был предложен оригинальный подход деления высказываний на два типа – дескриптивный (высказывания этого типа продвигают основную линию повествования) и нарративный модусы (высказывания этого типа категоризируют объекты повествования и описывают их). В последующих исследованиях оппозиция «нарративный vs дескриптивный» получила свое развитие, а адекватность восприятия и степень когнитивной обработки информации оценивалась по различным уровням.

По мнению автора, применительно к проведенному психолингвистическому исследованию и полученному материалу, для оценки когнитивной глубины устных нарративов каждое конкретное высказывание целесообразно относить к одному из трех типов: дескрипция; интерпретация; нарративизация.

К **дескриптивным** мы отнесли предложения, в которых рассказчик излагает события фильма по принципу «camera – eye», т. е. преподносит информацию об увиденном с опорой на зрительную память достаточно точно, но без каких-либо субъективных суждений. Например, «Дядя собирал груши», «Корзин было три», «Груши рассыпались», «А потом она врезалась вот камнем, вот передним колесом и упала».

В качестве **интерпретационных** расценивались предложения, в которых нарраторы давали оценочные комментарии при описании событий и героев фильма, а также отдельных предметов. Кроме того, сюда относились высказывания, передающие мысли и намерения персонажей. В некоторых случаях интерпретация отражалась на уровне отдельных слов-суждений, что позволяло относить предложения к интерпретационным, сюда также включались интерпретационные и частично интерпретационные именованья героев. Так, в эту группу были включены такие высказывания, как, например, «Один *деревенский житель* собирал яблоки», «Он *думал*, куда же делась третья», «Он *заметил*, что одной корзины не хватает», «Он *всех угостил* грушами».

И, наконец, к третьему – **нарративному** – типу относились предложения наиболее сложные для порождения с точки зрения взаимодействия когнитивного потенциала рассказчика. Прежде всего, таковыми являлись высказывания, в которых отражались причинно-следственные связи («...*врезался* об камень, *потому что* улетела шляпа него...»), «Он *посмотрел*, *потому что* шляпа упала назад», «Затем он снова *залез* на дерево, *чтобы собрать* груши»). Также в эту категорию были включены предложения, в которых рассказчик не просто описывал события с позиции одного из героев фильма (как в предыдущем типе), но и передавал его мысли и суждения относительно мыслей, намерений и поступков другого персонажа («Мужчина ээ *увидел* их, что они жуют груши и *наверняка подумал*, что это они украли у него корзину с тем, что он насобирал», «Ээ *он увидел* этих мальчишек, которые ели груши и, видимо, *подумал*, что это они украли у него»). Данное обстоятельство несколько отличает наш подход от исходного.

Вместе с тем, если для присваивания когнитивного типа высказываниям из пересказов детей-нормы трудностей не было, то

в отношении нарративов аутичных детей в ряде случаев возникали сложности. Во-первых, не все дети пересказали сюжет самостоятельно от начала до конца. Та часть высказываний, которая составила ответы на конкретные вопросы интервьюера, не учитывалась для анализа (за исключением побуждения к продолжению рассказа, например «А что было дальше?»). Во-вторых, не подлежали анализу отрывки пересказов, являющиеся вымыслом, т. е. не соответствующие реальному сюжету фильма, поскольку такие высказывания невозможно отнести ни к одному из предложенных типов («... вот и бабушка какая-то старенькая купила кукурузу себе домой, чтоб у них хлеб был...»), «...девушка домой приходит к этому дяденьке... и живет дома...»). Данная стратегия позволила осуществить более корректное сопоставление полученного материала.

Так, было проанализировано 409 предложений из пересказов детей нормального развития и 342 предложения из пересказов детей с РАС. Соотношение высказываний по заявленным типам выглядит следующим образом:

- предложения дескриптивного типа – 210 (51 %) vs 220 (64 %);
- предложения интерпретационного типа – 177 (43 %) vs 114 (33 %);
- предложения нарративного типа – 23 (6 %) vs 8 (2 %).

Предложения дескриптивного типа оценивались автором в один балл, интерпретационного – два балла, нарративного – три балла.

Для каждого рассказчика в отдельности рассчитывался индивидуальный **коэффициент когнитивной глубины** пересказа по следующей формуле: сумма баллов за все предложения делилась на общее количество проанализированных предложений. Результаты расчетов представлены в таблицах 1 и 2.

Отметим, что 13 участников из контрольной группы (т. е. более половины) использовали в своих пересказах предложения нарративного типа. Вместе с тем аналогичный тип употреблял только каждый четвертый из группы детей с аутизмом. Также стоит обратить внимание на то, что у отдельных детей из экспериментальной группы в исследуемых монологах присутствуют исключительно дескриптивные конструкции.

Таблица 1

Расчет когнитивной глубины пересказов детей типичного развития

Номер участника	Дескриптивный тип		Интерпретационный тип		Нарративный тип		Общее кол-во предложений	Общее кол-во баллов	Коэффициент когнитивной глубины
	Кол-во предложений	Баллы (x1)	Кол-во предложений	Баллы (x2)	Кол-во предложений	Баллы (x3)			
1	16	16	20	40	0	0	35	56	1,55
2	7	7	11	22	3	9	21	38	1,81
3	9	9	7	14	1	3	17	26	1,53
4	8	8	2	4	0	0	10	12	1,20
5	12	12	6	12	1	3	19	27	1,42
6	16	16	7	14	0	0	23	30	1,30
7	12	12	6	12	0	0	18	24	1,33
8	11	11	6	12	2	6	19	29	1,53
9	4	4	2	4	2	6	8	14	1,75
10	9	9	9	18	2	6	20	33	1,65
11	8	8	11	22	4	12	23	42	1,83
12	7	7	13	26	1	3	21	36	1,71
13	8	8	5	10	0	0	13	18	1,38
14	8	8	11	22	0	0	19	30	1,58
15	4	4	4	8	0	0	8	12	1,50
16	8	8	3	6	1	3	12	17	1,42
17	5	5	5	10	1	3	11	18	1,64
18	6	6	6	12	2	6	14	24	1,64
19	4	4	5	10	0	0	9	14	1,56
20	7	7	10	20	0	0	17	27	1,59
21	5	5	5	10	0	0	10	15	1,50
22	15	15	9	18	1	3	25	36	1,44
23	11	11	9	18	0	0	20	29	1,45
24	10	10	5	10	2	6	17	26	1,53
Итого	210	210	177	354	23	69	409	633	–
Ср.знач.	8,75	8,75	7,38	14,75	0,96	2,88	17,04	26,38	1,54

Таблица 2

Расчет когнитивной глубины пересказов детей-аутистов

Номер участника	Дескриптивный тип		Интерпретационный тип		Нарративный тип		Общее кол-во предложений	Общее кол-во баллов	Коэффициент когнитивной глубины
	Кол-во предложений	Баллы (x1)	Кол-во предложений	Баллы (x2)	Кол-во предложений	Баллы (x3)			
1	7	7	6	12	0	0	13	19	1,46
2	6	6	2	4	0	0	8	10	1,25
3	18	18	14	28	1	3	33	49	1,48
4	16	16	6	12	2	6	25	34	1,42
5	8	8	4	8	0	0	12	16	1,33
6	8	8	4	8	1	3	13	19	1,46
7	5	5	1	2	0	0	6	7	1,17
8	5	5	0	0	0	0	5	5	1,0
9	4	4	0	0	0	0	4	4	1,0
10	10	10	5	10	0	0	15	20	1,33
11	5	5	5	10	0	0	10	15	1,5
12	5	5	2	4	0	0	7	9	1,29
13	3	3	1	2	0	0	4	5	1,25
14	15	15	6	12	0	0	21	27	1,29
15	31	31	18	36	2	6	51	73	1,43
16	11	11	4	8	0	0	15	19	1,27
17	10	10	3	6	0	0	13	16	1,23
18	4	4	8	16	0	0	12	20	1,67
19	10	10	2	4	0	0	12	14	1,17
20	5	5	6	12	1	3	12	18	1,50
21	17	17	1	2	0	0	18	19	1,06
22	6	6	4	8	0	0	10	14	1,40
23	6	6	3	6	0	0	9	12	1,33
24	5	5	9	18	1	3	15	26	1,73
Итого	220	220	114	228	8	24	342	470	–
Ср.знач.	9,17	9,17	4,75	9,5	0,33	1	14,25	19,58	1,33

Разброс полученных коэффициентов для детей-нормы составил от 1,2 до 1,83 при среднем арифметическом **1,54**, тогда как для детей с РАС показатель колебался от 1,0 до 1,73 при среднем значении **1,33**. На рис. 1 представлено распределение параметра по контрольной и экспериментальной выборкам.

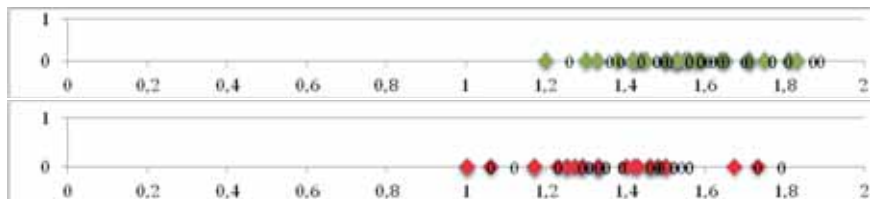

Рис. 1. Распределение результатов по параметру «коэффициент когнитивной глубины пересказов» для детей-нормы (верхний ряд) и детей-аутистов (нижний ряд).

Таким образом, данный анализ наглядно продемонстрировал, что дети-аутисты склонны в большей степени придерживаться дескриптивной стратегии повествования и среднее значение коэффициента когнитивной глубины их пересказов просмотренного фильма ниже, чем аналогичный показатель у детей типичного развития.

Апробированный подход вычисления когнитивной глубины позволяет в совокупности с другими показателями не только формировать более объективное представление о речемыслительных способностях детей с РАС, но и определять траекторию индивидуальной работы по коррекции дисфункций конкретного ребенка с аутизмом.

Кроме того, представляется, что расчет коэффициента КГ может найти применение в медицинской и психолого-педагогической практике в качестве дополнительного инструментария для выявления аутистических черт личности и верификации диагноза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю., Романова А.А. Применение луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестник Московского университета. 2012. № 2. С. 84–95.
- Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушария. Л. : Наука, 1976. 218 с.

- Башина В. М., Симашикова Н. В. К особенностям коррекции речевых расстройств у больных с ранним детским аутизмом // Альманах «Исцеление». 1993. № 1. С. 154–160.
- Бергельсон М. Б., Худякова М. В. Исследования дискурса при речевых патологиях на материале корпуса «Рассказы о грушах» // В кн.: Когнитивные исследования: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Д. Соловьева. Вып. 7. М. : Когито-центр, 2017. С. 11–28.
- Веденина М. Ю., Окунева О. Н. Использование поведенческой терапии аутичных детей для формирования навыков бытовой адаптации. Сообщение II // Дефектология. 1997. № 3. С. 15–20.
- Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / Д. Б. Эльконин и [др.]. М. : Просвещение, 1967. 360 с.
- Глухов В., Ковшиков В. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М. : АСТ, 2007. 318 с.
- Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение / О. С. Никольская [и др.]. М. : Теревинф, 2005. 224 с.
- Исенбаева Г. И. Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект: монография. Орск : ОГТИ, 2009. 191 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Леонтьев А. А. Исследования детской речи // Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 368 с.
- Манелис Н. Г. Сравнительный нейропсихологический анализ формирования высших психических функций у здоровых детей и у детей с аутистическими расстройствами: дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 124 с.
- Нуриева Л. Г. Развитие речи у аутичных детей. М. : Теревинф, 2006. 54 с.
- Павлов А. В. «Модель психического» в объяснении речемыслительных дисфункций у аутичных детей и ее экспериментальная проверка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». 2017. № 1. С. 74–78.
- Павлов А. В. Аутичные дети пересказывают фильм: некоторые результаты психолингвистического эксперимента // Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2016. Т. 4. № 12 (66). С. 147–149.
- Павлов А. В. Дискурсивные маркеры в устной речи детей с аутизмом // Вестник Московского государственного областного университета [Электронный журнал]. 2017. № 4. URL: vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/838
- Павлов А. В. Комплексные нарушения половозрастной идентификации, выявленные в ходе психолингвистического исследования у детей с расстройством аутистического спектра // Научное обозрение. 2016. № 8. С. 71–76.
- Павлов А. В. Особенности устного дискурса детей с расстройствами аутистического спектра // Проблемы онтолингвистики – 2016: материалы

- Ежегодной международной практ. конф., 23–26 марта 2016, СПб. «Проблемы онтолингвистики». Иваново : ЛИСТОС, 2016. С. 386–390.
- Павлов А. В., Федорова О. В.* Фильм о грушах У. Чейфа в пересказах детей с расстройствами аутистического спектра: результаты психолингвистического исследования // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции: тезисы Междунар. конф., 18–20 мая 2015 г., Санкт-Петербург. СПб., 2015. С. 179–182.
- Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса: монография / под ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009. 733 с.
- Романова А. А.* Особенности развития речи детей с аутистическими расстройствами. Медицинская психология (психологические науки): автореф. ... канд. психол. наук. 2012. 26 с.
- Романова А. А., Ахутина Т. В.* Составление рассказов детьми с аутистическими расстройствами и трудностями обучения: нейролингвистический анализ // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: тезисы конферен. 16 июня 2011 г. / под. ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М., 2011. С. 210–215.
- Седов К. Ф.* Онтопсихолингвистика. Становление коммуникативной компетенции человека. М. : Лабиринт, 2008. 320 с.
- Федорова О. В.* Основы экспериментальной психолингвистики: Принципы организации эксперимента. М. : Спутник+, 2008. 23 с.
- Федорова О. В.* Экспериментальный анализ дискурса. М. : Языки славянской культуры, 2014. 512 с.
- Chafe W.* The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, N. J. : Ablex, 1980. 323 p.
- Du Bois John W.* Beyond definiteness: the trace of identity in discourse. The pear stories, ed. by Wallace L. Chafe, Norwood, N. J. : Ablex. 1980. P. 203–274.

УДК 81.42

С. А. Петрова

кандидат филологических наук; доцент кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: svet61@mail.ru

**СТРАТЕГИИ И ПРИЕМЫ
КРЕОЛИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АНТИЛЬСКОМ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(по произведениям Патрика Шамуазо)**

В статье исследуется креолизация франкоязычного антильского художественного дискурса в свете транскультурного подхода, предполагающего выход за границы национальных и этнических культур с целью создания надкультурных смыслов. Материалом исследования послужили художественные и публицистические произведения антильских писателей Э. Глиссана и П. Шамуазо, получившие признание во всем мире. В статье используется комплексная методика анализа художественного дискурса, соединяющая в себе лингвистический и культурологический подходы.

Статья состоит из трех частей. Первая часть посвящена транскультурной стратегии креолизации художественного дискурса, ее философскому обоснованию и возможностям в области смыслопорождения и формообразования. В ней также говорится о таком способе креолизации, как использование характерных для креольской культуры иконических образов. Во второй части статьи рассматривается, каким образом транскультурный подход обеспечивает выработку надкультурных смыслов, новых концептов и понятий. Транскультурный подход как стратегия креолизации художественного дискурса предполагает среди прочих средств децентрировку французского культурного кода, расшатывание впечатанных во французские языковые нормы и клише бинарных оппозиций, а также избавление от доминирующих во французской культуре ценностей и смыслов. Все перечисленные приемы в совокупности обеспечивают творческое обогащение и новаторство в культуре. В третьей, заключительной, части исследуется языковая гетерогенность креолизованного художественного дискурса и рассматривается характерная для транскультурного подхода тенденция регенерировать существующий лексический состав французского языка, а также создавать новые словообразования.

Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что при транскультурном прочтении креолизованному художественному дискурсу присущи два характерных свойства: с одной стороны, он предстает как некий непрерывный пространственно-временной континуум, охватывающий две (или более) культуры, с другой – как культурное разнообразие. Транскультурный характер франкоязычного антильского художественного дискурса прослеживается на философском, концептуально-понятийном и языковом уровнях.

Ключевые слова: креолизация; ризома; транскультурный подход; художественный дискурс; языковая гетерогенность.

Petrova S. A.

PhD, Associate Professor at the Department of Second Foreign Language, MSLU;
e-mail: svetla61@mail.ru

**THE MEANS AND STRATEGIES OF CREOLIZATION
IN FRENCH ANTILLES BELLE-LETTRES DISCOURSE
(based on the works by P. Chamoiseau)**

The article focuses on the creolization of French Antilles literary discourse from the perspective of transcultural approach, which implies going beyond the national or ethnic culture in order to create supracultural meanings. The proposed analysis of the strategies of the creolization in French Antilles literary discourse is based on the works by P. Chamoiseau and E. Glissant, writers of worldwide reputation. The article adopts both linguistic and culturally sensitive approaches. The applied linguistic methods include semantic, morphological and derivational analyses. The culturally sensitive approach implies study of ethnospecific concepts.

The article includes three parts. The first one focuses on the transcultural strategy of creolization, its philosophical underpinning and ability to create new meanings and language forms. One of the main means of creolization analyzed in this part is connected with the use of iconic images typical of creole culture. The second part of the article studies how the transcultural strategy contributes to the creation of supracultural meanings, concepts and notions. The transcultural approach to French Antilles literary discourse is connected with decentralizing of the French cultural code, breaking the binary oppositions instilled in the norms and clichés of French, getting rid of the beliefs and values dominant in French. All these means of creolization enrich human creativity in culture. The last part of the article studies language heterogeneity of creolized literary discourse. This presupposes an evident need to renew the vocabulary of French and to create new words.

The proposed analysis leads to the conclusion that there are two dimensions to creolized literary discourse: on the one hand, it constitutes a space-time continuum, embracing two or more cultures, and, on the other hand, it is connected with the cultural diversity. The transcultural character of the French Antilles literary discourse is reflected at the philosophical, the conceptual and the language levels.

Key words: creolization; rhizome; transcultural approach; belle-lettres discourse; language heterogeneity.

Стремительно развивающаяся со второй половины XX в. на Антильских островах франкоязычная литература создается в условиях диглоссии, т.е. сосуществования двух языков, французского и местного креольского (на основе французского), применяемых их носителями в разных функциональных сферах. Французский язык при этом выступает в качестве единственного официального языка, в то время как употребление родного креольского языка ограничивается сферами неформального общения. Доминирование французского

языка в антильской литературе обусловлено бесперспективностью создания художественных произведений на креольском языке из-за незначительности соответствующей аудитории, а также неизбежным исчезновением бесписьменной цивилизации в условиях постоянного смешения этносов и столкновения различных культур. Предлагаемую статью можно отнести к лингвокультурным исследованиям, поскольку ее отличает «равный интерес как к рассматриваемым языкам, так и к рассматриваемым культурам» [Воробьев 2015, с. 220]. В ней исследуется креолизация франкоязычного антильского литературно-художественного дискурса с точки зрения ее возможностей как в области смыслопорождения, так и формообразования.

Стратегии креолизации франкоязычного художественного дискурса

По мнению современного антильского писателя П. Шамуазо, создавать художественные произведения на французском языке означает вдохновляться образами, мыслями и ценностями, навеянными чужим, а не родным креольским языком. Обеспокоенный скрытым, имплицитным, влиянием доминирующего французского языка на антильскую литературу, П. Шамуазо стремится передать на нем креольские концепты, ментальные модели и языковые черты. Креолизация художественного дискурса представляет собой набор стратегий и приемов обращения с французским языком, которые позволяют высветить, а не сгладить различия между культурами, придать доминирующему французскому языку креольские смыслы.

Первоначальная стратегия креолизации, к которой прибегнул П. Шамуазо, заключалась в том, чтобы коренным образом обновить доминирующий французский язык. Следуя сезеровской теории негритюда, воспевающей африканскую культуру в целях развития достоинства у чернокожей расы, П. Шамуазо, по его собственным словам, пытался привнести во французский язык негритянский барабанный бой и старинную африканскую магию. Однако писатель довольно быстро осознал свою зависимость от французского языка, который стал проводником нового, главным орудием освободительного движения. Оставаясь во власти французского языка, П. Шамуазо слепо воспроизводил характерное для данного языка символическое пространство и перенимал постулируемые им ценности. Вместе

с тем используемые автором революционные техники и практики оказывались типичными для писателей и поэтов, пишущих на родном французском языке. Подобная стратегия приводила лишь к прославлению доминирующего французского языка.

К одной из основных стратегий креолизации в творчестве П. Шамуазо можно отнести транскультурный подход, в основе которого лежит «позиция остранения, “внеаходимости” по отношению к существующим культурам и процесс освобождения от детерминации “своей”, “врожденной” культуры» [Эпштейн 2017, с. 366].

В литературе транскультурный подход означает творить на границах разных национальных культур, что позволяет выявить их нереализованные возможности, обнаружить в них новые смыслы, ускользающие от тех, кто ограничивает себя одной культурой. Для франкоязычной антильской литературы данный подход предполагает также возможность выйти за рамки французского языка, что подразумевает не только создание языковых образований, отражающих своеобразие креольской культуры, но и выявление и развитие некоторых нереализованных языковых возможностей в области формообразования и смыслопорождения.

Одним из путей творческого обновления языка является изменение значений слов и устойчивых словосочетаний доминирующих в другой культуре. Если во французском языке выражение *lieu commun* означает *общее (избитое) место*, штамп, то антильский писатель и философ Э. Глиссан подразумевает под ним прежде всего «место встречи с иным, соприкосновение культур и цивилизаций»:

Ce flux de convergences, qui se publie sous la forme de lieu commun. Celui-ci n'est plus généralité reçue, convenance ni fadeur – il n'est plus évidence trompeuse, abusant le sens-commun -, mais acharnement et ressassement de ces rencontres. Tout alentour, l'idée se relaie. Quand vous éveillez un constat, une certitude, un espoir, ils s'efforcent déjà quelque part, ailleurs, sous une autre espèce [Glissant 1990, с. 57]. – Этот поток сближений находит свое воплощение в виде общего места, которое не воспринимается более как общепринятое мнение, условность или пошлость как обманчивая очевидность, вводящая в заблуждение здравый смысл, но представляет собой упорное стремление к этим встречам, их бесконечную повторяемость. Повсюду мысль вступает в разнообразные связи. Всякий раз, когда вы внушаете идею, уверенность, надежду, они уже где-то в другом месте прокладывают себе путь в ином виде¹.

---

¹Зд. и далее перевод наш. – С. П.

Приведенное творческое обогащение и приращение смысла отражает философские воззрения Э. Глиссана на культуру. По мнению антильского писателя, развитие любой культуры предполагает установление с другими культурами таких отношений, при которых каждая из них преодолевает саму себя, свои символические зависимости и предрасположения, сохраняя при этом равновесие между универсальностью и разнообразием:

Les cultures en évolution infèrent la Relation, le dépassement qui fonde leur unité-diversité [Glissant 1990, с. 15]. – Развивающиеся культуры неизбежно приходят к взаимодействию с иным, преодолению самих себя, которое лежит в основе их единства разнообразия.

По мнению Э. Глиссана, сохраняемая уникальность культуры предполагает ее некоторую непрозрачность, непонятность для других культур. Таким образом в основе развития культуры лежат множественные и хаотичные связи, символическим выражением которых является иконический образ ризомы. Понятие «ризома» (фр. *rhizome* – *корневище*) было предложено Ж. Делезом для характеристики современной постмодернистской культуры и является «воплощением нового типа связей: нелинейных, хаотичных, бесструктурных, антииерархичных, множественных, запутанных» [Философы Франции... 2016, с. 150]. При этом характерный для креольской культуры иконический образ ризомы противопоставляется фундаментальной для классической европейской культуры метафоре «корень». В отличие от метафоры «корень», обозначающей замкнутую и статичную линейную структуру с единым семантическим центром, иконический образ ризомы отличается постоянной креативной подвижностью, обусловленной отсутствием единого семантического центра и единого центрирующего кода. Художественный дискурс антильского писателя П. Шамазо, отражающий сложные взаимоотношения между креольской и французской культурами, отличается языковой гетерогентностью и смысловой многозначностью, что придает ему особый, ризоматический характер.

Смыслопорождение в поликультурном пространстве

Децентровку культурного кода в художественном дискурсе П. Шамазо можно проследить на примере концепта «*lumière*» («свет»). Значение слова *lumière* соотносится прежде всего с солнечным

(дневным) светом, противопоставляемым *ombre* (темнота, тень). В креольской картине мира понятие «день» исторически связано с повседневным трудом негров-рабов на плантациях колонистов и, соответственно, ассоциируется с *blanc* (белокожий) и *transparence* (прозрачность), т. е. понятность для доминирующей культуры. Прозрачность является результатом ассимиляции, воспринимаемой как потеря этносом своих отличительных черт в результате навязывания ему доминирующей культуры и ее языка, на острове Мартиника – языка и культуры Франции. Аналогичным образом ночь (*nuit*) ассоциируется с темнокожими народными сказителями, которые выступали хранителями памяти об Африке, африканских культурах и языках. Большую роль в устном наследии сказителей играли мечта, магия и фантазия. Неслучайно описанный в романе «Тексако» старый негр-целитель живет в непроходимой чаще, в сказочном темном лесу, обитаемом мифологическими персонажами (*diablesses*), увидеть которых можно только в сомнамбулическом состоянии. Этот ночной волшебный мир, обозначенный словами *nuit, ombre, vie morte*, зеркально противопоставлен миру, где господствует свет: в нем птицы не поют, цветы распускаются в тени, бабочки слепнут от солнечного света. Темному, как ночь лесу, символизирующему не только могущественные природные силы, но и коллективное креольское бессознательное, противостоит свет, имеющий во французской картине мира устойчивые положительные коннотации и ассоциирующийся с разумом и рациональностью: во множественном числе лексема *lumière* означает «знания, просвещение».

П. Шамуазо воспринимает французское просвещение как явление неоднозначное, оказавшее на креольскую культуру не только благотворное влияние, но и серьезное негативное воздействие, обусловленное подавляющим влиянием французской культуры и ее языка. О засилье французской культуры рассуждает старый негр в книге П. Шамуазо с красноречивым названием «Писать в угнетенной стране» («Ecrire en pays dominé») [Chamoiseau 1997]:

Ce qui bénéficièrent ainsi de ce bel oxygène [les bienfaitantes lumières qui provenaient des pays d'Occident] considérèrent la culture de nos colons comme la Lumière du monde [там же, с. 66]. – Тот, кто таким образом надыхался здоровым кислородом (имеется в виду благотворное влияние западного просвещения) стал воспринимать культуру своих колонизаторов как единственный свет в окошке.

Транскультурный подход как стратегия креолизации языка предполагает среди прочего расшатывание впечатанных в языковые нормы и клише бинарных оппозиций. Чтобы нейтрализовать характерную для западной цивилизации оппозицию «свет – тьма», П. Шамуазо вводит другую интерпретацию лексемы *lumière* в романе «Девять сознаний Мальфини» [Chamoiseau 2009], название которого отсылает к буддийскому учению.

Главный персонаж романа – крупная хищная птица Мальфини – пытается жить в согласии со своей Алаей. Термин *алая-виджняна* (*сознание-сокровищница*) в буддийской школе йогачара является понятием о восьмом виде сознания. Алая-виджняна представляет собой «единое первоначальное индивидуальное сознание, которое невыразимо. В нем накапливаются следы всех прошлых деяний (карма) и содержатся определяемые кармой «ростки» всех возможных идей и объектов, являющихся модусом этого сознания» [Национальная философская энциклопедия...].

В романе П. Шамуазо под Алаей понимается природный инстинкт, обуславливающий видовое своеобразие Мальфини. Самому Мальфини его собственная Алая видится сотканной из света и тени:

Elle m'avait toujours paru obscure mais...c'était une lumière. Elle était faite de lumière et d'obscurité pleine, de mort sans fin et de vie éternelle, de tout le passé possible, de tout le présent, de tout le vivant [Chamoiseau 2009, с. 136]. – Она всегда казалась мне сумрачной, но ... была светом. Она была соткана из света и крошечной тьмы, из бесконечной смерти и вечной жизни, из всего мыслимого прошлого, из всего настоящего, из всего живого.

Благодаря колибри-полукровке Мальфини удастся выйти за пределы своей Алаи и достичь девятого сознания, т. е. просветления, которое описывается в романе как океан света (*Un océan de lumière*) [Chamoiseau 2009, с. 246]). В буддизме под просветлением понимается «целостное и полное осознание реальности» [Торчинов 2002, с. 26]. Просветление представляет собой глубокое и безусловное непоколебимое счастье и является высшей целью буддийского духовного пути. Поскольку состояние полной осознанности предполагает выход за пределы дуального ума, его невозможно определить словами или понятиями традиционной логики.

Таким образом, употребление лексической единицы *lumière* в разнообразных этноспецифических контекстах актуализирует

потенциал значения лексемы, что умножает полисемичный эффект и устраняет бинарный характер оппозиции.

Языковая гетерогенность

Э. Глиссан и П. Шамуазо рассматривают креолизацию как непрерывный процесс взаимодействия этносов и культур, ведущий к возникновению креольских общностей, которые не отличаются единообразием, а, наоборот, представляют собой мозаичные, хаотичные и постоянно развивающиеся образования. Креолизация франкоязычного антильского художественного дискурса отражает характерную для данных общностей языковую гетерогенность, которая на первый взгляд может показаться хаотическим смешением форм и структур, норм и регистров, жанров и типов дискурсов. Однако анализ неоднородных языковых элементов разного происхождения, употребляемых в антильской литературе, позволяет выявить существующие между ними сложные системные отношения, которые являются основополагающими в процессе смыслопорожения.

Многочисленные системные отношения, возникающие между элементами разных языков, представлены в художественном дискурсе П. Шамуазо в виде языкового континуума, отличающегося нечеткой (плавной) дифференциацией языкового материала. В художественных произведениях и эссе знаменитого антильского писателя часто встречаются регионализмы, лексические единицы, заимствованные из французского языка, но употребляемые в настоящее время только на Французских Антильских островах, так как воспринимаются как архаизмы во Франции. К таким региональным лексемам относятся *une figue* (шутка), *une razzia policière* (полицейская облава), *bailler une histoire* (рассказать историю):

A mon avis, c'est une de ces *figues* que les Français crient blague [Chamoiseau 1992, с. 33]. – Это один из тех приколов, которые французы называют шуткой.

...appliquer les mesures d'expérience apprises des précédentes *razzias policières* [Chamoiseau 1992 с. 35]. – ...применять опыт, полученный во время предыдущих полицейских облав.

...permets que je t'en *baille* l'histoire [Chamoiseau 1992, с. 41]. – ...позволь рассказать тебе эту историю.

Бинарное противопоставление нормы современного французского языка исключенным из нее архаизмам нейтрализуется включением в текст многочисленных новых словообразований, также свойственным процессу креолизации. В произведениях П. Шамуазо одним из распространенных способов словообразования является конверсия, в частности образование имен существительных от глагольных инфинитивов, наречий и междометий. При этом антильский писатель актуализирует в своих произведениях такие способы словообразования, которые считаются устаревшими и непродуктивными в современном французском языке. Например, образование во французском языке имен существительных от глагольных инфинитивов является, по мнению французского лингвиста Э.-Д. Бешада, устаревшей моделью словообразования с налетом архаичности [Véchade 1992]. Тем не менее данный способ словообразования становится продуктивным в произведениях П. Шамуазо:

Aucun calculer ne leur fut ce jour-là nécessaire [Chamoiseau 1992, с. 22].
– Никакие расчеты им в тот день не потребовались.

...l'injurier créole [Chamoiseau 1992, с. 34]. – ...оскорбление на французском языке.

...les fièvres de l'acheter et du vendre [Chamoiseau 1997, с. 19]. – ...жажда покупать и продавать.

Аналогичным образом малопродуктивный в современном французском языке конверсионный способ образования имен существительных от наречий и междометий в произведениях П. Шамуазо становится активным и продуктивным. Приведем несколько примеров образования имен существительных

а) от наречий:

Colibri ne disposait plus *d'un assez* de soldats pour contraindre le Foufou à rester dans son coin [Chamoiseau 2009, с. 147]. – Колибри больше не располагал достаточным количеством солдат, чтобы выгнать Фуфу со своей собственной территории.

...au maintenant des représailles probables [Chamoiseau 1992, с. 37].
– ...осознавая, что репрессии последуют незамедлительно.

б) от междометий:

...en un petit tac d'heure [Chamoiseau 1992, с. 25]. – ...мгновенно.

...*un tac de temps* [Chamoiseau 1992, с. 34]. – ...мгновенно.

Le lapidé leur paraissait *un tac* plus effrayant [Chamoiseau 1992, с. 36]. – Побитый камнями мужчина казался им еще более страшным.

В литературно-художественном дискурсе П. Шамуазо архаичные и малопродуктивные способы словообразования уравниваются активными и продуктивными моделями, свойственными как креольскому, так и современному французскому языку. К таковым, в частности, относится образование глаголов при помощи суффикса *-er* (например *zieuter*), характерного для разговорного языка:

De plus, Marie-Clémence devait être mieux occupée à *propreter* son baquet qu'à prendre vision de cette prétendue silhouette survolée d'une colombe [Chamoiseau 1992, с. 33]. – Кроме того, Мари-Клеманс скорее всего была занята выносом мусора, а не видением якобы пролетевшей над ней голубки.

...les longues tubulures qui *perfusionnent* les champs – qui nous *perfusionnent* tous [Chamoiseau 1997, с. 19]. – ...подобно полям, которые не могут обходиться без разветвленных оросительных систем, мы полностью зависим от финансовой помощи.

...et qui, tu comprends, n'a pas le temps de *paroler* [Chamoiseau 1992, с. 48]. – ...и у кого, как сам понимаешь, нет времени болтать.

Как следует из приведенных примеров, креолизация проявляется в актуализации в едином дискурсивном пространстве архаизмов и неологизмов, в одновременном употреблении устаревших и актуальных способов словообразования, что способствует созданию временного и пространственного континуума, в котором устраняется нормативная и функциональная иерархичность контактируемых французского и креольского языков. Кроме того, разнообразие актуализированных форм и способов их взаимодействия производит впечатление избыточности и чрезмерности, что усиливает эффект креолизации.

В заключение следует подчеркнуть, что транскультурный подход, являясь одной из основных стратегий креолизации художественного дискурса, приводит к творческому обогащению и новаторству в культуре, так как обеспечивает приращение смыслов путем расшатывания впечатанных в языковые нормы и клише бинарных оппозиций, а также избавления от доминирующих во французском языке ценностей

и смыслов. При этом возникающие в художественном дискурсе многочисленные системные отношения между элементами французского и креольского языков образуют языковой континуум с нечеткой, неиерархичной дифференциацией языкового материала, ограничивающей функциональное доминирование французского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воробьев В. В.* Теоретические и прикладные аспекты современной культурологии // Проблемы социальной философии и культуры в XXI веке. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 217–226. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (724). Серия Языкознание и литературоведение).
- Национальная философская энциклопедия. Философия. НЭС. Алая-виджняна. URL: <http://www.term.ru/termin/alaja-vidzhniana>
- Торчинов Е. А.* Буддизм: карманный словарь. СПб. : Амфора, 2002. 187 с.
- Философы Франции: словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.–СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 464 с. (Серия «Humanitas»)
- Энттейн М. Ю.* Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
- Béchade Hervé-D.* Phonétique et morphologie du français moderne et contemporain. P. : Presses Universitaires de France, 1992. 302 p.
- Chamoiseau Patrick.* Ecrire en pays dominé. P. : Gallimard, 1997. 368 p.
- Chamoiseau Patrick.* Les neuf consciences de Malfini. P. : Gallimard, 2009. 288 p.
- Chamoiseau Patrick.* Texaco. P. : Gallimard, 1992. 512 p.
- Glissant Edouard.* Poétique de la Relation. Poétique III. P. : Gallimard, 1990. 246 p.

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук; ст. научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;
e-mail: rarenco@rambler.ru

**«COMMUNITY INTERPRETING»
VS «СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД»**

В современном обществе в связи с массовой миграцией по всему миру, вызванной как социальными, так и геополитическими изменениями, отмечается изменение отношения к переводу как к особому виду деятельности. Перевод понимается в самом широком значении слова согласно трактовке термина Р. Якобсоном. Переводчик при этом рассматривается как непосредственный участник происходящих в мировом сообществе изменений, способствующий гармонизации отношений между разнородными социальными группами.

В настоящее время следует выделить особый вид перевода – социальный перевод, призванный осуществлять коммуникацию между представителями власти на разных уровнях и индивидуумами, а также лицами с ограниченными возможностями.

В статье раскрывается значение принятого в западном переводоведении термина «community interpreting» и предлагается внедрение нового термина в терминологическое поле переводоведения «социальный перевод». Объясняются цели и задачи социального перевода, его место среди других видов переводческой деятельности.

При этом задача социального переводчика видится не только и не столько в межъязыковом посредничестве, сколько во внутриязыковом, так как речь идет и об оказании помощи по широкому спектру социальных и правовых вопросов, а также в осуществлении межсемиотического перевода в случае работы с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья.

В современном обществе институализация социального перевода как особого вида переводческой деятельности и социального переводчика как специалиста в этой области необходима для успешного осуществления коммуникации в социально осложненной среде.

Ключевые слова: перевод; переводчик; переводоведение; community interpreting (коммунальный перевод); социальный перевод; социально осложненная коммуникация; термин; терминология; институализация перевода.

Rarenko M. B.

Candidate of Philology (PhD); Senior Research Fellow, the Centre for Linguistics, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: rarenco@rambler.ru

---

«COMMUNITY INTERPRETING» VS «SOCIAL TRANSLATION (INTERPRETING)»

In modern society owing to an increasing flow of human masses around the world caused by social and geopolitical changes, one can witness changing attitudes to translation as a specific kind of human activity. Translation is understood in the broadest meaning of the word based on its definition given by R. Jacobson. The translator is considered to be an active participant of the processes which are taking place in the global community with the potential to help to harmonize relations between different social groups.

Currently, there exists a specific type of translation – social translation – designed to facilitate communication between authorities at different levels and common people, as well as people with disabilities.

The article reveals the meaning of the term adopted in the translation studies in the West – «community interpreting» – and suggests to introduce a new term in the terminological field of the translation studies – «social translation (interpreting)». The article explains the goals and objectives of social translation (interpreting), its place among other types of translation.

Thus, the task of the social translator (interpreter) is not only and not so much in the interlingual (inter-language) mediation, but also in intra-language one, since it includes assistance in a wide range of social and legal issues, as well as in inter-semiotic translation (interpreting) when working with people with disabilities.

In modern society, institutionalization of both social translation (interpreting) as a specific kind of translation activity and social interpreter as a specialist in this field is necessary for the successful implementation of communication in a complicated social environment.

Key words: translation; interpreting; translator; interpreter; translation studies; community interpreting; social translator (interpreter); complicated social communication; term; terminology; institutionalization of translation (interpreting).

Дальнейшее развитие перевода в XXI веке будет, по всей вероятности, учитывать широкие социально-технологические тенденции и, в частности, растущую диверсификацию и компьютеризацию коммуникативных процессов. Этот процесс не сможет не отразиться на типах документов, подлежащих переводу. Новые «гипердокументы», которые войдут в широкое употребление, не смогут не отразиться на самом характере перевода и его национально-культурной локализации. Эта радикальная смена парадигмы не только изменила характер людей, занимающихся переводческой деятельностью, но и неизбежно влечет за собой изменения в характере их подготовки, а также в учете задач XXI века, как преподавателями, так и теоретиками перевода.

А. Д. Швейцер
[Швейцер 2008]

Введение

Переводческая практика представляет собой один из древнейших видов человеческой деятельности, поскольку принято считать, что первые устные переводчики – толмачи, помогавшие преодолеть барьер в общении между разноязычными племенами и народностями, – появились сразу после того, как в истории человечества выделились разноязычные группы и возникла необходимость в переводе. В разные моменты истории отношение к переводу и переводчикам было амбивалентным – в зависимости от политических, экономических, социальных и других условий.

Древнейшее из известных на сегодняшний день изображений переводчика – на древнеегипетском барельефе – относится к 3-му тысячелетию до н. э. Тогда задачей переводчика, как и сейчас, было, по-видимому, обеспечение контакта между людьми, говорящими на разных языках. Его роль посредника в передаче информации считали необходимой и важной, однако на древнеегипетском барельефе фигура переводчика вдвое меньше по размеру фигур сановников, ведущих беседу. Из этого следует, что переводчика рассматривали как обслуживающий персонал, а роль его считалась второстепенной, подчиненной.

В настоящее время в обществе наблюдается изменение отношения к переводу как особому виду деятельности, также отношение к переводчику и требования к профессии переводчика претерпевают определенные изменения. Переводчик рассматривается как участник происходящих в мировом сообществе изменений, потенциально способный помочь гармонизировать отношения между различными социальными группами благодаря своим навыкам и умениям. Приходит осознание того, что переводчик не просто транслятор с одного языка на другой, а непосредственный участник коммуникации, от умений и действий которого может зависеть исход переговоров. Соответственно, статус переводчика в современном обществе постоянно повышается.

Тому есть несколько причин. Во-первых, в обществе в ответ на требования времени возникают новые формы коммуникации, обусловленные в том числе и техническим прогрессом.

Во-вторых, наблюдается усиление потока людских масс по всему миру, вызванное социальными и геополитическими изменениями.

В-третьих, экспертное сообщество осознает необходимость интеграции в социум людей с ограниченными возможностями здоровья, например, имеющих проблемы зрения и слуха.

Перечисленные выше процессы так или иначе связаны с расширением переводческой деятельности, при этом перевод следует трактовать в самом широком смысле этого слова. В настоящее время существует множество различных определений перевода, однако, на наш взгляд, наиболее полное описание перевода приводит в своей работе «О лингвистических аспектах перевода» Р. Якобсон [Якобсон 1978]. Исследователь выделяет три способа интерпретации вербального знака, который может быть переведен как в другие знаки того же языка, на другой язык, так и в другую, невербальную систему символов, и предлагает этим трем видам перевода дать следующие названия:

- 1) внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка;
- 2) межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка;
- 3) межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем.

В первую очередь в современном обществе возникает повышенная потребность в устных переводчиках, обладающих определенными юридическими знаниями, способных выступать в качестве консультантов по широкому спектру социальных вопросов. Это особенно актуально для стран, где до настоящего времени еще не сложился институт социальных работников. В указанном случае эту функцию вынуждены принять на себя переводчики – как профессиональные переводчики, так и переводчики-волонтеры, не всегда имеющие опыт перевода в социальной среде.

Итак, мы имеем дело с особым видом перевода, функции которого отчасти совпадают с функциями переводческой деятельности, которую в англоязычной терминологии принято обозначать как «community interpreting».

«Community interpreting»: объем термина

Несмотря на то, что термин «community interpreting» нередко используется в англоязычной литературе, анализ предметно-специальных работ по переводоведению свидетельствует о том, что по-прежнему существуют определенные сложности с интерпретацией

(определением) данного понятия. В целом, однако, можно констатировать, что термин противопоставлен другому широко используемому термину «conference interpreting» и обозначает разновидность устного перевода, «не конференц-перевода», т. е. устного перевода в социальной среде [Бабанина 2016, с. 4]. При этом данный вид перевода противопоставляется судебному переводу, медицинскому переводу, переводу-сопровождению (туризм и бизнес), переводу в области иммиграции и образования [там же, с. 3–4].

В западном переводоведении устный перевод традиционно подразделяется на конференц-перевод (conference interpreting) и коммунальный¹ перевод (community interpreting). Так, под конференц-переводом понимают синхронный перевод («simultaneous, which occurs virtually at the same time as the original discourse» [Perez]), а под community interpreting – последовательный перевод («consecutive, which, as its name suggests, follows a segment of speech varying in length from one short statement to an entire speech» [Perez]). Последний часто рассматривается как непрофессиональный перевод («is still controversial as far as its concept and methodology are concerned» [Jiang]), т. е. он не институализирован и осуществлять его могут не имеющие специального образования, соответственно, и требования к осуществлению данного вида перевода точно не определены. Несмотря на то, что обычно community interpreting противопоставляется conference-interpreting по способу реализации перевода (во втором случае чаще всего речь идет о синхронном переводе), строго говоря, ограничений для реализации community interpreting нет. Эта разновидность перевода может выполняться и в синхронном, и в последовательном режиме, контакт между говорящим и переводчиком может быть непосредственным или опосредован техническими средствами (например, телефоном), может быть предназначен нескольким лицам или одному (тогда может использоваться шутутаж) и пр. Главное отличие «community interpreting» заключается в том социальном контексте, в рамках которого происходит коммуникация и, следовательно, перевод, – «больницы, кабинеты врачей, адвокатские конторы, службы социальной защиты, агентства по найму жилья, агентства по трудоустройству, полицейские участки²» [Hrehovcik...].

---

¹ На наш взгляд, подобрать термин в русском языке затруднительно, поэтому мы воспользовались термином, использованным в: [Основные понятия... 2011].

² Зд. и далее перевод наш. – М. Р.

Статус перевода, именуемого в западном переводоведении как «community interpreting», до сих пор окончательно не определен. Нет никаких сомнений, что данный вид перевода имеет право на существование и востребован в современном обществе¹, однако вопрос о его институализации до конца не решен.

Специалисты в области теории и практики перевода предлагают институализировать данный вид перевода, однако существует ряд причин, препятствующих этому. Исследователи из Грацкого университета (Австрия) Анита Эртль (Anita Ertl) и Соня Поллабауэр (Sonja Pöllabauer) отмечают, что в мире данный вид перевода плохо представлен в академической среде. В нескольких западных университетах существуют программы подготовки подобного рода специалистов, однако в большинстве университетов таких программ нет, несмотря на безусловную востребованность подобного рода переводчиков в современном обществе [Ertl, Pöllabauer 2010].

Подготовка таких специалистов, на наш взгляд, может проводиться в рамках университетского образования, а в основу обучения должна быть положена концепция обучения языку и переводу как внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической деятельности (по Р. Якобсону). По окончании обучения необходима сдача определенного экзамена на знание предмета с последующим присуждением степени. Только в этом случае можно будет говорить об институализации данного вида перевода как особой разновидности перевода, потребность в котором ощущается всё более остро в современных условиях.

Институализация данного вида перевода необходима для того, чтобы, с одной стороны, придать (подтвердить) переводчикам, работающим в данной сфере, определенный статус (он будет гарантирован документом об образовании, дающим право заниматься указанной

---

¹ Потребность в выделении особой сферы перевода подтверждается устойчивыми поисками термина, который охватил бы возникающие сферы социальной деятельности и, по возможности, обладал бы внутренней формой. Так, в англоязычной среде предлагаются следующие термины – public service interpreting (Соединенное Королевство), cultural interpreting (Канада), liaison interpreting (Австралия), contact interpreting (Скандинавия), а также dialogue interpreting, ad hoc, triangle, face-to-face, bidirectional interpreting, bilateral interpreting [Gentile, Ozolins, Vasilakakos 1996; Carr, Roberts, Dufour, Steyn (Eds) 1997].

выше переводческой практикой), с другой стороны, выступать гарантом того, что переводчики в своей деятельности будут связаны кодексом профессиональной этики, осознавать ответственность за перевод, стремиться к точности и аккуратности перевода, соблюдать конфиденциальность и придерживаться нейтральной позиции при переводе (т. е. не выступать как заинтересованное лицо, не влиять на процесс коммуникации).

Перечисленный выше контекст, в рамках которого оказывается востребован *community interpreting*, можно описать как социальный. Для современного российского общества описанные выше проблемы также представляют повышенный интерес. Однако для описания сложившейся в российском обществе ситуации, на наш взгляд, необходимо ввести особый термин.

**«Community interpreting» vs «социальный перевод»:
к вопросу содержания терминов**

Несмотря на то, что термин «*community interpreting*» является устоявшимся в западном переводеведении [Routledge Encyclopedia of ... 2011], на наш взгляд, для описания сложившейся ситуации в российском обществе данный термин довольно узкий, поскольку охватывает не все социальные сферы нашего современного общества, в которых существует потребность в подобного рода переводе. Мы предлагаем ввести термин «социальный перевод» для обозначения перевода в социально осложненной среде, при этом мы, вслед за Р. Якобсоном, понимаем перевод в широком смысле, а не только как межъязыковую передачу информации (см. определение перевода Р. Якобсона выше). Примерами перевода в социально осложненной среде могут быть:

1) аудиовизуальный перевод (для людей с ограниченными возможностями зрения) и его разновидности – тифлокомментирование и аудиодескрипция;

2) сурдоперевод (для людей с ограниченными возможностями слуха) и его разновидности – жестовый язык и субтитры;

3) перевод в жизненно важных ситуациях (например, в центрах для мигрантов и центрах занятости, больницах, судах, полицейских участках, адвокатских конторах и др., где незнание языка сопровождается незнанием социальных, правовых и норм, принятых в «новом» для мигрантов обществе). Все эти различные сферы объединены тем, что в настоящее время, попадая в их контекст, люди оказываются

фактически исключены из общественной жизни, и их единственная возможность к ней приобщиться – воспользоваться помощью социального переводчика.

На наш взгляд, предложенный (вводимый) нами термин «социальный перевод» обладает рядом преимуществ:

- 1) он не использовался и не используется в других областях знания (таким образом может претендовать на однозначность использования);
- 2) он краток (компактен);
- 3) непосредственно указывает на объект исследования.

К недостаткам термина можно отнести его конвенциональный характер (внутренняя форма термина не однозначно указывает на характер обозначаемой деятельности), что, однако, не снижает его содержательной ценности.

Социальный перевод, таким образом, можно описать как особый вид перевода в коммуникации, происходящей в социально осложненной среде. Иными словами, социальный перевод направлен на стабилизацию и гармонизацию отношений в социуме, а социальный переводчик, таким образом, может быть определен как специалист, осуществляющий перевод в условиях социально значимой ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабанина Т. М.* Введение в устный социальный перевод = Introduction to community interpreting: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург УрФУ, 2016. 172 с.
- Основные понятия англоязычного переводоведения. Терминологический словарь-справочник / отв. ред. и сост. М. Б. Раренко. М. : ИНИОН РАН, 2011. 250 с.
- Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика: Эволюция связей // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). С. 63–64.
- Яacobson P.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. : Международные отношения, 1978. С. 16–24.
- Carr S. E., Roberts R., Dufour A., Steyn D.* (Eds) The Critical Link: Interpreters in the Community. Amsterdam; Philadelphia : J. Benjamins, 1997. 322 p.
- Ertl A., Pöllabauer S.* Training (medical) interpreters – the key to a good practice. MedInt: a joint European training perspective // Journal of Specialised Translation. 2010. # 14. P. 165–193.

- Gentile A., Ozolins U., Vasilakakos M.* Liaison Interpreting. A Handbook. Melbourne: Melbourne University Press, 1996. 144 p.
- Hrehovcik T.* Teaching community interpreting: A new challenge? URL: www.pulib.sk/elpub2/FF/Ferencik2/pdf_doc/21.pdf
- Jiang L.* From “community interpreting” to “discourse interpreting”: establishing some useful parameters. URL: https://www.euroconferences.info/proceedings/2007_Proceedings/2007_Jiang_Lihua.pdt
- Perez I.* Interpreting. URL: <https://www.llas.ac.uk/resources/gpg/316>
- Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker, G. Saldanha. L.–N. Y. : Routledge: Taylor and Francis Group, 2011. 674 p.

УДК 81'255

К. И. Таунзенд

кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: townsendX@yandex.ru

АНАЛИТИКА СПЕЦИОЗА – ПЕРЕВОД ПЕРВОГО УЧЕБНИКА АЛГЕБРЫ В РОССИИ

XVIII в. – период формирования языка русской науки, которое происходило под сильным влиянием переводной литературы. Но если научные книги первой трети XVIII в. и труды М. В. Ломоносова получили достаточно полное научное описание, то переводная научная и учебная литература второй половины столетия крайне мало изучена как в вопросах терминологии, так и в аспекте переводческой стратегии.

Данная статья посвящена исследованию серии учебников 1765 г. по арифметике, геометрии и алгебре в переводе Д. С. Аничкова с латинского сочинения И.-Ф. Вейдлера «*Institutiones mathematicae*». Имя Дмитрия Сергеевича Аничкова неразрывно связано с Императорским Московским университетом, куда он поступил в числе первых студентов и где он впоследствии стал профессором философии. Его переводы «Арифметика теоретическая и практическая», «Геометрия теоретическая и практическая» и «Аналитика специоза или Алгебра» являлись образцом для его собственных учебников, которые были лучшими отечественными пособиями по математике для своего времени.

Общая стратегия данных переводов Д. С. Аничкова заключалась в калькировании структуры оригинала при избирательном подходе к сохранению конкретных частей латинского текста в переводе. Такие действия переводчика XVIII в. были направлены на адаптацию математических знаний в русской культуре, где математика как наука начала развиваться благодаря преобразованиям Петра I. Результатом подобной переводческой стратегии явилось развитие жанра учебного пособия в национальном литературном языке и пополнение его новыми терминами: заимствованиями и кальками, без которых невозможен современный русский математический язык.

Ключевые слова: история перевода; перевод специальных текстов; калькирование; латинский язык; терминология математики; история русского языка; жанр учебного пособия; XVIII век.

Taunzend K. I.

Candidate of Philology (PhD);
Associate Professor, the Department of Translation Studies,
Translation and Interpreting (the English Language),
the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: townsendX@yandex.ru

ANALYSIS SPECIOSA – THE TRANSLATION OF THE FIRST ALGEBRA TEXTBOOK IN RUSSIA

The 18th century was the age of the formation of the Russian scientific language which was deeply influenced by translation. But while scientific books of the first decades of the century and Lomonosov's works have been comprehensively studied by modern linguistics, translations of science and educational literature of the second half of the 18th century have seen little research either in terms of terminology or translation strategy.

The present article is a study of several textbooks going back to the year 1765 on arithmetic, geometry and algebra translated by Dmitry S. Anichkov from the Latin book by Io. F. Weidler "Institutiones mathematicae". The name of Dmitry S. Anichkov is closely associated with Moscow University which he entered as one of its first students and where he finally became a professor of philosophy. His translations "Arithmetic Theoretical and Practical", "Geometry Theoretical and Practical" and "Analysis Speciosa or Algebra" served as an example for his own course books which were considered at the time to be the best Russian textbooks on mathematics.

The overall strategy of these translations consisted in modeling the structure of the target text after the original while rendering most of the Latin source text into Russian. Such an approach of the 18th century translator was aimed at adaptation of mathematical knowledge in the Russian culture where mathematics was boosted due to the reforms of Peter the Great. This translation strategy led to the development of the genre of a course book in the Russian literary language and enlarged it with new terms (both borrowings and calques) which are now indispensable to the modern mathematical language.

Key words: history of translation; specialized translation; loan-translation; the Latin language; mathematical terminology; history of the Russian language; the genre of a course book; 18th century.

Формирование языка русской науки приходится по времени на XVIII в. Огромная заслуга в создании основ научной терминологии принадлежит, безусловно, великому русскому ученому М. В. Ломоносову. «Избегая иноязычных заимствований, Ломоносов в то же время стремился содействовать сближению русской науки с западноевропейской, используя, с одной стороны, интернациональную научную терминологию, составленную преимущественно из греко-латинских корней, а с другой стороны, образуя новые русские термины или переосмысляя уже существующие слова» [Виноградов 1982, с. 111]. Отдавая дань заслугам М. В. Ломоносова, современные лингвисты справедливо указывают на важное значение предломоновского периода, т. е. первой трети XVIII века, в создании терминосистемы русской науки. «На протяжении не более чем трех десятилетий был пройден путь от первых дословных, темных и «неудобопонятных»

опытов передачи научного текста до блестящих переводов 1930-х гг. (В. Адодурова, А. Кантемира, И. Голубцова). <...> На этом фоне уже естественно и понятно появление таких мастеров научного языка, как Ломоносов, Крашенинников, Рычков, а позднее Лепехин, Румовский, Озерецковский и многие другие» [Кутина 1964, с. 6]. Иными словами, без напряженной кропотливой работы переводчиков Петровской эпохи (а бóльшая часть научных книг этого времени была именно переводной) научное и филологическое творчество великих русских ученых последующих эпох было бы невозможно. Со своей стороны, хотим указать на крайне малую изученность переводной научной и учебной литературы второй половины XVIII в. как в вопросах терминологии, так и в аспекте переводческих подходов. А между тем такие явления, как формирование языка науки и влияние на него переводной литературы не могут ограничиваться рамками отдельных десятилетий и творчеством конкретных личностей, но они, очевидно, распространяются на все восемнадцатое столетие – период активного становления национального литературного языка и культуры в целом. В этой связи данное исследование имеет целью хотя бы отчасти восполнить пробел в изучении научных и учебных переводов в России второй половины XVIII в.

Затронув сферу науки, уточним, что речь здесь пойдет о конкретной области научного знания, а именно о математике, начавшей стремительно развиваться в указанное столетие в России. Более того, значение математических знаний в отечественной истории XVIII в. особенно велико, если принять во внимание преобразования страны, начатые Петром I и продолжавшиеся в последующее столетие. «Математика была началом и фундаментом всех специальных знаний» [Кутина 1964, с. 10]. Без надежной основы математических наук нельзя было создать российский флот, переустроить армию, строить новые города и укрепления, развивать производство. По этой причине по указу Петра I была открыта школа математико-навигационных наук – первая светская специальная школа в России, учреждены цифирные школы, введены обязательные курсы математики в самых разных учебных заведениях страны. И если наш первый учебник арифметики – «Арифметика или наука числительная» Л. Магницкого (1703) – являлся оригинальным сочинением на славено-русском языке, то первый в России учебник геометрии «Геометрия славенски землемерие» (1708) представлял собой перевод, как и многие последующие

практические руководства и теоретические курсы по геометрии. В этих первых русских учебниках математики, оригинальных и переводных, встречаются отдельные сведения и по тригонометрии, и по алгебре, которая у Л. Магницкого называется «арифметика лите-ральная». «Но систематическое изложение алгебры, тригонометрии, дифференциального и интегрального исчисления в России относится уже к более позднему времени» [Кутина 1964, с. 77]. И поэтому особый интерес для современной лингвистики представляет целая серия учебников 1765 года по арифметике, геометрии, тригонометрии и алгебре в переводе магистра Д. С. Аничкова.

Дмитрий Сергеевич Аничков (1733–1788) вошел в отечественную историю как философ и публицист. Он родился в семье подьячего дворянского происхождения; детство и юность провел в окрестностях Троице-Сергиевой лавры, где окончил Троицкую духовную семинарию, дойдя до класса риторики. «3 июля 1755 г. в числе шестерых лучших семинаристов был отправлен в новооткрытый Московский университет. За успехи в науках (особенно в философии ... и математике ...) ежегодно награждался золотыми медалями. В 1760 г., еще будучи студентом, Аничков преподавал математику в низшем классе гимназии» [Словарь русских писателей 1988, с. 31]. Впоследствии он преподавал геометрию, тригонометрию и алгебру в университете и в обеих гимназиях при нем, получил звание профессора философии, являлся инспектором университетских гимназий, был произведен в надворные советники, состоял членом Вольного Российского собрания при Московском университете со дня его основания, завоевал репутацию искусного оратора. Однако, судя по тематике работ о Д. С. Аничкове, для современных историков и филологов наибольший интерес представляет его диссертация, имевшая первоначальное название «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания», которую он представил на русском и латинском языках по настоянию Университетской конференции в 1769 г. Высказанная в данной работе позиция автора, которая шла вразрез с традиционно принятым подходом, в совокупности с атеистическими положениями вызвала возмущение в среде профессоров, и диссертация была отправлена на переработку. Во втором издании от того же года она была напечатана с незначительными исправлениями под названием «Философическое рассуждение о начале и происшествии богопочитания у разных, а особливо невежественных

народов». Эта, без сомнения, интересная история одной из первых диссертаций в Московском университете отодвигает в ретроспективе на второй план весомый вклад Д. С. Аничкова в становление русской научной и учебной литературы посредством перевода.

Тем не менее в течение почти 20 лет, начиная с 1762 г., Д. С. Аничков создал целый ряд учебников по всем разделам элементарной математики, и эти книги выдержали несколько переизданий. «30 июля 1765 г. конференция поручила Аничкову перевод с латинского изданных в 1725 г. трудов И.-Ф. Вейдлера по арифметике, алгебре и геометрии, которые служили образцом для собственных учебников Аничкова, <...> бывших лучшими отечественными руководствами своего времени <...>; заметную роль сыграли труды Аничкова в становлении русской математической терминологии» [Словарь русских писателей 1988, с. 31]. Приняв эти положения за основу, мы обратились к исследованию переводческих и собственно лингвистических аспектов следующих учебников Д. С. Аничкова: «Арифметика теоретическая и практическая» [Вейдлер 1765, Арифметика...], «Геометрия теоретическая и практическая» [Вейдлер 1765, Геометрия...], «Аналитика специоза или Алгебра» [Вейдлер 1765, Аналитика специоза или Алгебра...], переведенные им в 1765 г. с латинского сочинения Иоганна Фридерика Вейдлера «*Institutiones mathematicae*» [Weidler 1725].

Оригинал И.-Ф. Вейдлера состоит из введения и 16 разделов, включающих главы, из которых арифметика, геометрия и алгебра представлены в 1-м, 2-м и 16-м разделах, соответственно. Д. С. Аничков в своем переводе превращает каждый из этих разделов в отдельный учебник с сохранением введения «*De natura et constitutione matheseos et methodo mathematica*» (О природе и содержании разделов математики и о математическом методе) [Weidler 1725, с. 1], – «Наставлений математических предуведомления или описание вообще о математике и ее частях, и о способе математическом» [Вейдлер 1765, Арифметика..., с. 3] только в учебнике арифметики. Поскольку данное введение содержит определения основных понятий и категорий математики, а порядок преподавания дисциплин, вероятно, шел от арифметики через геометрию к алгебре, повторять это введение в каждом учебнике не требовалось. При оценке общей стратегии переводчика XVIII в. обращает на себя внимание сохранение структуры текста латинского оригинала в целом при избирательном подходе к сохранению конкретных фрагментов исходного текста в переводе. Так, Д. С. Аничков сохраняет тот же порядок и то же изложение материала через

определения, прибавления к ним, задачи, решения и примечания, но близость перевода оригиналу во всех этих отрезках текста будет каждый раз различной независимо от того, главная это информация или вспомогательная. Проиллюстрируем такой подход переводчика XVIII в. на примерах разных по содержанию и значимости отрывков из всех вышеуказанных переводов¹:

Definitio I

1) Analysis est ars inveniendi, in quantis, ope aequationis. Sive est artificium, quo ignota et quaesita quanta tanquam incognita assumuntur, et auxilio comparationis cum quantis cognitis, determinantur.

Аналитика есть искусство находить количества при помощи равенств. Иначе это умение складывать неизвестные и искомые количества без их нахождения и посредством сравнения с известными количествами определять их.

Scholion I

Speciosa vocatur, quia literis alphabeti, quas Franciscus Vieta, qui eas primus in analysin intulit, species appellat, utitur. Alias Algebrae quoque nomine venit, forte a chabara Arabum, quod sciendi experiendique notiones designabat. Nam ars illa vel maxime ad amplificandam quantorum scientiam, abditasque veritates eruendas comparata est [Weidler 1725, с. 766–767].

Определение I

1) Аналитика (Analysis) есть наука, из данных или известных некоторых количеств находить неизвестных помощью сравнения.

Примечание I

Специоза (speciosa) называется потому, что в ней роды или виды вещей означаются литерами, которые в Аналитику первый ввел Франциск Виета; Алгеброю назвали оную Арапы. Историю об Алгебре пространно изъясняет Иоанн Валлизий, в тр. истор. и практ. том II сочин. издан в Оксфурте 1693 г. в лист. См. притом Гаррис Лекс. Технич. или Алгеб. Первой. Сколько известно, имел понятие о такой Аналитике Диофант Александрийской, писатель второго или третьего века ... [Вейдлер 1765, Аналитика специоза или Алгебра..., с. 3–4]

---

¹Зд. и далее по тексту подстрочный перевод наш. – Т. К.

(Аналитика) называется специоза, так как использует буквы алфавита, которые видами (*species*) назвал Франциск Виета, который первым их в аналитику ввел. Иначе называется также алгеброй, возможно, от арабского «хабара», ибо означает категории познания и испытания. Ведь такое искусство было заведено преимущественно для умножения познания количеств и извлечения сокрытых истин

2) *Fractio, quae rectius particula vel minutia diceretur, est pars totius, vel unitatis, totum aliquod divisum repraesentantis* [Weidler 1725, с. 34].

Дробь, которая правильнее называется частицей или малостью, есть часть целого или единицы, представляющей некое целое в частях

Axiomata

3) *Magnitudines, quae sibi applicatae conveniunt vel coincidunt, aequales sunt; et quae undique aequales sunt, in applicatione debent coincidere* [Weidler 1725, с. 82].

Фигуры, которые при наложении друг на друга сходятся или совпадают, равны; и (фигуры) которые во всех составляющих равны, при наложении должны совпадать

2) Ломаное число (*Numerus fractus*) есть часть целого или единицы, представляющей некое целое состоящее из известного числа частей. На пр. ежели целое имеет пять частей, и из оных взята будет одна часть или больше, то число, означающее оную часть называется ломаным, также дробью (*fractio*). Но правильнее бы называлось частью или долей целого (*pars integri*) [Вейдлер И.-Ф. 1765, Арифметика..., с. 72].

Определение XX

3) Сходственные фигуры суть те, из которых одна, будучи приложена к другой, точно с нею сходствует, так что, ежели одна на другую положена будет, вся всю закроет.

Прибавление

Такое сходство фигур требует точного равенства, как целой фигуры, так и каждой ее части; и ежели о каких-нибудь фигурах можно доказать, что они сходствуют, то те фигуры должны быть равны между собою.

Примечание

Некоторые сию Аксиому почитают темною (...) Но того не требуется, чтоб самым делом одна фигура полагалась на другую, но одним только воображением должно делать такое сравнение, и таким образом точное фигур сходство получается [Вейдлер 1765, Геометрия..., с. 24].

Из приведенных примеров очевидно явствует, что Д. С. Аничков не стремился к достижению максимальной эквивалентности, но, скорее, сочетал **собственно перевод с переложением**¹ латинского оригинала с целью адаптации его в русской культуре. Это показывают его отсылки к трудам разных ученых в примере 1, конкретное значение дроби в примере 2, прибавление и примечание в примере 3. Такая стратегия переводчика XVIII в. происходит, на наш взгляд, из различия в опыте и длительности овладения математическими знаниями у европейских и русского народов. Так, еще в XVII в. область математики была расширена в Европе трудами Декарта, Ферма, Ньютона, Лейбница. В России же вплоть до начала XVIII в. даже в арифметике – начальном разделе математики – терминология, которая свидетельствует о круге понятий, «была очень слаба и очень пестра <...> только-только начинала складываться» [Кутина 1964, с. 13]. Ввиду такого разрыва переводчику второй половины XVIII в. необходимо было многое пояснять, уточнять, развивать, выстраивать в систему, особенно в учебном курсе для университета и гимназий. Подтверждением такой точки зрения служат слова Д. С. Аничкова в самом конце учебника алгебры:

В Элементах Алгебры далее не простираемся. Понеже все то, что ни следует, как на пр. о свойстве и переменениях экваций, о местах геометрических, о составлении кубических и биквадратных экваций, и об Аналитике неопределенных, требует должайшего рассматривания и упражнения, нежели как дозволяет настоящее намерение; по чему справедливее все то или оставляется для особливых лекций, или выводится из таких писателей, которые пространнее пишут об Аналитике [Вейдлер 1765, Аналитика специоза или Алгебра..., с. 68].

---

¹Зд. и далее выделено нами. – К. Т.

Такое заключение (отсутствующее в латинском оригинале) показывает то самое «намерение» переводчика адаптировать иноязычный текст для русского учебного курса, который должен был ввести основные понятия, связи между ними и сформировать начальные навыки по их практическому применению в решении задач. Вот почему во всех трех учебниках Д. С. Аничкова эти решения намного подробнее, чем в оригинале, а некоторые задачи опущены вовсе. Итак, объяснение подобной стратегии избирательного перевода или переложения заключается в **прагматической адаптации создаваемого текста**. Однако в контексте исторического переводоведения чрезвычайно интересен сам факт калькирования Д. С. Аничковым структуры латинского оригинала при определенном видоизменении конкретного языкового содержания переводного текста. Изучая данные переводы XVIII в., мы видим механизм становления жанра учебного пособия по математике и отмечаем, что научная и учебная литература на латинском языке по-прежнему оставалась ориентиром для переводчика второй половины века. Здесь перевод выступает как средство формирования жанрово-стилистических разновидностей развивающегося национального языка.

Такой ракурс рассмотрения переводов второй половины XVIII в. неизбежно подводит к вопросу о **терминотворчестве русских переводчиков** екатерининского времени. Исследуемые переводы Д. С. Аничкова демонстрируют палитру окказионализмов математического языка, созданных переводчиком. Среди них, естественно, есть немало таких, которые не вошли в терминосистему математики и так и остались в рамках конкретных текстов перевода. Но сами по себе они свидетельствуют о неустанной творческой работе переводчика XVIII в. по расширению понятийной сферы и словаря русского математического языка. В качестве примера приведем следующие фрагменты текстов:

Constructio geometrica notat expressionem vel repraesentationem specierum, factam ope magnitudinum vel quantorum geometricum [Weidler 1725, с. 805]. – Геометрическая конструкция обозначает выражение или представление зависимости переменных, сделанное при помощи фигур или размеров геометрических. – Конструкция геометрическая (constructio geometrica) называется такой способ, помощью которого члены аналитических экваций изображаются в некоторых линиях [Вейдлер 1765, Аналитика специоза или Алгебра., с. 40].

Здесь окказиональным соответствием в русском переводе является калька с латинского термина «конструкция геометрическая», обозначающая графический способ решения уравнений. Как видим, данный окказионализм не закрепился в современном языке алгебры и был вытеснен своим толкованием или описанием значения.

Другим примером окказионального соответствия-кальки может служить русский перевод латинского условия задачи: *Lunulam Hippocratis quadrare* [Weidler 1725, с. 74]. (*Квадровать луначку Гиппократа*) [Вейдлер 1765, Геометрия..., с. 94]. В данном случае речь идет о серповидной фигуре, образованной дугами двух окружностей, на которую первым указал Гиппократ Хиосский. Он получил три такие луночки, которые можно квадрировать, и таким образом рассчитывал решить одну из задач древности – проблему «квадратуры круга». В современном русском математическом языке выражение *луночки Гиппократа* употребляется обычно в скобках или в кавычках, так как обозначает частный случай криволинейных (дуговых) двуугольников и является термином-историзмом. Судьбы окказионализмов в языке, безусловно, различны в зависимости от направления их движения в системе: одни выпадают, так и не закрепившись; другие движутся к периферии словарного состава; третьи занимают место в центре, обогащая языковую систему новыми значениями. Роль перевода в этих процессах, особенно на этапе становления национального языка и культуры, трудно переоценить, так как именно через него осуществлялась поставка нового языкового и понятийного материала.

В этом отношении вклад изучаемых переводов Д. С. Аничкова в формирование языка русских математических наук поистине огромен. Так, именно он ввел такие важные понятия, как положительные и отрицательные числа:

Quanta, quibus praemittitur +, vel quae in principio posita, signo carent, positiva vel affirmativa; quae vero prae se ferunt -, privativa vel negativa nominantur. Illa notant realitatem, haec realitatis defectum vel negationem [Weidler 1725, с. 769]. – Количества, пред которыми ставится знак +, и которые одни или в начале будучи поставлены, не имеют того знака положительныя (Positiva) или подтвердительныя (Affirmativa), пред которыми ж находится знак «-», те недостаточныя (privativa) или отрицательныя (negativa) называются. Первые из них означают самую вещь, а последние недостаток вещи [Вейдлер 1765, Аналитика специоза или Алгебра..., с. 5].

Мы намеренно не сопровождаем здесь латинский текст собственным переводом, потому что русский перевод XVIII в. является почти подстрочником оригинала. Такая тактика переводчика объясняется, вероятно, тем, что Д. С. Аничкову предстояло ввести совершенно новые понятия и дать им названия, которые он предлагает в виде синонимических пар *положительные – подтвердительные* и *недостаточные – отрицательные*, калькируя их с латинского оригинала. Синонимия здесь используется как средство истолкования значения, т.е. выступает в роли описательного перевода. Согласно «Словарю русского языка XVIII века», термин «положительный» в математическом значении применительно к числам впервые фиксируется в источнике от 1779 г. [Словарь русского языка... 2015, Вып. 21, с. 186], а термин «отрицательный» – в источнике от 1786 г. [Словарь русского языка... 2011, Вып. 18, с. 86], что на 14 лет и на 21 год, соответственно, позже, чем в исследуемом нами переводе 1765 г. Следовательно, **факт первой фиксации столь важных математических терминов должен быть установлен именно для данного перевода.**

Д. С. Аничкову принадлежит также заслуга в привнесении в терминологию геометрии таких понятий, как *вертикальные углы* (*anguli verticales*), *внешний угол* (*angulus externus*), *внутренний угол* (*angulus internus*) в теоремах о соотношении величин этих углов. Однако подобное математическое значение прилагательных «вертикальный, внешний, внутренний» никак не отражено в словаре [Словарь русского языка... 1987, Вып. 3, с. 52, 230].

В целом в изучаемых переводах Д. С. Аничкова нами было обнаружено немалое число терминов, зафиксированных словарем в источниках более поздних, чем данные тексты 1765 г. Проиллюстрируем наши наблюдения в таблице (см. табл. на с. 180).

К этому перечню можно добавить слово «транспортир», предложенное Д. С. Аничковым взамен старинного русского названия этого инструмента «полукружие»: *Transportatorium sive semicirculus in gradus suos 180 divisus...* [Weidler 1725, с. 73] – *...полукружие (semicirculus), разделенное на целые и половинные градусы, которое вообще называется транспортиром (Transportatorium)...* [Вейдлер 1765, Геометрия..., с. 13]. Но поскольку выпуск «Словаря русского языка XVIII века» на букву «Т» пока не вышел, у нас нет данных о других источниках, использовавших это заимствование из латинского языка.

Таблица

Латинский термин	Русский термин Д. С. Аничкова	Год первой фиксации в словаре ¹
Ordinata	Ордината	1766 [Словарь рус. яз. ... Вып. 17, с. 72]
Abscissa	Абсцисса	1795 [Словарь рус. яз. ... Вып. 1, с. 11]
Parameter	Параметр	1788 [Словарь рус. яз. ... Вып. 18, с. 206]
Polygona (regularia et irregularia)	Многоугольники (правильные и неправильные)	1768–1774 [Словарь рус. яз. ... Вып. 12, с. 235]

Хотя в задачи нашего исследования не входил подробный разбор терминологии математики в России восемнадцатого столетия, мы не могли обойти вниманием тот значительный вклад, который внес Д. С. Аничков в пополнение и обогащение русского математического словаря понятиями и терминами, без которых нельзя представить современную науку. Можно только выразить сожаление, что столь богатейшие источники языкового материала остались вне поля зрения составителей «Словаря русского языка XVIII века».

Подводя итоги анализа переводов Д. С. Аничкова по математике, следует особо подчеркнуть важную роль калькирования не просто как приема, но как переводческой тактики на разных уровнях текста. В отношении структуры оригинала такой подход русского переводчика способствовал формированию жанра учебного пособия и тем самым развитию жанрово-стилистической дифференциации национального литературного языка. На уровне лексики калькирование вело к созданию новых терминов, обладавших некоторой объяснительной силой по отношению к понятиям, которые они обозначали. В этом отношении Д. С. Аничков может справедливо считаться преемником М. В. Ломоносова в формировании языка русской науки путем заимствования интернациональных терминов и образования слов из ресурсов родного языка. Хотя калькирование в области терминологии получило широкое распространение задолго до Ломоносова. «Калек в это время сделано множество; правда, далеко не все они удержались в языке сколько-нибудь долгое время <...>. Причем начало активного процесса калькирования относится уже ко второй половине XVII в.» [Кутина 1964, с. 80]. Если учесть, что спустя столетие,

¹ Имеется в виду «Словарь русского языка XVIII века», ссылки на конкретные выпуски которого приведены в таблице.

т. е. во второй половине XVIII в., калькирование по-прежнему выступает как основной способ создания терминологии, а также как тактика перевода на уровне всего текста, это неизбежно подводит нас к мысли о неких глубинных, философских, механизмах этого переводческого действия в распространении знания и в становлении национальных языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вейдлер И.-Ф.* Аналитика специоза или Алгебра, переведенная с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. [М.]: при Императорском Московском университете, 1765. 68 с.
- Вейдлер И.-Ф.* Арифметика теоретическая и практическая, переведенная с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. [М.]: при Императорском Московском университете, 1765. 103 с.
- Вейдлер И.-Ф.* Геометрия теоретическая и практическая, переведенная с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. [М.]: при Императорском Московском университете, 1765. 128 с.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высшая школа, 1982. 529 с.
- Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в). М.–Л. : Наука, 1964. 219 с.
- Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1 (А–И). Л. : Наука, 1988. 358 с.
- Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1: А – Безпристрастие. М., 1984; Вып. 3: Век – Воздувать. М., 1987; Вып. 12: Лытец – Молвотворство. СПб., 2001; Вып. 17: Оный – Открутить. СПб., 2007; Вып. 18: Открытие – Пена. СПб., 2011; Вып. 21: Подоба – Помощный / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. СПб. : Наука, 2015.
- Weidler Io.* Frider Institutiones mathematicae decem et sex purae mixtaeque matheseos disciplinas complexae... – Vitembergae, apud Georg. Marcum Knochium, 1725. 876 p.

УДК 81'42

С. В. Травкин

соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: valenzuela@list.ru

НЕВЕРБАЛЬНОЕ В ВЕРБАЛЬНОМ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В СЕРИИ РОМАНОВ «МЕЧ ИСТИНЫ» Т. ГУДКАЙНДА

В статье рассматриваются проблемы выражения эмотивности в художественном тексте. В частности, освещение получили лексические свойства презентации эмоций, используемые американским писателем Терри Гудкайндом в серии романов фэнтези «Меч истины». Особенностью данного жанра является присутствие в тексте вымышленных существ, которые принадлежат мирам, отличным от привычного мира людей. В этой связи важным представляется вопрос о специфике вербализации эмоционального состояния данных персонажей.

В исследовательских целях в статье вводится понятие «лингвистического маркера», понимаемого в данном случае как средство языковой презентации эмоционального состояния персонажей. Предлагается различать маркеры: основные, производные и второстепенные. Показано, что именно благодаря совокупности маркеров разного типа в тексте отражается специфика эмоциональных состояний персонажей мира фэнтези.

В результате проведенного анализа делается вывод о том, что эмоциональная реальность фэнтезийного мира в значительной степени соответствует эмоциональной реальности привычного мира людей; особенности эмоционального мира фэнтези создаются при помощи магии как важного элемента жанра фэнтези и вербализуются в авторской речи.

Ключевые слова: вербализация эмоций; эмотиология; художественный текст; художественная реальность; жанр; фэнтези; лингвистический маркер.

Travkin S. V.

Research Student, Chair of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: valenzuela@list.ru

NON-VERBAL VS VERBAL: LINGUISTIC MARKERS OF EMOTIONALITY IN THE «SWORD OF TRUTH» BY T. GOODKIND

The article considers ways and means of creating emotivity in a series of fantasy novels "The sword of truth" by the American writer T. Goodkind. It is stressed that the distinctive feature of this genre is imaginary beings from different worlds that may possibly show unusual emotions. This assumption brings into focus the question of correlation between the emotional world of people and of these characters, with lexicalization of emotions being of particular interest.

In our research, we introduce the concept of linguistic marker and distinguish three types of markers, namely, basic, derivative and secondary markers. We argue that markers of different types reflect a variety of emotional states of the characters in the fantasy world.

Analysis has shown that emotions of imaginary creatures basically correspond to people's emotions. However, the emotional reality of the world of fantasy contains certain specific features that can be traced in the text.

Key words: verbalization of emotions; emotionology; literary text; literary reality; genre; fantasy; linguistic markers.

На сегодняшний день вербализация эмоций представляет собой активно изучаемое направление науки о языке, интересовавшее и ранее многих лингвистов (Ш. Балли, М. Бреаль, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский и др.)

В одной из своих работ В. И. Шаховский останавливается на споре среди ученых, относительно целесообразности изучения вопросов эмотивности. В частности, отмечается, что К. Бюлер и Э. Сепир, выступали против подобных исследований, полагая когнитивную функцию языка доминантной. М. Бреаль, Ш. Балли и ван Гиннекен, напротив, считали эмотивность языка его основной функцией [Шаховский 2007].

Несмотря на данное противостояние, вторая половина XX в. охарактеризовалась становлением эмотиологии, или науки о вербализации, выражении и коммуникации эмоций, и к концу XX в. исследования в данной области заняли лидирующие позиции.

Если до 1970-х гг. любые исследования в области эмотивности велись крайне осторожно, то позднее, наблюдаются существенные изменения в подходе к проблеме. В. И. Шаховский пишет об этом так: «... с тех пор, как начали зарождаться контуры новой, гуманистической лингвистической парадигмы, с пристальным вниманием к создателю, носителю и пользователю языка, к его психологии, лингвисты уже не могли обойти сферу эмоций как самый человеческий фактор в языке» [там же, с. 3–15].

Действительно, трудно обойти «вплетенную» в язык сферу эмоций, поскольку эмоции – это неотъемлемая часть нашей жизни. Важность и значимость эмотивной функции языка также подчеркивает О. Е. Филимонова [Филимонова 2007]. Отметим, что средства и механизмы вербализации эмоциональных состояний активно изучаются также зарубежными лингвистами [Bamberg 1997; Diller 1992; Wierzbicka 1992].

В результате обращения лингвистики к изучению того, как эмоции проявляются в языке [Каплун 2017], вновь активизировались исследования художественного текста. Исследование художественной литературы стало весьма актуальным направлением для лингвистических изысканий в области эмотиологии. Существенной характеристикой художественного текста является высокая эмотивность повествования, которая связана с наличием оценочности [Шишова 2016]. Высокую эмотиоцентричность, или направленность на выражение эмоций, художественного текста отмечает Н. С. Валгина: «Получается, что для художественного текста форма сама по себе содержательна, она исключительна и оригинальна, в ней сущность художественности, так как избираемая автором “форма жизнеподобия” служит материалом для выражения иного, другого содержания. Например, описание пейзажа может оказаться не нужным само по себе, это лишь форма для передачи внутреннего состояния автора, персонажей» [Валгина 2003, с. 76].

В данной статье исследование средств и способов создания эмоциональности художественного текста осуществляется на примере серии произведений жанра фэнтези. Обращение к данному жанру обусловлено в первую очередь тем, что как сам жанр, так и характерный для него эмоциональный мир еще недостаточно полно изучены.

Разные определения данного жанра отражают его различные существенные характеристики, но в целом фэнтези представляет собой сформировавшийся в XX в. особый тип фантастической литературы, раскрывающий перед читателем гипотетическую или «параллельную» реальность, живущую по своим магическим законам и населенную, помимо людей, вымышленными, не существующими в действительности существами (эльфами, гномами).

Фэнтези (от англ. *fantasy* – *фантазия*) – это литературный жанр, возникший в первой половине XX столетия в англоязычной прозе; занимает промежуточное положение между научной фантастикой и сказкой, ведет свою родословную от народных эпосов европейских стран (например «Калевала» или «Беовульф»). Фэнтези богато поэтическими причудливыми образами, представляет сверхъестественные и нереалистические события и характеры. Основоположниками жанра считаются американец Р. Говард и англичанин Р. Толкиен [Комлев 2000].

Жанр фэнтези не всегда можно отличить от научной фантастики, однако у каждого из этих жанров есть характеристики, обуславливающие их самостоятельность. Отсутствие единой классификации

«фантастического» направления в литературе может создать иллюзию размытых границ, однако при более детальном рассмотрении особенностей данных жанров иллюзия исчезает.

С точки зрения формы повествования основным отличием жанра фэнтези от научной фантастики является отсутствие попыток объяснить происходящие в романе сверхъестественные события как рациональные и научно обоснованные. Такой позиции, в частности, придерживалась Т. А. Чернышева одна из ведущих исследователей художественного текста фантастической направленности, писавшая: «...авторы их, старались объяснить свое фантастическое изобретение или открытие, обосновать его, опираясь на данные науки или, на худой конец, ссылаясь на относительность и неполноту наших знаний о природе» [Чернышева 1985, с. 230]. Иными словами, в основании научной фантастики лежит некое допущение, соотносимое с реальными научными открытиями. Автор произведения этого жанра ищет ответ на вопрос: как выглядел бы мир, если бы научная мысль шагнула далеко вперед в той или иной области.

Мир фэнтези, в свою очередь, никак не связан с объективной действительностью. Автору нет необходимости опираться на научный прогресс при создании художественной реальности своего произведения. М. Назаренко в своей классификации фантастики отмечает, что основой для фэнтезийного мира являются мифы и легенды [Назаренко 1999].

Опираясь на изложенное выше, можно сделать вывод, что мир фэнтези полон «ненаучных» чудес и способностей, населен не только людьми, но и существами совершенно иного рода. Само наличие этой «волшебной» реальности и «нечеловеческих» персонажей, обладающих характеристиками отличными от тех, которыми обладают люди нашего мира, ставит под вопрос идентичность эмоциональных реальностей нашего мира и мира фэнтези.

В своей работе мы задались целью проанализировать средства выражения эмоций, используемые авторами в произведениях фэнтези, с целью установить степень соответствия эмоционального мира фэнтези и реального мира, а также выявить специфику репрезентации эмоций в фэнтезийном романе.

Наиболее эффективным средством создания эмотивности текста является лексика, формирующая основу для исследования его эмотивного потенциала. Отметим, что часто эмоция не называется прямо,

а передается, например, через описание жестов, которые сообщают читателю о ней. Такие слова как: *to frown* – хмуриться, *to tremble (with fear)* – дрожать, *to snarl* – рус. рычать, *to sigh* – вздыхать и др., некоторые исследователи, например, С. В. Ионова, относят к подобной лексике [Ионова 1998, с. 69].

В центре внимания данного исследования находятся средства лексикализации эмоциональных состояний трех персонажей из цикла произведений Т. Гудкайнда «Меч истины»: Кэлен, Скарлет и Сильфила. Среди выявленных средств лексикализации эмоций особое место отводится анализу лингвистических маркеров, характерных для исследуемого жанра.

Обратимся к первому важному для нас персонажу, а именно: матери-исповеднице Кэлен. В мире Терри Гудкайнда исповедницы – это женщины, наделенные особым даром. Прикоснувшись к человеку и высвободив свою силу, они могут заставить его говорить правду. Однако подобная процедура «дознания» имеет и побочный эффект – реципиент данного воздействия на всю жизнь становится рабом исповедницы, лишаясь всех эмоциональных реакций. Сама Кэлен говорит о своем даре следующее:

The touch of my power is all at once, and final. Nothing could protect you. The person I touch cannot be brought back, because once I touch them, *that person is no longer there*. That person is gone forever. Their free will is gone forever [Goodkind 1995, с. 438].

Сильфила, или *sliph*, – второстепенный персонаж, имеющий человеческое происхождение, серебристое существо из ртути, способное переносить или телепортировать героев на огромные расстояния.

The *sliph* was created by those wizards, in the great war. They created weapons out of people; they created the *sliph* in much the same way. She was once a woman. They used her life to create the *sliph*, a being that can use magic to do what is called traveling. She was used to quickly travel great distances. Really great distances. Like from here all the way to *Aydindril* in less than a day, or many other places [Goodkind 1995, с. 44].

Скарлет – красный дракон женского пола. Типичный персонаж фэнтези, никогда не имевший человеческого происхождения.

As it *flexed its wings*, powerful muscles rippled beneath the glossy, red interlocking scales on its shoulders. *Razor-sharp teeth*, stained red from its

recent meal, sprouted just inside the snarling lips and lined the long muzzle. *The beast snorted. Smoke rose from nostrils* at the end of the tapered snout [там же, с. 292].

Далее мы остановимся на диалоге Ричарда, главного героя произведения с матерью-исповедницей Кэлен, в котором на уровне отдельных лексических единиц можно проследить не только одну конкретную эмоцию, но и всё эмоциональное состояние в динамике.

В приводимом отрывке эмоции удивления, нерешительности и грусти прослеживаются как через авторские описательные комментарии к эмоциональным состояниям героев, так и через эмотивно-содержательное значение языковых единиц, употребляемых самими персонажами. В некоторых случаях персонаж сам говорит о своем эмоциональном состоянии в данный момент, например: *I love you, she whispered* [Goodkind 1997, с. 98].

Слово *love* является лингвистическим маркером и передает глубокие эмоциональные переживания. В частности, такое определение этому глаголу дает электронный Кембриджский словарь: *to like someone very much and have romantic or sexual feelings for them* [Cambridge dictionary...].

Говоря о лингвистических маркерах эмоциональных состояний, на примере эмоции гнева, можно выделить следующие категории: основные описательные маркеры, называющие эмоцию (*anger, fury*); маркеры производные от основных, называющие действие, непосредственно сопряженное с эмоцией (*shout*); маркеры второстепенные («второго ряда»), маркирующие действие, не связанное с эмоцией гнева напрямую, но часто ее сопровождающее. К данной категории можно также отнести глаголы, которые выражают угрозу для жизни и здоровья других персонажей (*kill, strangle, beat* и т. д.).

Присутствие в предложении производных маркеров «второго ряда» выражает эмоцию, например, *гнева*, лишь косвенно. Маркерная фраза *I'll kill her* без дополнительного контекста может быть отнесена к довольно широкому кругу эмоциональных состояний. Напротив, предложения и фразы, включающие в себя маркеры двух или трех рядов (например: основные и производные или второстепенные и производные) передают эмоцию однозначно:

«I'll kill her», Kahlan rasped in a hoarse voice as she stared off at nothing. «With my bare hands. I'll strangle the life out of her!» [Goodkind 1997, с. 29–30].

В других случаях особую значимость для выражения эмоционального состояния героя приобретает язык тела, а роль индикатора переживаний может выполнять, например, глагол-маркер *shrug*, передающий идею безразличия либо незнания: *to move your shoulders up and down to show that you do not care about something or that you do not know something* [Cambridge dictionary...]. Либо маркер *hesitate*, говорящий о нерешимости: *to pause before doing something, especially because you are nervous or not certain* [там же].

Еще раз подчеркнем особую важность авторских комментариев, которые помогают читателю глубже понять мотивы поведения героя произведения, поскольку их доносят детали, которые не могут быть почерпнуты из прямой речи. Персонаж может сказать о своей ярости, печали, страхе, но не в состоянии самостоятельно описать язык своего тела и сообщить читателю то, что осталось за рамками диалога. Слова персонажа позволяют автору донести состояние героя, направив мысль читателя в определенное русло, в то время как, например, описание жестов является источником дополнительной информации. Именно поэтому оба способа передачи эмоциональных состояний часто используются одновременно, гармонично дополняя друг друга.

В некоторых случаях, как в приводимом ниже отрывке можно наблюдать преобладание авторских пояснений. Речь героев здесь нейтральна и не говорит об эмоциях напрямую, переадресовывая эту функцию авторской речи:

Well, Kahlan, my friend, can you tell me how it is that we are alive and those four men are not?

She looked at him, *in surprise*. “Do you mean that?”

“Mean what?”

She *hesitated*. “Friend.”

Richard *shrugged*. “Sure. You just said I stood with you. That’s the kind of thing a friend does, isn’t it?” He gave her a *smile*.

Kahlan *turned away*. “I don’t know.” She fingered the sleeve of her dress as she *looked down*. “I have never had a friend before. Except maybe my sister...”

He felt the *pain* in her voice. “Well, you have one now,” he said in his most *cheerful* tone. “After all, we just went through something pretty frightening together. We *helped* each other, and we *survived*.”

She simply *nodded* [Goodkind 1995, с. 9].

Данный диалог между Ричардом и Кэлен эмоционально насыщен благодаря выбору второстепенных и производных маркеров для описания переживаний героев. Удивленный реакцией собеседницы, Ричард сперва чувствует легкое недоумение (*shrugged*), затем делает всё, чтобы подбодрить и успокоить свою спутницу (*smile, cheerful, helped, survived*).

Со стороны Кэлен, прослеживается совершенно иная эмоциональная линия: удивление, выраженное основным маркером данной эмоции (*surprise*), переходящее в неуверенность (*hesitate*), грусть (*turned away*) и, наконец, осторожное согласие (*nodded*). В данном случае мы видим применение как основных лингвистических маркеров, непосредственно описывающих эмоцию (*surprise, hesitate*), так и второстепенных, показывающих действие персонажа, сопряженное с эмоцией (*turned away*).

Несмотря на то что Кэлен персонаж романа фэнтези, в ее поведении присутствует полный спектр человеческих эмоций.

Следующий рассматриваемый нами персонаж – Сильфила практически полностью, лишен эмоциональности, о чем она сама говорит в следующем отрывке:

“Were you sad?” Berdine asked. “Was it sad to be made into the sliph?”
They took sadness from me when they made me.
 “Did they take happiness, too?” Kahlan whispered.
 They left me with duty [Goodkind 1997, с. 278].

Иначе говоря, по словам самой Сильфилы, таинственные «они» «забрали» печаль и радость. Крайние эмоциональные состояния стали чужды для этого персонажа после магического воздействия, уступив место навязанному ей извне долгу.

Действительно мы видим, что эмоциональная активность Сильфилы слабо выражена, однако она присутствует. Так, если мы обратимся к лексике описывающей ее эмоции, станет понятно, что Сильфила, несмотря на магическое воздействие, чувствует то же самое, что и обычные люди, пусть и в приглушенном виде, словно под воздействием седативного средства. Мимика ее лица может выражать эмоциональные состояния, которые передаются английскими глаголами и прилагательными: задумчивый (*thoughtful*), озадаченный (*puzzled*), лукавый (*sly*), хмуриться (*to frown*) или улыбаться (*smile*):

The sliph regarded him with a *thoughtful* expression [там же, с. 356–357].

The face distorted into a *puzzled* frown [Goodkind 1997, с. 185].

The sliph's smile turned *sly*, but she didn't answer [там же, с. 185].

The sliph seemed to *frown* [там же, с. 195].

The sliph's fluid face *smiled* [там же, с. 208].

Эмоции красного дракона Скарлет, выражены гораздо более ярко, чем эмоции Сильфилы. Она удивляется (*blinking in surprise*), сомневается (*doubting*), хмурится (*frowned*), улыбается (*smile*).

It was the truth. Despite the deadly nature of it, it was strikingly beautiful. The neck of the dragon made itself into an S shape as it pulled its head back, *blinking in surprise*. The eyes *frowned* a little, *doubting* [там же, с. 292–293].

Scarlet put a black-tipped talon to her teeth. “Seeker.” She *frowned*. “I don't believe I've ever eaten a Seeker before.” A strange, dragon's *smile* crossed her lips [там же, с. 293].

Довольно красноречив язык тела данного персонажа: *blinked at him, then threw her head back, jaws wide; Scarlet's head whipped back to him* – дракон моргнул (*blinked*) и вскинул голову, разинув пасть.

Глагол *throw* – бросать, швырять в данном случае характеризует быстрое, импульсивное движение тела, подчиненное яркому эмоциональному состоянию гнева. Глагол *whip* – бить плетью, описывает резкое неожиданное действие, вызванное вспышкой гнева. В данном случае *голова Скарлет метнулась к нему (как плетью), испуская из ноздрей дым*. Струя огня «выстрелила» вверх (*shot*). Атмосфера в диалогах накалена до предела. Все действия осуществляются стремительно, как выстрел: движения тела резки, как удар хлыстом.

Scarlet pulled back. She *blinked* at him, then *threw* her head back, jaws wide. An *earsplitting* roar made the scales on her throat *vibrate*. Fire shot skyward in a booming blast. The sound echoed off the cliff walls, causing little rock slides [там же, с. 293].

Scarlet's head *whipped* back to him, smoke rising from the nostrils. “What do you know about that!” [там же, с. 293].

Воздействие магии в мире фэнтези оказывает на поведение персонажа более сильное влияние, чем его природа. Так, статуя получившая приказ от мага, сможет приобрести способность выражать эмоции, а живой человек, напротив, утратить. Именно поэтому эмоции

Сильфилы, бывшего человека, подвергшегося магическому воздействию, менее ярко выражены, чем эмоции дракона Скарлет, которая человеком никогда не была.

Таким образом, нами были рассмотрены различные эмоциональные состояния трех персонажей, актуализируемые в тексте посредством лингвистических маркеров трех типов: основных, производных и второстепенных. Во всех рассмотренных отрывках, доминирующим способом лексикализации эмоций является авторская речь. Случаи лексикализации эмоций посредством речи персонажей немногочисленны и сводятся к вербализации некоторых желаний персонажа, например: *I'll kill her*, которые немедленно подкрепляются авторскими дополнениями *rasped in a hoarse voice as she stared off at nothing*, что в итоге и создает эмоциональный фон [Goodkind 1997, с. 29–30].

Опираясь на приведенный выше анализ, можно сделать вывод, что созданная в жанре фэнтези эмоциональная реальность в целом соответствует реальной действительности. Эмоции, проявляемые существами, не имеющими аналогов в реальности, идентичны человеческим, отличаться может лишь глубина и спектр переживаемого, что находит отражение как в речи персонажей, так и в авторских описаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос. 2003. 173 с.
- Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 197 с.
- Каплун И. А. Экспериментальное исследование восприятия экспрессивности рекламного текста / Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 1(768), 2017. С. 131–137.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 1308 с.
- Назаренко М. Опыт классификации фантастических жанров. 1999. URL: nevmenandr.net/nazarenko/sf.php
- Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учеб. пособие. СПб. : Книжный Дом, 2007. 448 с.
- Чернышева Т. А. Природа фантастики: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1985. 336 с.
- Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. № 5. С. 3–13.
- Шаховский В. И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1995. С. 3–15.

Шишова О. М. Коммуникативно-прагматическая норма поведения участников виртуальной коммуникации / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 2 (741). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 122–134.

Bamberg M. Emotion talks. The role of perspective in the construction of emotions. In S. Niemeier & R. Dirven (Eds.), Amsterdam: John Benjamin. The language of emotions 1997. P. 209–225.

Cambridge dictionary. URL: dictionary.cambridge.org/ru

Diller H. J. Emotions and the Linguistics of English // Proceedings edit. by Wilhelm L. Busse. TCbungen, 1992.

Goodkind Terry. Wizard's First Rule. N. Y. : Tor Fantasy, 1995. 376 p.

Goodkind Terry. Temple of the Winds. N. Y. : Tor Fantasy, 1997. 368 p.

Wierzbicka A. Defining emotion concepts // Cognitive Science. 1992. # 16(4), P. 539–581.

УДК 81'42

Е. Д. Чулкова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания; преподаватель кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: chulkova.evdokia@gmail.com

**ОНОМАСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОППОЗИЦИИ
«СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа Дж. Ле Карре «Шпион, пришедший с холода»)**

В статье бинарная оппозиция «свой – чужой» рассматривается в двух планах: в социокультурном аспекте и с точки зрения той роли, которую она выполняет как важный структурообразующий элемент шпионского романа. Отмечается, что в романах данного жанра оппозиция «свой – чужой» актуализируется в значительной степени при помощи имен собственных. Анализ ономастикона в романе Джона ле Карре «Шпион, пришедший с холода» свидетельствует о том, что данная оппозиция реализуется, во-первых, благодаря приему перемены имен, что характерно для профессии разведчика; во-вторых, за счет актуализации этимологии имен, их внутренней формы или социокультурных коннотаций.

Ключевые слова: бинарная оппозиция «свой – чужой»; имя собственное; шпионский роман; структура текста.

Chulkova E. D.

Postgraduate student of the Department of General and Comparative Linguistics of MSLU; Lecturer at the Department of Second Foreign Languages, MSLU; e-mail: chulkova.evdokia@gmail.com

**ONOMASTIC MEANS OF CREATING
THE OPPOSITION «SELF – OTHER» IN FICTION
(an analysis of the novel «The spy who came in from the cold»
by J. LE CARRÉ)**

The article examines the binary opposition «self – other» in two perspectives, namely, in terms of sociocultural context and with regard to the role this opposition plays in forming the structure of a spy novel. It is stressed that in spy novels the opposition in question is actualized by a whole variety of linguistic means including proper names that lay the basis for this study. An onomastic analysis of the novel The Spy Who Came in from the Cold by J. le Carré reveals that changing name techniques, the etymology of names, their inner form and sociocultural connotations contribute to the creation of the opposition «self – other» and serve to convey the author's message.

Key words: binary opposition «self – other»; personal name; spy novel; text structure.

Словарь литературоведческих терминов определяет бинарную оппозицию как «универсальное средство познания мира, которое особенно активно использовалось и, главное, было осознано как таковое в XX веке» [Словарь литературоведческих терминов...]. Бинарные оппозиции проявляются во всех сферах социально-культурной жизни. В настоящее время существует немало работ, рассматривающих бинарные оппозиции с позиций лингвистики. Особый интерес у представителей различных научных дисциплин вызывает оппозиция «свой – чужой», которая самым активным образом исследуется как культурологией и лингвокультурологией, так и философией и лингвистикой. А. А. Матвеева отмечает, что оппозиция «свой – чужой» изучалась «психологами, биологами, философами, культурологами, историками. Эти исследования демонстрируют широчайший спектр реализации отношения “свой – чужой”»: от химических структур, позволяющих живому организму распознавать чужеродные вещества, до сложнейшей социально-культурно-философской категории, определяющей отношения в социуме как в синхронном срезе, так и на протяжении всего исторического развития человечества» [Матвеева 2011, с. 8].

Культурологический взгляд на данную оппозицию представлен, в частности, в работах А. А. Тарасовой, полагающей, что оппозиция «свой – чужой» приобретает огромную важность в современном мире, так как именно благодаря ей происходит процесс самоидентификации путем сравнения «своей» и «чужой» культуры. По мнению А. А. Тарасовой, «культура какой-либо страны во многом определяет себя посредством взаимодействия с иными культурами, через сравнение с другими ценностными ориентациями» [Тарасова 2012, с. 1].

Лингвокультурологический подход к изучению оппозиции «свой – чужой» раскрывается в работах А. Н. Серебренниковой, по мнению которой «все лексические единицы, репрезентирующие семантику “свойственности” – “чуждости” являются культурно значимыми, так как само описываемое значение представляет собой кумуляцию культурного опыта говорящего коллектива» [Серебренникова 2005, с. 13].

А. Б. Пеньковский вводит семантическую категорию «чуждости», которая коррелирует с категорией отрицательной оценки и имеет специальные средства языкового выражения. Автор противопоставляет два мира – «свой» и «чужой». «Свой» мир характеризуется как мир уникальных, индивидуальных и в то же время конкретных и известных объектов, которые называются именами собственными. По мнению

А. Б. Пеньковского, «свой» мир – «это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена ведут себя как собственные» [Пеньковский 2004, с. 9]. «Чужой» мир определяется как мир однородного множества, в котором собственные имена функционируют как нарицательные. В «своем» мире есть «отдельное», «свое», а в чужом мире – «общее», «чуждое». Такое деление на два мира, по мнению А. Б. Пеньковского, является одним из фундаментальных семиотических принципов и может проявляться в типичных оппозициях типа «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое», а также в одной из базовых оценочных оппозиций «хороший – плохой». Вышеперечисленные оппозиции отражены в ритуалах, обрядах, народном искусстве, а также в художественной литературе. Таким образом, категория «свойственности – чуждости» интерпретируется как языковая семантическая категория, являющаяся вариантом универсальной категории сознания и имеющая специальные средства языкового выражения [Серебренникова 2005; Пеньковский 2004].

Проведенный обзор свидетельствует о том, что оппозиция «свой – чужой» рассматривается во всех областях исследования социально-культурной жизни как бинарная, поскольку она основана на двух противоположных понятиях и является универсальным средством рационального описания мира. На основе бинарной оппозиции «свой – чужой» человек способен воспринимать и обрабатывать информацию об окружающем мире. Данная оппозиция проявляется в языке, в поведении и в речи людей, именно поэтому она широко исследуется в лингвистике.

В художественной литературе, отражающей все процессы, характерные для жизни общества и отдельного человека, оппозиция «свой – чужой» проявляется по-разному. В данной статье на материале романа Дж. ле Карре «Шпион, пришедший с холода» мы попытаемся показать, что оппозиция «свой – чужой» является базовой оппозицией шпионского романа.

Анализ художественной литературы показывает, что в жанре шпионского романа оппозиция «свой – чужой» раскрывается целым рядом языковых средств (лексико-грамматическими формами, типом повествования, стилистическими приемами). К наиболее эффективным, на наш взгляд, относятся ономастические средства языка.

Ономастикон каждого романа уникален и является средством создания художественного образа, а также способом реализации

и раскрытия идейного замысла произведения [Косиченко 2016]. В шпионском романе роль имен собственных заключается, во-первых, в их способности кодировать важное социокультурное знание о шпионской деятельности, основанной на противопоставлении различных идеологий и на идее игры, во-вторых, актуализировать оппозицию «свой – чужой».

По сюжету романа главный герой, Алек Лимас (*Alec Leamas*), агент британской разведки, заслан в Восточный Берлин для уничтожения начальника контрразведки ГДР Ганса Дитера Мундта (*Hans-Dieter Mundt*). Анализ текста показывает, что фамилия *Leamas* выступает в качестве социокультурного знака, позволяющего соотнести этого персонажа с определенным этносом, в то время как важным средством реализации идейного содержания произведения является настоящее имя главного героя. Для определения роли имени *Alec* в создании образа главного героя и реализации идейного содержания произведения необходимо прежде всего обратиться к его этимологии. Данное имя – сокращенная форма греческого имени *Alexander*, означающего «защитник» [Рыбакин 2000, с. 37]. Именно защитником интересов Великобритании в романе и выступает Алек Лимас. Имя героя также соотносится с его описанием: сильный, с хорошими физическими данными – такой человек способен встать на защиту своей страны.

(1) *Leamas was a short man with close, iron-grey hair, and the physique of a swimmer. He was very strong. This strength was discernible in his back and shoulders, in his neck, and in the stubby formation of his hands and fingers* [Le Carré 2011, с. 12].

Как шпиону Алеку приходится использовать различные подставные имена, при этом его выбор ограничивается главным образом неброскими и достаточно распространенными именами и фамилиями, которые не привлекают к себе внимания. Например, под именем *Robert Lang* Алек фигурирует как инженер из Дерби, под именем *Stephen Bennet* как военно-морской инженер из Плимута, под именем *Alexander Twaite* как тур-агент:

(2) *Peters <...> asked: 'What names did you used in Copenhagen and Helsinki?'*

'Robert Lang, electrical engineer from Derby' [там же, с. 99];

(3) *'And for Helsinki, what name?'*

'Stephen Bennet, marine engineer from Plymouth' [Le Carré 2011, с. 100];

(4) It [the passport] was made out in the name of Alexander Twaite, travel agent, and filled with visas and frontier stamps – the old, well-fingered passport of the professional traveller [Le Carré 2011, c. 107].

Несмотря на значительное число используемых имен, способствующих реализации идеи о «шпионских играх», «Алек» остается основным именем главного героя на протяжении всего повествования, поскольку отражает его истинную натуру и предназначение. Вместе с тем в начале романа Алек появляется не под своим настоящим именем, а под именем *Томас (Thomas)*, которое происходит от древнегреческого *Thōmas* и переводится как *близнец* [Рыбакин 2000, с. 186]. Под этим именем его знают в Западном Берлине, территории, дружественной Великобритании. Таким образом уже с первых страниц становится понятно, что носитель данного имени ведет *двойную* игру: *Томас* – «близнец» *Алека*, его обратная сторона. Томас – профессионал, поэтому осторожен и скрывает свою подлинную личность даже на дружественной территории. Привлечение данного имени в романе способствует созданию образа шпиона, основанного на противопоставлении «защитник – игрок», являющегося вариантом оппозиции «свой – чужой».

С точки зрения структурной организации текста интерес также представляют имена шпионов восточногерманской контрразведки, которые вербуют и затем допрашивают Лимаса. Далее имена агентов будут рассмотрены в иерархическом порядке, от агента низшего звена до главного противника Лимаса, начальника восточногерманской контрразведки. Именно в таком порядке главный герой знакомится с ними в процессе своей перевербовки.

Эш (Ashe) – агент ГДР в Англии. Он первый вышел на Лимаса с целью вербовки для работы на восточногерманскую контрразведку. Из текста видно, что Эш не имеет своего мнения и выглядит пассивным и неуверенным в себе.

(5) Ashe was typical of that stratum of mankind which conducts its human relationships according to a principle of challenge and response. Where there was softness, he would advance; where he found resistance, retreat. Having himself no particular opinions or tastes he relied upon whatever conformed with those of his companion. <...> To Leamas this observably passive role was repellent <...> [Le Carré 2011, c. 51–52].

Имя *Эш* созвучно с английским словом *ash* – *пепел*. Несмотря на разнообразие открывающихся перед ним возможностей, молодой

человек принимает решение работать на разведку ГДР и таким образом не только выбирает путь предателя, но и обрекает себя на однообразное, монотонное существование.

Кивер (Kiever), агент ГДР в Англии, был вторым человеком, с которым познакомился Лимас. Согласно одной из возможных интерпретаций, фамилия *Kiever* образована от немецкого *Kiefer* и в переводе буквально означает *челюсть* или *сосна* [Словарь АБВУД Lingvo Электронный ресурс]. Вместе с тем есть и другая точка зрения, согласно которой данное имя происходит от средневерхненемецкого слова *Kuofe* – *бочонок* [Dictionary of American Family... 2013]. В тексте романа данный персонаж характеризуется как человек невысокого роста, что скорее всего актуализирует вторую интерпретацию:

(6) He was woken up by Ashe, accompanied by a small, rather plump man with long, greying hair swept back and a double-breasted suit. He spoke with a slight central European accent; German perhaps, it was hard to tell [Le Carré 2011, с. 62].

Питерс (Peters), агент ГДР, встречается с Лимасом на нейтральной территории (в Голландии), и затем увозит его в Восточный Берлин, где Лимас становится *своим среди чужих*. Питерс является средним звеном в цепочке агентов, участвовавших в вербовке Лимаса. Фамилия *Peters* созвучна с греческим словом *petros*, которое, согласно Оксфордскому словарю фамилий, переводится как *камень* [Dictionary of American Family... 2013]. Крепкий, твердый, цельный – Питерс был первым агентом, произведшим на Лимаса впечатление профессионала. Фамилия персонажа коррелирует с описанием его внешности и основных черт характера. Питерс – сильный, надежный, расчетливый человек, способный контролировать и подавлять свои эмоции. Лимасу Питерс кажется настоящим эталоном, примером для подражания. Питерс отличается от предыдущих агентов (Эша и Кивера) своим профессионализмом и опытом. Его образ «настоящего шпиона», противопоставленный типу «неопытного, посредственного агента», какими являлись Кивер и Эш, положен в основу романа как один из вариантов оппозиции «свой – чужой».

(8) Peters had an odd face, expressionless and grey. <...> There was something very orthodox about him which Leamas liked. It was the orthodoxy of strength, of confidence. If Peters lied there would be a reason. The lie would be a calculated, necessary lie, far removed from the fumbling dishonesty of Ashe [Le Carré 2011, с. 82].

По мере продвижения к главной цели, начальнику контрразведки ГДР Мундту, Лимас отмечает про себя рост профессионализма агентов, вербовавших его.

(8) Ashe, Kiever, Peters: that was a progression in quality, in authority, which to Leamas was axiomatic of the hierarchy of an intelligence network. <...> Ashe, the mercenary, Kiever, the fellow traveller, and now Peters, for whom the end and the means were identical [Le Carré 2011, с. 82].

Фидлер (Fiedler), заместитель и правая рука Мундта, шефа восточногерманской агентуры, впоследствии разоблачает своего начальника как двойного агента, но проигрывает и погибает. Согласно источникам [Dictionary of American Family Names 2013], фамилия *Fiedler* означает *skilled amateur* (*искусный дилетант*), что, по своей сути, звучит как оксюморон. На наш взгляд, данная этимологическая интерпретация удачно вписывается в сюжет и является еще одним вариантом оппозиции «свой – чужой». Будучи человеком высоко-профессиональным и обладая должной наблюдательностью и проницательностью, Фидлер тем не менее сторонится так называемых шпионских игр, характерных для данного рода деятельности. Иными словами, он неспособен вести свою игру, и поэтому остается пусть и опытным, но дилетантом, *чужим среди своих*.

(9) He could not be labelled as a member of this or that clique; even those who had worked close to him in the Abteilung could not say where he stood in its power complex. Fiedler was a solitary; feared, disliked and mistrusted [там же, с. 121].

Ганс-Дитер Мундт (Hans-Dieter Mundt) – двойной агент, начальник контрразведки ГДР. Мундт был разоблачен Фидлером, но оправдан трибуналом. Фамилия Мундт созвучна с немецким словом *Munt* – *защита* [Duden...].

Тот факт, что фамилия *Мундт* коррелирует с именем главного героя – *Алека (Александра) Лимаса*, является важным средством реализации оппозиции «свой – чужой». Оба персонажа стоят на защите интересов одной и той же страны, родной (для Лимаса) и чужой (для Мундта), но являются противниками. Противостояние между ними нарастает по мере развития сюжета, что способствует развитию интриги и актуализации оппозиции «свой – чужой». Имя *Alec* и фамилия *Mundt* имеют аналогичные значения, но по-разному характеризуют персонажей. Будучи личным именем, *Alec* является

индивидуализирующим знаком, выражает истинную суть своего носителя, фамилия *Mundt* – это социокультурный знак, который в первую очередь акцентирует «чужеродность» для Британии.

Таким образом, анализ ономастикона художественного произведения позволяет продемонстрировать, что оппозиция «свой – чужой» реализуется благодаря актуализации этимологии имен и закрепленных за этими именами социокультурных коннотаций. На протяжении всего романа главный персонаж – агент британской разведки – выступает под различными именами, выполняющими функцию «маски», скрывая от врага свою истинную сущность. С другой стороны, читатель практически сразу узнает настоящее имя героя, раскрывающее его главную миссию в повествовании. Противопоставление имени Алек его псевдонимам способствует реализации оппозиции «защитник – игрок», которая, в свою очередь, является вариантом оппозиции «свой – чужой».

Оппозиция «свой – чужой» актуализируется также благодаря личным именам и фамилиям противников *Лимаса – Мундт, Фидлер*, которые, являясь социокультурными знаками, позволяют соотнести своих носителей с определенной (в данном случае «чужой») для британцев) картиной мира. Основная оппозиция романа основывается на противостоянии двух агентов – Алека Лимаса и Мундта. Имя *Алек* и фамилия *Мундт* имеют схожее этимологическое значение, но своим звучанием акцентируют социокультурные и отчасти идеологические различия, являясь важным средством актуализации базовой оппозиции «свой – чужой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косиченко Е. Ф.* Стилистический потенциал художественной ономастики сквозь призму ономастической концептуализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 2 (765). 2016. С. 78–88. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/2_765_gum.pdf.
- Матвеева А. А.* Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой – чужой» (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 2011. 24 с.
- Пеньковский А. Б.* Очерки о русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 261 с.
- Рыбакин А. И.* Словарь английских личных имен: 4 000 имен. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2000. 224 с.

Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности»– «чуждости» (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2005. 27 с.

Словарь АБВУД Lingvo. URL: lingvo.ru

Словарь литературоведческих терминов. URL: slovar.lib.ru/dict.html

Тарасова А. А. Взаимоотношения «свой – чужой» как базовый механизм процесса идентификации // Молодёжь и наука: сб. матер. VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т. 2012. С. 1–9.

Dictionary of American Family Names ©2013, Oxford University Press. URL: ancestry.com

DUDEN Deutsches Universal-wörterbuch. URL: duden.de

Le Carré John. *The Spy Who Came in from the Cold*. Penguin Books Ltd, Registered Offices: 80 Strand, London, 2011. 271 p.

УДК 81.22

С. Н. Эйснер

доцент кафедры второго иностранного языка МГЛУ; e-mail: svetlana.eisner@yandex.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлен сопоставительный анализ некоторых фразеологических единиц библейского происхождения во французском и русском языках. Особое внимание уделяется их интерпретации, основанной на национально-культурном своеобразии употребления библейской фразеологии.

Интерес к изучению библейской фразеологии объясняется ролью церкви в жизни общества, ее влиянием на национально-культурное своеобразие восприятия мира, а также чисто лингвистическими факторами, поскольку данный пласт фразеологических единиц представляет неисчерпаемый источник для изучения формирования и развития фразеологической системы французского и русского языков.

В ходе исследования сравнивались такие общеизвестные библейские выражения, как: *быть на седьмом небе (être au septième ciel)*, *козел отпущения (bouc émissaire)*, *бросить камень (jeter la pierre)*, *нести свой крест (porter sa croix)*, *видеть соринку в чужом глазу (voir la paille dans l'œil du voisin et ne pas voir la poutre dans la sien)*.

Наши наблюдения показали, что особенности функционирования библеизмов во французской и русской культуре объясняется их историческим своеобразием, в первую очередь речь идет о неразрывной связи библейской фразеологии с ее источником, а также развитием и эволюцией собственно языковых законов. Можно также отметить определенную избирательность каждой культуры в обозначении и реальной оценке действительности, что отразилось в различиях семантики рассматриваемых библеизмов.

Библеизмы являются неотъемлемой частью лексико-фразеологической системы французского и русского языков и, как следствие, испытывают изменения, обусловленные эпохой и мироощущением языкового коллектива, как и вся система языка.

Ключевые слова: культура; сравнительный анализ; фразеология; французский язык.

Eisner S. N.

Associate Professor

at the Department of Second foreign language MSLU;

e-mail: svetlana.eisner@yandex.ru

THE COMPARISON OF SEMANTICS OF VARIOUS PHRASEOLOGICAL UNITS OF BIBLICAL ORIGIN IN RUSSIAN AND FRENCH

The comparison of semantics of various phraseological units of biblical origin in Russian and French

The article presents a comparative analysis of various phraseological units of biblical origin in Russian and French. Special attention is paid to their interpretation based on national and cultural traits of the use of biblical phraseology.

The interest in studying biblical phraseology is connected with the role of church in society, its influence on the world perception of a nation. On the other hand, such research presents a purely scientific interest as well, as this layer of phraseology is a rich source of material for studying the Russian and French phraseological systems.

Our research compares such commonly used biblical phraseological units as, for example, «быть на седьмом небе» («être au septième ciel»), «козел отпущения» («bouc émissaire»), «бросить камень» («jeter la pierre»), нести свой крест («porter sa croix»), видеть соринку в чужом глазу («voir la paille dans l'œil du voisin et ne pas voir la poutre dans le sien»).

In our research we came to the conclusion that the specific ways Russian and French phraseology function in those languages are connected with the Russian and French cultural peculiarities, and, on the other hand, with the evolution the general linguistic laws. The difference in the way each culture presents and evaluates reality must be pointed out, as it accounts for the semantic differences between the phraseological units under consideration.

Biblical phraseology is an integral part of Russian and French phraseological and lexical systems, as a consequence of which it is subject to changes imposed by the epoch and contemporary worldview of the people, just like the language on the whole.

Key words: culture; comparative analysis; phraseology; French.

Введение

Интерес к изучению Библии и библейской фразеологии вызван не только самой проблематикой, нравственным потенциалом библейских текстов, но и неограниченными языковыми возможностями библейской фразеологии.

Традиционно под библейской фразеологией понимается фразеология, источником которой являются Библия, книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Поскольку Библия в значительной степени влияет на развитие культуры народов, исповедующих христианство, а также является одним из источников интернациональной фразеологии, то библейскую фразеологию можно считать важнейшим

элементом европейских языков. В разных языках на основе библейских текстов образовались национально-маркированные фразеологические единицы библейского происхождения.

Язык – неотъемлемая часть истории и культуры его народа-носителя. С каждым последующим поколением в языке появляется что-то новое, присущее только ему, и тем самым придает ему неповторимое своеобразие.

Факт зависимости мироощущения субъекта культуры от национального языка является ныне общепризнанным. Многие культурные концепты, выраженные фразеологическими единицами, образуют то смысловое пространство, в рамках которого материальный и духовный опыт народа воспроизводится в языке благодаря сложившимся в традиции культурным кодам. В этой связи сопоставление французской и русской культур, в частности, выражений библейского происхождения, позволяет не только оценить национально-культурное своеобразие данных фразеологических единиц, но и определить особенности национального мироощущения, передаваемое библейскими таксонами культуры [Гак 1997].

В рамках данной работы применяя сравнительно-исторический метод мы попытаемся проанализировать некоторые русские библейские фразеологизмы, соотнести их с соответствующими им французскими библеизмами и проследить их эволюцию в историческом плане. На данном этапе сопоставительного анализа предполагается выявление фразеологизмов одинакового содержания, т. е. эквивалентов и синонимов, в обоих языках и их интерпретацию, что поможет также определить изменение значения конкретного фразеологизма в диахроническом разрезе. Библейские фразеологизмы приводятся по французско-русскому словарю В. Г. Гака [Гак 2005].

Экспериментальное исследование

Быть на седьмом небе. По некоторым источникам, данное выражение восходит к сочинению Аристотеля, по другим – к текстам Корана и Древней Иудеи. В современной русской речевой культуре приведенный пример является символом состояния радости, счастья, блаженства человека и в этом смысле может рассматриваться как эквивалент французского *être au septième ciel* [Bologne 1991]. Однако основной семантический признак, обуславливающий французское

национально-окрашенное употребление, выражается как «переживание любовного экстаза, экзальтированное чувство блаженства» [Гак 2005, с. 625].

В русской языковой культуре внутренний смысл образа далеко не всегда связан с представлением о чувственных переживаниях человека, навеянных ощущением любовных страстей (ср. русский библеизм *рай земной*, передающий идею изобилия, красоты, возможного счастья, и французский библеизм-аналог *paradis terrestre*, являющийся фразеологическим синонимом библеизма *jardin d'Edem*, смысловое содержание которых представляет не столько обозначение места изобилия, нетронутой природы, сколько естественность, простоту нравов и поведения) [Bologne 1991].

Козел отпущения. Фразеологизм, сформировавшийся под влиянием ветхозаветного сюжета (Левит, 16:21–26), укоренился в двух сравниваемых языках и может рассматриваться как образ-эталон человека, на которого сваливают всю вину за что-то, т. е. «без вины виноватого». В русском литературном языке XIX в. широко употреблялись синонимы данного библеизма *козел искупитель* и французское заимствование в нетранслитерированной форме *souffre-douleur* – *жертва преследования, несправедливости, насмешек*. Широкое употребление этих фразеологизмов-синонимов в русском языке свидетельствует об особой популярности этого образа в русской речевой культуре и отражено в тех явлениях социальной жизни, которые получали это метафорическое наименование. Заметим, что данные библеизмы обозначали не только субъекты действий, но и объекты, ситуации, социальные институты. Эмотивная оценка французского библеизма-эквивалента *bouc émissaire* довольно высокая, а семантическая структура образа не включает таких неодобрительных признаков-характеристик, как в русском варианте (ср., например, содержательный инвариант данного библеизма, встречающийся в русской трактовке: *дурак, которым все пользуются; самый крайний; сам виноват* и французский *человек, на которого возлагают вину за всё и всех; мишень для насмешек; невинная жертва; искать виновного*) [Bologne 1991]. Можно полагать, что для современных русских плохо и предосудительно быть *козлом отпущения*, тогда как для французов – это скорее несправедливо. Неслучайно контекстное употребление данного французского библеизма скорее рассматривается в социальном плане: оценивается не субъект действия, как в русской

речевой культуре, а некорректное отношение государства, социальных и политических структур к человеку [Гак 2005].

Бросить камень (*в кого-то*). Данный библеизм, сложившийся на основе евангельского сюжета (Иоанн, 8:7), является более употребительным в русской речевой культуре, чем во французской. Значение и эмотивная коннотация данного библеизма тождественна в двух языках. Однако во французском языке под влиянием различных версий переводов Библии библеизм *jeter la pierre à qqn* закрепился в различных семантико-синтаксических вариантах, а его употребление чаще всего встречается в отрицательных конструкциях: *ne pas jeter la pierre à qqn* [Bologne 1991]. Для французского и русского языков характерно употребление библеизма в императивной модальности, но экспликация определенного субъекта этого действия практически отсутствует во французском языке, что создает эффект обобщения, смягчения характеристик за счет не прямой номинации (ср.: *il ne faut pas trop se hâter de leur jeter la pierre; ne jetons pas la pierre aux autres; qu'on ne pouvait jeter la pierre aux fidèles; qu'on ne lui jette pas la pierre*) [Bologne 1991].

Нести свой крест. Это библейское выражение, сложившееся во фразеологизм под влиянием библейских сюжетов (Матф., 6:24; 6:27–32), употребляется в современных русской и французской (*porter sa croix*) культурах в значении терпеливо переносить страдания, выносить удары судьбы. Укажем основные дифференцирующие семы, структурирующие данный библейский образ и определяющие национально-специфическое употребление этого фразеологизма во французской и русской культурах. Подобное сравнение представляется тем более интересным, что символическое прочтение опорного, исходного наименования в составе библеизма – *крест / croix* – идентично в двух языковых культурах – символ страданий, тягот, испытаний. В современном французском самосознании фразеологизм *porter sa croix* передает идею необходимости преодоления трудностей, испытаний, при этом «самостоятельно, гордо, терпеливо» [Bologne 1991]. Неслучайна и высокая эмотивная оценка данного французского библеизма, т. е. считается, что «это нормально». В русской культуре наблюдаются следующие семантические признаки, характеризующие концептуальное содержание данного библеизма: покорно и терпеливо принять свою участь, нести тяготы, смириться со своей судьбой. Очевидно, что базовая идея, лежащая в основе русского библеизма,

может быть прочитана как «смирненное и покорное принятие своей участи, по-своему предопределенной для каждого». Показательно, что семантический признак «необходимости преодоления трудностей» полностью отсутствует в оценке структуры образа русского библеизма. На фоне единодушного эмоционально-оценочного отношения французов к культурологическому содержанию библеизма *porter sa croix* русское противоречивое восприятие этой библейской установки можно объяснить изменением социально-исторических условий жизни в целом и сменой социально-психологической ситуации, в частности. Думается, что образ апостольского принятия жребия, самоотречение и страдание ради высших духовных идеалов и ценностей столь характерный для эпохи, например, декабристов, русской интеллигенции Серебряного века и др. более не актуален. Показательно, что данное библейское выражение вызывает сегодня скорее отторжение и критически философское отношение. Такие же семантические признаки, как «терпеливо, покорно, смиренно, согласно (принять свою участь)» могут рассматриваться как базовые элементы национального самосознания, которые не зависят от смены социальной психологии [Barr 1988].

Видеть соринку в (чужом) глазу. Этот библейский фразеологизм, сформировавшийся на основе евангельского сюжета (Матф., 7:3–5), является одним из самых употребительных фразеологических единиц современного русского языка. Разнообразные семантико-синтаксические трансформы этого библейского выражения в современном дискурсе свидетельствуют о полном освоении этого выражения русской речевой культурой и его широкой популярности среди носителей русского языка. Во французской речевой культуре этот библеизм не столь употребителен, тогда как его сокращенный инвариант *la paille et la poutre* оказывается более предпочтительным в употреблении, чем развернутая форма этой библейской цитаты (*il voit la paille dans l'oeil du voisin et ne voit pas la poutre dans le sien*, ср. *сучок в чужом глазу замечать, а бревна в своем не видеть; видеть у ближнего в глазу сущу, у себя не видеть и бревна; увидел соломинку, а бревна за собой и не заметил* и т. д.). Большая распространенность библеизма *la paille et la poutre* обусловлена тем, что этот фразеологизм лишь «намекает» в аллюзивной форме на некритическое отношение к себе и к чему-то или кому-то, что позволяет субъекту речи смягчить акценты своего суждения и предупредить резкую реакцию со

стороны слушающего. Форма библеизма, характерная для русского языка, несвойственна французскому языку, поскольку предполагает достаточно точную и определенную оценку другого субъекта. Подобное речевое поведение во французской культуре не соответствует социальной норме коммуникативных отношений, которая, по мнению многих исследователей, обладает общей тенденцией к аллегоричности дискурса, иносказательности речи, психологически рассчитанных на предупреждение негативных эмоциональных реакций. В пользу этого тезиса говорят и другие факты употребления фразеологических единиц, в том числе и библеизмов, формальная структура деформации которых развивается в направлении «свертывания» цитаты, редукации образа. Для русской речевой культуры характерен, по-видимому, другой процесс: выражение языковыми средствами четких характеристик, императивных высказываний, с указанием субъектов действий и должного стиля поведения. Эти языковые черты русского самосознания можно, по всей вероятности, рассматривать, как своего рода словесный радикализм с четким противопоставлением объектов речи по качеству. Неслучайно русские неосознанно расширяют структуру библеизма при его переводе с французского языка на русский: *fruit défendu* – *запретный плод сладок*; *ce qui est écrit est écrit* – *что написано пером не вырубишь топором*; *enfouir son talent* – *зарывать свой талант в землю*; *ramener au bercail* – *вернуть в стадо заблудшую овцу* и др. [Варт 1988].

Заключение

Итак, рассмотренные нами лишь некоторые примеры употребления библеизмов в качестве инструментария французской и русской культур свидетельствуют не только о национальном своеобразии восприятия и трактовки тех или иных образов, но и об определенной избирательности собственно культуры в обозначении и оценке реальной действительности. В связи с этим можно говорить об «относительной автономности картин мира, а также утверждать, что каждый отдельный язык имеет определенный способ восприятия и организации мира» [Верещагина 2016, с. 22].

Наши наблюдения показали, что особенности функционирования библеизмов во французской и русской культуре, с одной стороны, объясняются экстралингвистическими причинами, в первую очередь речь идет о неразрывной связи библейской фразеологии с ее источником,

с другой стороны, очевидно функционирование собственно языковых законов. Библизмы являются неотъемлемой частью лексико-фразеологической системы французского и русского языков, и, следовательно, испытывают такие же изменения, обусловленные эпохой и мироощущением языкового коллектива, как и вся система языка. Изменение роли Церкви в жизни французского и русского общества и различный культурный фон создают новые условия для использования библейской фразеологии. В ее употреблении могут сочетаться реализация первичного значения, переносного значения, а также восстановление стертых метафорических моделей и создание новых метафорических образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верецагина А. В.* Репрезентация ветхозаветных событий в русских и французских фразеологических единицах, образованных от антропонимов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 2 (741). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 22–35.
- Гак В. Г.* Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 55–65.
- Гак В. Г.* Новый большой французо-русский фразеологический словарь. Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe: более 50 000 выражений. М. : Рус. яз. Медиа: Можайский полигр. комб., 2005. XX, 1624 с.
- Barr J.* Sémantique du langage biblique // Traduction française par Auscher et J. Prignaud. P. : Les Editions du Cerf, 1988. 344 p.
- Guiraud P.* Les locutions françaises. P. : PUF, 1962. 122 p.
- Bologne J-C.* Les Allusions bibliques. Dictionnaire commenté des expressions d'origine biblique. P. : Larousse, 1991. 289 p.

УДК 82.091, 82 (141-146)

А. Д. Жук

кандидат филологических наук; доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы МГЛУ; alexanzhuk@mail.ru

МИФ И МИФОТВОРЧЕСТВО В ГИМНИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ И. К. Ф. ГЁЛЬДЕРЛИНА, О. БАРБЬЕ И С. ГЕОРГЕ

В статье рассматривается миф и мифотворчество в гимнических циклах И.К.Ф.Гёльдерлина, О. Барбье и С. Георге. Автор исследует принципы создания мифа и его эволюцию от сферы божественного (И. К. Ф. Гёльдерлин) к сакрализации человеческого бытия (С. Георге) через проблему взаимоотношений богов илюдей (О. Барбье). Для произведений всех трех поэтов характерны антропоморфизм и цикличность. Особенность гимнов Барбье – появление зооморфного божества (Кибела). В гимнах Барбье и Георге присутствует мотив метаморфоз. В центре гимнов Георге – оппозиция «жизнь – смерть».

Гёльдерлин создает свой собственный пантеон, который включает Гения Греции, Гения Молодости, Гения Отваги, Музу, Богиню Любви, Богиню Бессмертия, Богиню Гармонии и Красоты – Уранию, Богиню Свободы, а также ряд второстепенных божеств. Божества имеют определенные черты сходные с античными, но не являются их копией, а переосмысливаются автором в связи с его собственным мировоззрением, синтезирующем в себе разные философские и религиозные учения. К особенностям творимого И. К. Ф. Гёльдерлином космоса относятся изменение функций античных божеств (Уrania, Гений Греции), создание новых божеств (Богиня Бессмертия), синтез дионисийского, орфического и христианского начал.

Барбье также создает свой собственный пантеон, но в него входят только четыре божества. Но, в отличие от Гёльдерлина, О. Барбье больше интересует проблема взаимоотношений богов и людей и особенности проявления божественного начала в земной жизни человека, а мифологическое начало даже в этих произведениях выражено неравномерно.

В отличие от предшественников, у поэта-символиста Георге происходит мифологизация исключительно человеческого бытия, мифологическое начало связано с созданием не пантеона божеств, а некоего идеального мира, существующего в воображении автора.

Ключевые слова: миф; метаморфозы; цикличность; антропоморфный; зооморфный; романтизм; символизм; трансформация; изменчивость.

Zhuk A. D.

PhD (Doctor of Philology), Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature; MSLU; alexanzhuk@mail.ru

---

MYTH AND MYTHMAKING IN THE CYCLES OF HÖLDERLIN'S, BARBIER'S AND GEORGE'S HYMNS

The article is devoted to myth and mythmaking in the cycles of I. C. F. Hölderlin's, A. Barbier's and S. George's hymns. The author researches the principles of myth construction and myth evolution from Gods (I. C. F. Hölderlin) to men (S. George) through the problem of their relationships (A. Barbier). The recurrence and anthropomorphic and zoomorphic features of images are noticed. The article tells about the motive of metamorphoses and the opposition between life and death.

Key words: myth; metamorphoses; recurrence; anthropomorphic; zoomorphic; Romanticism; symbolism; transformation; mutability.

Введение

В своих гимнических циклах И. К. Ф. Гёльдерлин, О. Барбье и С. Георге творят миф, что во многом объясняется романтическим мировосприятием или близостью авторов к романтической традиции, которой присуще представление о гении, творящем свой собственный мир. Данная идея, с одной стороны, соотносится с положением И. Г. Фихте об абсолютном Я, творящем не-Я [Фихте 1916], с другой – соответствует взглядам раннего Ф. Й. В. Шеллинга, писавшего о необходимости создания новой мифологии. Причем в качестве мифотворца у Ф. Й. В. Шеллинга выступает именно поэт.

Понятие и методология

Миф, в том числе античный, всегда говорит о создании космоса из существовавшего прежде хаоса, что особенно характерно для античного мифа [Лосев 1995; Мелетинский 1995]. Особенностью мифа также является его цикличность, когда прошлое во многом определяет современную судьбу человека. И люди, и боги изображаются в мифе в некотором идеальном состоянии. При этом всё, о чем говорится в мифе, воспринимается мифологически мыслящим человеком как истина. Наиболее ярко все эти признаки выражены в гимнах Гёльдерлина, хотя присутствуют и в творчестве двух других авторов.

Основная часть.

Миф и мифотворчество в гимническом цикле И. К. Ф. Гёльдерлина

И. К. Ф. Гёльдерлин творит миф, и каждое произведение оказывается частью этого мифа, но, в отличие от ранних мифологий, мы имеем

дело с сознательным мифотворчеством автора, которое, по его мнению, позволяет увидеть то, что недоступно обывателю. Содержанием мифа у Гёльдерлина является сфера сакрального. Так, каждый из гимнов 1789–1791 гг. посвящен одному из божеств создаваемого поэтом пантеона, на что указывают уже сами названия стихотворений: «Hymne an den Genius Griechenlands», «Hymne an die Unsterblichkeit», «Hymne an die Göttin der Harmonie», «Hymne an die Muse», два варианта «Hymne an die Freiheit», «Hymne an die Schönheit», «Hymne an die Liebe», «Hymne an die Freundschaft», «Hymne an den Genius der Jugend» и «Dem Genius der Kühnheit. Eine Hymne». Пантеон включает в себя Гения Греции, Гения Молодости, Гения Отваги, Музу, Богиню Любви, Богиню Бессмертия, Богиню Гармонии и Красоты – Уранию, Богиню Свободы, а также ряд второстепенных божеств.

Божества имеют определенные черты, сходные с античными, но не являются их копией, а переосмысливаются автором в связи с его собственным мировоззрением, синтезирующем в себе не только античное и христианское, но и самые разные философские и религиозные учения.

Так, в античной мифологии, прежде всего в древнеримской, Гением называлось сначала божество, являвшееся прародителем рода, а затем бог мужской силы, олицетворявший внутренние силы и способности мужчины. Постепенно так стали именовать самостоятельное божество, рождавшееся вместе с человеком и руководившее его действиями. Своих гениев имели не только люди, но и города, отдельные местности. У И. К. Ф. Гёльдерлина в «Hymne an den Genius Griechenlands» (1789) говорится о Гении целой страны – Греции. Вместе с тем божество наделяется новыми чертами и связано с романтическим понятием гения. Если у других авторов оно соотносилось с человеком, а высшая сила, наделявшая поэта этой способностью, как правило, получала другие названия (Универсум и т. п.), то у И. К. Ф. Гёльдерлина гений – это дух, сходящий на поэта и показывающий то, что он не способен увидеть, будучи обычным смертным человеком. Так, опьяненный Гомер (в тексте *Mäonide*) способен узреть пояс Афродиты благодаря помощи Гения Греции и даже стать одной из ипостасей божества (6 строфа). Отношение, в котором Гомер находится к Гению Греции, сродни отношению, в котором в христианстве Христос находится к Богу Отцу. Являясь ипостасью Гения Греции, древнегреческий поэт превосходит окружающих

людей, но его превосходство основано на огромной любви к миру, не только к людям, но и ко всему земному и небесному. Как и в античном мифе, образ обладает телесностью и антропоморфным характером, на что указывают соответствующие черты божества: (*deine*) *Schläfe*, / *Die goldgelockten Schläfe, liebenden Auge, dein Mund*¹ и т. д., создающие внешний облик Гения Греции.

В сходном смысле трактуются поэтом и образы Гения Молодости и Гения Отваги в одноименных гимнах.

К особенностям творимого И. К. Ф. Гёльдерлином космоса относится также изменение функций античных божеств. Наиболее яркий пример – Урания, которая в античной мифологии была всего лишь музой астрономии, а у И. К. Ф. Гёльдерлина превращается в богиню Гармонии и Красоты, управляющую всем миром, творящую его и дающую жизнь всему земному. Эта функция богини подчеркивается эпиграфом, взятым из романа И. Я. В. Гейнзе «Ардингелло и блаженные острова» и говорящим об Урании как о блестящей деве, которая «держит» вселенную в «неистовом восхищении». Всё в мире подчинено божественной воле богини, в том числе и поэт-пророк, получающий от нее свой творческий пророческий дар. Она источник всего доброго и прекрасного, вечной полноты красоты и обширного океана величия (2 и 9-я строфы).

Тем самым, как и другие гимны И. К. Ф. Гёльдерлина, «Hymn an die Göttin der Harmonie» (1790) соотносим с античными и ранними христианскими гимнами, представлявшими собой восхваление божества.

Религиозные чувства поэта по отношению к Богине Гармонии выражаются через образы самой Богини Гармонии – Урании и ее сына поэта-пророка, опьяненных любовью холмов и юной долины, моря, обнимающего дикой рукой скалы, висящие на материнской груди, самих скал, уподобленных божественным сыновьям Ориона и др. Все они тесно связаны друг с другом, каждый занимает подобающее ему место в творимом поэтом мире. Каждый мифологически реален, и потому выходит за рамки собственно литературного образа.

Другим примером подобной трансформации традиционного образа может служить «Hymne an die Muse» (1790). В античной мифологии музами назывались девять сестер, дочерей Зевса и Мнемозины.

¹ Зд. и далее в цитатах воспроизводится орфография оригинала.

Каждая из муз покровительствовала определенной области науки или искусства. Стихотворение И. К. Ф. Гёльдерлина обращено к Музе как одному единственному божеству, покровительствующему поэзии, что характерно для немецкой литературы XVIII в.

Но подобные стихотворения создавались до И. К. Ф. Гёльдерлина в основном в жанре оды, а не гимна, ибо последний относился к жанрам религиозной поэзии и предполагал восхваление божества. И. К. Ф. Гёльдерлин отчасти следует этой традиции, но восхваляемым божеством здесь оказывается уже не Бог в христианском понимании, а Муза, что сближает стихотворение с предыдущими. В отличие от предшествующей одической традиции, Муза воспринимается поэтом как реально существующее божество, а произведение представляет собой выражение религиозных чувств поэта, вызванных ее явлением. Это передается через соответствующую лексику: *Himmlische, Königin der Geister, Göttergnaden, die Seele, Götterkraft* и т. д. В тексте гимна много стихов, начинающихся с *Und*, что вызывает ассоциации с библейским текстом, для которого это характерно. Муза взаимодействует с другими божествами, входящими в создаваемый поэтом пантеон, в частности с Богиней Бессмертия, ибо вознаграждает бессмертием «великие души» (5-я строфа), однако в отличие от нее она более тесно связана с земным миром. Являясь создательницей света и жизни, она несет их в человеческий мир (3–5 строфы). В этом и ее отличие от Урании, гармонизирующей прежде всего небесный мир.

В гимнах возникает ряд собственных божеств, генетически восходящих к самым разным традициям, но переосмысливаемых в соответствии с мировоззрением автора. В качестве примера можно привести Богиню Бессмертия. Такой богини нет ни в христианской, ни в древнегреческой, ни в древнеримской, ни в иудейской религии. Это божество создается И. К. Ф. Гёльдерлином на основе синтеза христианской и античной традиций. Бессмертие связано с вдохновением, которое «не может наглая ложь осквернить», а также с поэзией, а через нее с другими божествами пантеона, в том числе с Гением Греции. Общение с Богиней Бессмертия позволяет человеку справиться с низкими страстями и, самое главное, познать самого себя, свою глубинную сущность (стихи 41 – 56).

Богиня Бессмертия карает смертью тех, кто идет против ее воли, прежде всего Ориона, Плеяду, Гелиоса, требующих себе бессмертия, и наделяет бессмертием своих избранных, в частности поэта.

Образы Ориона, Плеяды, Гелиоса и других божеств мыслятся поэтом как некая живая реальность. Отсюда их предельная зримость: войска Ориона «сверкают», гордый величественный (*Majestätisch*) Гелиос уносится на огненной колеснице в поле безмерности и требует себе бессмертия, ибо, хотя он является божеством, он смертен. Смертное божество характерно для античной мифологии, но невозможно в христианстве, где Бог вечен. Это сближает творимый автором космос с античным.

Идея смертного Бога первоначально была связана исключительно с Дионисом, который умирал и воскресал, однако позже возникло представление о смерти богов, в том числе о смерти Зевса, точное время которой известно только титану Прометею.

Но даже предсказание конца олимпийских богов не вызвало появления в античной мифологии Богини Бессмертия. Она появляется у И. К. Ф. Гёльдерлина, и благодаря этому эсхатологический миф, определяющий судьбу богов, а значит и судьбу мира, изменяется, ибо смерть одних, даже смерть земли и неба, не означает смерти других, которых Богиня Бессмертия приблизила к себе и наделила вечной жизнью. Во многом это напоминает картину Страшного суда в христианстве. Но в роли «грешников» здесь оказываются не только люди, но и божества, чья вина состоит в гордости, и это сближает И. К. Ф. Гёльдерлина с христианством. Гордые божества Античного мира – Гелиос, скалистые горы, великаны, Ураган и Океан, мечтающие о бесконечной толпе своих творений, укоренившихся в вечном всемирном плане (*in dem ew'gen Weltenplan*), – требуют себе бессмертия, т. е. думают прежде всего о себе, а бессмертием вознаграждается любовь, ибо она направлена на других, в чем проявляется близость к христианским идеям.

В то же время связь образа смертного бога с образом Диониса неслучайна: именно дионисийское начало – одно из основных в творимом поэтом космосе. Отсюда постоянно возникающий в гимнах мотив «опьянения». Так, в «Hymne an den Genius Griechenlands» «опьянение» связано с образом опьяненного Гомера (*Der trunkene Mäionide*). Поэт, в том числе и Гомер, не способен творить без помощи высших сил, поэтому творческий акт равносителен чуду. В «Hymne an die Unsterblichkeit» (1790) возникают образы опьяненного восторгом (*wonnetrunken*) поэта-пророка, «сына земли», пьющего свое гордое мужество из волшебной чаши будущего (*Aus der Zukunft zauberische Schale / Trinkt sich stolzen Mut der Erdensohn*

[Hölderlin, 1970, Bd. 1, с. 212]), а также души, пьющей радость победы, одержанной над могилой и временем (*Wird die Seele Siegeswonnen trinken, / Hoherhaben über Grab und Zeit* [там же, Bd. 1, с. 211]). Состояние же, которое в этот момент переживает поэт, равносильно «опьянению», которое следует понимать прежде всего как «опьянение» духа, когда сам поэт не сознает того, что делает, ибо в этот момент им руководит некая высшая сила – Гений, по И. К. Ф. Гёльдерлину. Такой взгляд на поэтическое творчество характерен для романтизма [Новалис 1990]. Поэт, в данном случае опьяненный Гомер, в минуты вдохновения-опьянения становится одной из ипостасей Гения, его земным воплощением, на что указывает использование местоимения 2-го лица ед. ч. *du*, обращенного одновременно и к Гению Греции, и к Гомеру, а также превращает поэта в пророка. Так уже в ранних стихотворениях обнаруживается одно из основных начал в поэзии И. К. Ф. Гёльдерлина – дионисийское начало, о котором, начиная с Ницше, писали многие исследователи¹, игнорируя, однако, по непонятным причинам данный гимн, где, как и в ранней лирике И. К. Ф. Гёльдерлина, уже присутствуют те черты, которые впоследствии будут характерны для его зрелых произведений.

Традиционно исследователи связывают дионисийское начало исключительно с разрушением и смертью. Однако тексты гимнов И. К. Ф. Гёльдерлина свидетельствуют, что всё далеко не так однозначно. Так, в «Hymne an die Unsterblichkeit» дионисийское начало, а значит и поэзия, ибо пророком является поэт, связана с жизнью (*Leben*) и достойна бессмертия. Больше того, смерть воспринимается не как конец земной жизни, а как начало новой, истинной жизни, как обретение поэтом своего настоящего Отечества (12 и 14 строфы), от которого он оторван, поскольку живет на земле, но в которое он обязательно вернется после смерти. Это религиозное восприятие мира, близкое, с одной стороны, к христианскому, с другой – имеющее много общего с платоническим учением о царстве эйдосов, ибо здесь душа также сначала вынуждена покинуть свое Отечество, о котором где-то в глубине сохраняется лишь память, и затем вновь возвращается в мир, который покинула, когда поэт умирает. В данном случае акцентируется момент мифа, связанный с идеей возрождения и воскресения. Смерть, таким образом, означает новое рождение в ином

---

¹ О дионисийском начале в творчестве И. К. Ф. Гёльдерлина писали В. Михель, Л. Висман, А. Бек и мн. др.

более высоком духовном качестве, на что указывают и слова о *материнской руке* Богини Бессмертия, которая поддерживает своего сына, вступающего в новую жизнь (стихи 85–88).

Духовное опьянение является своеобразным переходом из одного мира в другой, от земного к высшему духовному началу. Это состояние духа позволяет поэту вернуться в свое истинное Отечество, но вместе с тем лишает его возможности жить земной жизнью, ибо для земного мира он умирает. «Опьянение» (*Trunkenheit*) приводит не к разрушению духовной гармонии, царящей в истинном Отечестве поэта, а к достижению ее. Именно такой гармоничный мир, в котором господствует духовность, рисует И. К. Ф. Гёльдерлин в двенадцатой строфе гимна. Здесь процветает добродетель, здесь мыслитель постигает глубинные основы бытия, а смерть героя и смерть за Отечество вознаграждается соответственно пальмовой ветвью и ангельским поцелуем. Это царство абсолютной свободы духа, не скованного никакими оковами, своеобразная картина рая так, как его мыслит И. К. Ф. Гёльдерлин.

В «*Hymne an die Muse*» вновь возникает идея вдохновения-опьянения, связанного с чудом, любовью и жизнью. Показателен в этом плане образ опьяненной красотой радостной толпы, смеющейся над счастьем и временем. Счастье и время – это именно то, что определяет жизнь обывателя, для которого бессмертие невозможно именно в силу его связи с материальным – конечным миром. Но почему радостная толпа смеется над счастьем? Немецкое *Glück*, используемое И. К. Ф. Гёльдерлином, означает также «благополучие», «успех», т. е. это «материальное» счастье, счастье в понимании обывателя. Подобному счастью противостоит духовное наслаждение, доступное только «высоким душам» и подвигающее их на героические поступки (строфы 13–14).

Наряду с дионисийским, не менее важным в творимом поэтом космосе является орфическое начало, также связанное с христианским. Так, Гомер из «*Hymne an den Genius Griechenlands*» превосходит окружающих людей, благодаря огромной любви к миру, обнимающей всё земное и небесное. В христианстве именно Христос является наиболее полным и совершенным воплощением любви. В гимне Гёльдерлина таким воплощением любви становится Гомер (*Mäonide*). Орфическая любовь – часть Его сущности. Орфей путешествует к Ахерону, подчиняясь высшей воле – воле Гения Греции:

Du kommst und Orpheus' Liebe / Schwebet empor zum Auge der Welt / Und Orpheus' Liebe / Wallest nieder zum Acheron [Hölderlin, 1970, Bd. I, с. 214]. Этот фрагмент восходит к мифу об Орфее и Эвридике. Но Гёльдерлин изменяет миф: Орфей путешествует к Ахерону, благодаря помощи Гения Греции, который наделяет его такой силой. Причина этого – в силе любви Орфея.

Сила любви позволяет смертному приблизиться к богам, в случае с Гомером даже стать ипостасью божества. Любовь – божественное начало в человеке, и тот, кто руководствуется в своих поступках этим чувством, оказывается в особой милости у богов, что проявляется в наделении любящего особыми способностями. Сердце же поэта в большей степени, чем сердце человека простого, открыто этому чувству, и именно вследствие этого поэт особенно близок к божеству. Но Любовь – это одновременно и дар, которым боги, в частности Гений Греции, наделяют своего избранника-поэта, получающего благодаря этому дару способность видеть и творить то, что не доступно смертному.

В «Hymne an die Göttin der Harmonie» не только поэт и мир гармонии создаются Уранией при помощи Любви (8 строфа), но и служение поэта этому миру, а значит и Урании, заключается в жертвенной любви к Богине. Урания говорит своему избраннику, что она будет являться ему редко, но он всё равно должен любить ее, даже в ее отсутствие, тогда он будет вознагражден (10 строфа). Слово *любовь* является здесь ключевым. На протяжении всех трех строф повторяются слова с корнем *lieb-*: *liebe*, *Liebe*. Только любовь способна позволить поэту приблизиться к Богине. И его слезы, и его прекраснейшие порывы сотворены «творческим поцелуем» (*shöpferische Kuß*) Богини. Здесь сочетаются две наиболее важные для поэта идеи – идея любви и идея творчества. Любовь является началом, исходным моментом любого творчества, в том числе и началом творения мира, которое тоже есть творчество, но здесь в качестве автора-творца выступает Богиня Гармонии.

Вся предшествующая литературная и даже культурная традиция выступают в этом случае как пре-текст, осмысливаемый как сакральный текст, на основе которого создается новый миф, сохраняющий, как правило, ряд черт, характерных для древних мифологий, в частности цикличность. Только в данном случае в своеобразный мифологический цикл превращается творчество автора, что поддерживается на

уровне образов, переходящих из одного произведения в другое и приносящих при этом в новый текст все значения, которые были у данного образа в предыдущих произведениях. Так, образ поэта в «Hymne an die Unsterblichkeit» несет в себе значения, которыми этот образ обладал в более раннем «Hymne an den Genius Griechenlands», т. е. он связан и с образом Орфея, и с образом опьяненного Гомера, и вместе с тем на символическом уровне с образами Диониса и Христа. Благодаря такому принципу все гимны и, даже больше того, все произведения И. К. Ф. Гёльдерлина, тесно связаны друг с другом, образуя бесконечный цикл, сродни циклам античной мифологии. Каждое новое произведение – лишь одна из ступеней на бесконечном пути, возвращающемся к своему началу, как возвращается к своему началу в конце всё в этом мире. Эта черта, характерная для античного мировоззрения, присуща в огромной степени И. К. Ф. Гёльдерлину. Тем самым религиозное мировоззрение поэта несет в себе наряду с христианскими черты античного космогонического взгляда на мир.

Миф и мифотворчество в гимническом цикле О. Барбье

Для О. Барбье, чей цикл «Chants civils et religieux» был создан в 1841 г., как и для И. К. Ф. Гёльдерлина, характерно стремление создать свой собственный космос, а точнее, открыть его читателю, показать присутствие сакрального начала как в природе, так и в человечестве, что приводит к появлению в цикле мифологического начала. Так, уже во вступительном призыве (Invocation) идет речь о божественном начале, связывающем и объединяющем все *вещи в мире*.

Вместе с тем в отличие от романтиков (в частности И. К. Ф. Гёльдерлина), у которых мифотворчество охватывало все произведения, в «Chants civils et religieux» стихотворения можно разделить на две группы. Большая часть – это гимны с ярко выраженным христианским началом, восхваляющие Бога и все возможные проявления божественного начала: в мире – Свободу, Дружбу, Чистосердечие, Милосердие; в жизни человека – Брак, Семью, старость; в природе – горы, виноград и пшеницу. К этой же группе относятся тексты, указывающие человеку путь к Богу (гимны в честь Труда и даже могилы) и три песни, написанные от лица поэта, Победы и стариков. В этих песнях образы, вынесенные в заглавие, представляют собой восходящие к одической (не гимнической!) традиции образы-персонификации.

Гимнов с мифологическим началом, которые нас и интересуют, намного меньше. В них создается своеобразный пантеон божеств, в который входят Солнце, Луна, Уран и богиня земли Кибела. Подобное стремление объясняется не только влиянием на творчество поэта немецкой литературной традиции, о чем свидетельствуют самые разные произведения данного автора [Жук 2011, с. 82–85], но и тенденциями французской культуры. Неслучайно именно во Франции возникает идея создания пантеона. В то же время, в отличие от И. К. Ф. Гёльдерлина, О. Барбье больше интересуется проблема взаимоотношений богов и людей и особенности проявления божественного начала в земной жизни человека, а мифологическое начало даже в этих произведениях выражено неравномерно.

Наиболее яркий пример – «*Hymne à la terre*» (1841), в примечании к которому автор пишет, что использование мифологического образа Кибелы дает ему большую поэтическую свободу. И это действительно так, ибо, в отличие от поэтов-классицистов и просветителей, О. Барбье создает миф о появлении человека и его борьбе с богиней земли.

Кибела в античном мифе – фригийская богиня гор, лесов и зверей, близкая по своим функциям к Рее и иногда с ней отождествлявшаяся [Мифы народов мира... 1992]. Она требовала от своих служителей полного подчинения и забвения в экстазе. Ее сопровождали безумствующие корибанты и куреты, а также львы и пантеры. Культ почитания богини был довольно жестоким и требовал от жрецов нанесения себе ран. В мифах рассказывается история об Аттисе, который, по одной из версий, был жрецом храма Кибелы и ее любимцем, но увлекся нимфой. Богиня наказала Аттиса, наслав на него безумие, вследствие чего он оскотил себя.

О. Барбье меняет миф: у него Кибела – богиня-девственница, которая борется с человеком, преследующим ее и стремящимся ею овладеть. В отличие от античного мифа, связанного с оргиастическим началом, в гимне с самого начала подчеркивается чистота богини: *Et sa gorge embaumée était si blanche et pure...* [Barbier, 1843, с. 9]. Она открывает (в тексте *découvrant*) человеку величие красоты (*De sublimes beautés*), но отступает перед «жадным» объятием (*elle recula devant l'étreinte avide* [там же, с. 10]).

Гимн включает в себя речь человека, обращенную к богине, в которой человек называет себя сначала супругом (*éroux*), а затем только

влюбленным (*amant*) в Кибелу. Он хочет соединиться с ней. Идея бракосочетания человека и божества не нова и встречается часто. Достаточно вспомнить происхождение многочисленных античных героев, а из более позднего – символику бракосочетания неба и ада у У. Блейка. Мотив преследования человеком божества тоже характерен для античной мифологии. В качестве примера можно привести историю Пана и Сиринги. Таким образом, О. Барбье, создавая свой собственный миф, использует мотивы, характерные для разных мифологий.

К таким мотивам принадлежит и мотив метаморфоз, которые происходят с Кибелой по ее собственной воле, и отсутствуют в посвященных ей античных мифах. Чтобы спастись от преследующего ее человека, богиня поочередно превращается в *вулкан (volcan)*, *море (la mer)* и *львицу (lionne)*. Эти метаморфозы, хотя и пугают человека, но не заставляют его отказаться от намерения подчинить себе Кибелу. Каждый раз человек преодолевает страх и побеждает божество во всех его видах (5–12 строфы).

Самым сложным и наиболее ярко описанным поэтом оказывается бой человека с львицей, которая наносит человеку многочисленные раны, но, в конце концов, побеждена:

Mais, hélas! Dans les noeuds de l'étreinte serrée,
L'homme plus d'une fois sentit l'ongle pesant
Labourer le tissu de sa chair déchirée;
Plus d'une fois, hélas! les gouttes de son sang
En longs et noirs sillons tachèrent l'empyrée.
Enfin le monstre cède: et combattant hereux,
L'homme nouant sur lui ses bras comme une chaîne,
Lui fait, gueule béante et poumon sans haleine,
Étendre comme un mort ses membres vigoureux

[Barbier 1843, с. 16–17].

О. Барбье использует миф о погибающем и воскресающем божестве, также характерный для самых разных мифологий. В качестве примеров можно привести мифы о Дионисе и Осирисе.

Земля-Кибела подчиняется человеку-победителю (*vainqueur*). Но человек должен ее почитать, не оскорблять (*ne point te faire injure*), не платить за благодеяние гордым презрением, и самое главное – не забывать о том могущественном монархе (*monarque puissant*), который создал и его, и Землю-Кибелу (*Qui vous tira tous deux des ombres du néant*). В данном случае О. Барбье соединяет переосмысленную им

античную мифологию с христианским представлением о Боге – создателе мира и людей. Усилению мифологического начала способствует то, что Кибела и человек воплощают в себе землю и всё человечество.

Таким образом, хвалебное начало, связанное с восхвалением богини Земли Кибелы, сочетается у О. Барбье с созданием собственного мифа, в котором человек сильнее божества и даже способен подчинить его своей воле, что невозможно ни для античного мифа, ни для большинства других древних мифологий, где, как правило, человек подчиняется судьбе и зависит от богов. Это вполне соотносимо как с присущей Франции идеей пантеона, так и с современной автору философией.

В других гимнах О. Барбье мифологическое начало выражено слабее. Мифологические сюжеты, подобные сюжету, связанному с Кибелой, отсутствуют. Но ряд особенностей, связанных с мифотворчеством, сохраняется. Прежде всего, это антропоморфный образ божества. Так, у Солнца-монарха из «*Hymne au Soleil*» никогда не стареющее лучистое лицо, которое оно являет миру вслед за своей диадемой во время восхода. Божественное начало подчеркивается также тем, что Земля трепещет перед Солнцем, как перед жертвенником в огне.

В «*Hymne à la Nuit*» (1841) Луна подобна любящей сестре, под взглядом которой (*Sous les yeux d'une soeur aimante*) отдыхает (*repose*) земля. *Лоб луны белее опала (son front plus blanc que l'opale)*. В более раннем варианте Луна имела посеребренный лоб (*son front argenté*) и бледное лицо (*au blanc visage*) и уподоблялась любовнице, несущей в своем сердце возлюбленного:

Oui, son beau disque nous retrace
Les lueurs de l'astre enflammé,
Comme une amoureuse avec grâce
Porte en son coeur l'objet aimé

[Barbier 1842, с. 50–51].

Привнесенные автором изменения усилили антропоморфный характер образа и соответственно мифологическое начало. В образе Ночи антропоморфизм выражен в меньшей степени: единственный признак в ее описании, присущий также человеку, – это грудь (*sein*), на которой распускаются *вещи высшие*.

В «*Hymne à la Mer*» (1841) грудь блестящая волны глубокой каждый день выпускает своего лучистого принца, т. е. Солнце, которое так

называется во втором гимне. В этом проявляется еще одна особенность – цикличность, когда произведения не просто объединяются в цикл тематически (что в данном случае вполне естественно), но когда все восхваляемые силы связаны друг с другом и всё в мире образует некий единый цикл.

Солнце обязано своим существованием Морю, как и Любовь, появляющаяся из волн зеленеющих (*des vagues verdoyantes / L'amour est sorti glorieux*) [Barbier 1842, с. 58]. Последний вариант, в отличие от первого, восходит к античной мифологии – к мифу о рождении из морской пены богини любви Афродиты, имя которой О. Барбье не называет. Представление о том, что Солнце обязано Морю своим происхождением, как и в случае с Землей-Кибелой, не соответствует Античности, где бог Солнца Гелиос был сыном титана Гипериона и Фейи [Мифы народов мира... 1992]. Но для творимого поэтом космоса важно не соответствие античным мифам, а представление о Море как источнике жизни.

В гимне присутствует также образ Урана, который, согласно античной мифологии, был одновременно сыном и мужем Геи и отцом Моря-Понта. В варианте О. Барбье о происхождении Урана ничего неизвестно, хотя, как и в Античности, Уран соотносится с небом. На это указывают слова поэта о том, что Уран использует Море как зеркало, чтобы видеть в нем свою тишину или гнев черный:

Chantons les vastes flots! leur cristal magnifique
 Est le splendide et pur miroir
 Où, depuis le repos de la nature antique,
 Le sublime Uranus aime le mieux se voir;
 Et dans lequel le Dieu terrible ou pasifique
 Teint son calme d'azur ou son grand courroux noir

[Barbier 1843, с. 56].

Соединение антропоморфизма и восходящего к одической традиции образа-персонификации происходит в «Hymne à la France» (1843). На лбу Франции природа рассыпала свежесть и изящество (*sur tout front la nature / A répandu la grâce et la fraîcheur*) [Barbier 1843, с. 442], в ее глазах блестящий (*brille*) ум (*l'intelligence*) и веселость (*la gaïté*). Она сидит на неподвижном троне (*sur un trône immobile*) подобно королеве (*comme un reine*) и обзревает (*plane*) огромный мир (*le vaste univers*). Если описание внешности Франции вполне соотносимо с антропоморфными образами божеств из предыдущих гимнов,

то вторая часть описания, представляющая Францию в виде королевы, более традиционна и восходит к подобным описаниям в классицистических одах, например, в следующем фрагменте из оды английского поэта-классициста А. Каули:

Freedom with Virtue takes her seat,
Her proper place, her only Scene,
Is in the Golden Mean...

[Cowley 1927, с. 41].

Кроме того, гимн О. Барбье имеет рефрен «Dieu protège la France!», перекликающийся со словами английского национального гимна «God Save the Queen!» Но, в отличие от английского текста, в гимне О. Барбье монархом оказывается страна – Франция.

В «Hymne à la Mer» присутствует также зооморфный образ: морские потоки изображаются как *устремляющиеся к небесам скакуны (coursiers) с белой гривой (leur chevelure blond) и золотыми ногами (aux pieds d'or)*. Описание заставляет вспомнить колесницу Аполлона, но он не был богом моря. Как и в других случаях, О. Барбье переосмысливает и изменяет античный образ.

Появившись в одном из гимнов, антропоморфный образ остается таковым и в последующих. Например, Земля, представшая в посвященном ей гимне в женском антропоморфном образе Кибелы, и в других гимнах сохраняет соответствующие черты. В «Hymne aux Montagnes» (1843) *она спокойна (calme), и ее глаза обозревают все вещи (et son oeil planant sur toutes choses)* [Barbier 1843, с. 64], а в «Hymne à la Liberté» (1841) *бодрствует (veille) и вздыхает (soupire), плачет (pleure) и выдыхает (expire)*. Все последующие гимны содержат отсылку к божествам, восхваляемым в первых четырех: так, *Горы – это кости Земли, Труд заставляет неблагодарного человека поклониться Солнцу* и т. д.

Вместе с тем мир, творимый поэтом в гимнах, предстает как абсолютно гармоничный, в котором каждый, даже мушка (*mouche*) или клещ (*ciron*) имеет свою часть гармонии в вечном хвалебном хоре. Человек тоже может участвовать в этом хоре, но для этого он должен обладать чистым сердцем (*Mon coeur est aussi pur que toi*) [Barbier 1843, с. 43], чему его учит Солнце. Он должен быть храбрым и пробудить у себя в душе небесное пламя (*une céleste flamme*). Это дает человеку Море. Свобода и Горы соединяют Творца и его творение – человека. Ночь учит его отражать божественное.

В гимне О. Барбье остается характерное для романтизма восприятие ночи как времени, позволяющего увидеть то, что скрыто днем, проникнуть в некий духовный мир. Ночь связывается с бесконечностью, с творчеством, и в этом О. Барбье продолжает традиции немецких романтиков.

Именно к данной традиции, а также к большинству древних мифологий, восходит антитеза дня и ночи: день, в отличие от ночи как идеального времени, *заставляет слишком блестеть землю (fait trop briller la terre)*, а солнце *слишком наполняет наши глаза (remplit trop nos yeux)*. В данном случае именно слово *trop* придает образам некий отрицательный оттенок: день в отличие от ночи лишен гармонии.

Ночь – это время, когда бесконечность миров (*l'infinité des mondes*) раскрывает всё свое великолепие (*Dévoile toutes ses splendeurs*). Ночью звезды на небе прорастают как цветы (*les étoiles profondes / Germent aux cieux comme des fleurs*), и небо становится подобным цветнику (*le ciel est un parterre*). В небесном саду блуждают алые отблески (*On voit maintes lueurs vermeilles / Errer au céleste jardin*) [там же, с. 32], которые уподобляются блестящей реке из молока (*Comme un brillant fleuve de lait*).

На смену ей приходит картина заката солнца и земли, плывущей в волнах мрака. И заканчивается гимн высказанным желанием поэта творить, подобно ночи (*Je dis: Mon âme, fais comme elle...*) [там же, с. 35].

Гимны О. Барбье охватывают всю жизнь человека от его рождения и детского чистосердечия до могилы. В этом плане очень важным представляется «Hymne à la mort», где необычна уже сама тема – восхваление смерти. Смерть, наводящую ужас на всё живое, поэт называет невыразимым благодеянием (*un ineffable bienfait*), ибо она утешает боль ребенка, льет на горькую рану сладкое масло, успокаивающий бальзам и разрубает узы, созданные тиранией и позорной нищетой:

Quelle vieille nourrice et quelle bonne mère
Endorment mieux que toi les douleurs de l'enfant?
Quel médecin meilleur, sur une plaie amère
Verse une huile plus douce, un baume plus calmant?
Quelle tranchant épée et quelle forte lame
Comme toi rompent tous les noeuds

Qu'autour du flanc des malheureux
Serrent la tyrannie et la misère infâme?

[Barbier 1843, с. 202–203].

Смерть, традиционно связываемая с разрушительным началом, превращается в гимне французского поэта в созидательницу, ибо именно она приносит красоту, подобно скульптору, заканчивающему свою работу. Таким образом, О. Барбье действительно выдерживает хвалебный тон на протяжении всего стихотворения.

Мифологическое начало подчеркивается также и на уровне композиции: первая строфа повторяется в конце произведения. Подобная кольцевая композиция подчеркивает на формальном уровне повторяемость жизни и смерти и неизбежность последней, что также свойственно большинству мифологий.

Таким образом, в творчестве О. Барбье, как и у И. К. Ф. Гёльдерлина, миф создается на основе синтеза античных и христианских представлений, переосмысливаемых в соответствии с мировоззрением автора, но акцент переносится на проблему взаимоотношений человека и божества.

Миф и мифотворчество в гимническом цикле С. Георге

В цикле «Hymnen» (1890) С. Георге мифологическое начало также есть, но выражено оно намного слабее, чем у И. К. Ф. Гёльдерлина и О. Барбье. В отличие от предшественников, у поэта-символиста происходит мифологизация исключительно человеческого бытия, мифологическое начало связано с созданием не пантеона божеств, а некоего идеального мира, существующего в воображении автора. Там высокие тростники (*die hohen rohre*¹) развевают свои знамена (*fahnen*), там звучит волн лъстивый хор (*junger wellen schmeichelchore*), чувствуется *prazanax (urduft)*, слышна песня эльфов (*das elfenlied*), на глазах лирического героя расщепляется (в тексте *sich zersplittern*) туманная стена (*die dühne nebelmauer*), и видны блаженные поля (*selige gefilde*) с звездными городами (*Mit sternenstädten*), светящиеся через зубчатую стену ветвей (*der zweige zackenrahmen*), и т. д.

---

¹ Зд. и далее воспроизводится орфография С. Георге, отличающаяся от традиционной.

С одной стороны, это объясняется принадлежностью автора к символизму, которому присуще стремление к синтезу искусств. С другой – связано с соединением французской (Ш. Бодлер) и немецкой романтической литературных традиций, которые поэт развивает.

Именно из этого мира является некая загадочная госпожа (*die herrin*), которую обвивают вуали лунных красок (*Mondfarbne gazeschleier*), а ее веки тяжелы от снов-мечтаний (*traumesschweren lider*). Вместе с тем эта госпожа мыслится и как возлюбленная, что сближает гимн С. Георге с предшествующей немецкой традицией, в частности с Новалисом. Это поддерживается на лексическом уровне: *im kuss, Dem finger stützend deiner lippe nah* [George 1928, с. 13]. Появление Госпожи сопровождается *prazanax*, рассеивающий все остальные ароматы. Этот персонаж явно принадлежит к идеальному миру, но вопрос о божественной или земной природе Госпожи остается открытым.

Как и для всех классических мифологий, для гимнов С. Георге характерна оппозиция жизнь – смерть, реализуемая в текстах через символику цвета. Это серый, желтый, зеленый, голубой, белый. Первые два цвета связаны со смертью, с увяданием. Отсюда образы серых буков, протягивающих руки вдоль морского берега в гимне «Ein hingang», серых листьев, кружащихся по могилам в «Die garten schliessen» (*Graue blätter wirbeln nach den gruften*) [там же, с. 48]. Желтый цвет вытесняет зеленый – цвет жизни: *Dem gelben saatzfeld grüne wiesen weichen* [там же, с. 30]. Белый – одновременно цвет чистоты и цвет траура. Даже голубой цвет ассоциируется со смертью, ибо это цвет пространства, в которое устремлен взгляд умершего поэта («Ein hingang»). Тема смерти может выражаться через образы семой неподвижности, безмолвия и т. п.: *Längs den palästen starb, stummen zinnen und toten balkonen, Die langen mauerwälle starr dastehn, offeröfen, Grauen wirbeln nach den grufen, tode, stirbt* и т. д. В «Ein hingang» со смертью связаны и название, и сюжет стихотворения, рассказывающего о смерти молодого поэта. Для самого поэта переход из одного мира в другой незаметен, что сближает гимн Георге с гимнами Новалиса.

В гимнах «Im park», «Den blauen atlas in dem lagerzelt...», «Einladung», «Strand», «Auf der terrasse» при описании природы преобладает зеленый цвет, который у Георге на символическом уровне связан с жизнью: ковра шелково-зеленые пряжи (*In eines teppichs*

seidengrünen stränen) [George 1928, с. 14]; здание плодовых деревьев (*der obstbäume bau*), поднимающееся к маленьким сосновым вершинам (*kleine kiefern wipfeln*) на растрескавшемся камне (*auf rissigem steine*); цветочнолиставшие ветви (*florparende zweige*); волны лугов (*wellenauen*), зеленый пруд с болотом и следами цветов (*Zu weihern grün mit moor und blumenspuren*) [там же, с. 35], холмы, сыпавшие гладкий ливень из небесно-зеленого стекла (*Die hügel vor die breite brüstung schütten / Den glatten guss von himmelgrünem glase...*) [там же, с. 40] и т. п. С жизнью соотносятся и многочисленные образы с семей движения, изменения: это может быть и бег на холм (*Erklimmen im lauf wir den hügel!*) [там же, с. 18], как в «Einladung», и течение как воды, так и тела (*Und fließt dein leib dahin...*) [там же, с. 35] в «Strand», и т. п. На лексическом уровне этой же цели служит обилие слов и выражений с семами движения, быстроты действий: *nahen, entflohn, erklimmen, schnell, weisse flügel, in eile, kamst* и т. д.

Наиболее ярко мифологическое начало выражено в гимне «Verwandlungen», где содержанием мифа становится человеческая жизнь как цепь превращений. Сам принцип метаморфоз – один из древнейших мифологических принципов. Достаточно вспомнить Овидия, восточные учения. В этом смысле поэт следует традиции большинства древних мифологий.

Необычно движение времени в гимне: сначала вечер, потом день и затем ночь. Это мифологическое время, но ориентированное на ветхозаветную и христианскую, а не на языческую традицию. Ср. «И был вечер, и было утро: день первый» (Быт. 1:5). К этой же традиции восходит восприятие *вечера* как начала жизни. *День* мыслится как время расцвета и *ночь* как время смерти. Эти образы-символы характерны уже не только для христианства, но и для языческих представлений. У С. Георге символика утра – дня – вечера поддерживается на образном уровне через описания, характерные для этюда и связанные между собой по гимническому ассоциативному принципу [Жук 2011].

Так, в тексте возникает обращенный к зрению читателя образ повозки (*wagen*), меняющей свой цвет: вечером она золотая (*Auf einem goldenen wagen*), днем – серебряная (*Auf einem silbernen wagen*), ночью – стальная (*Auf einem stählernen wagen*). В данном случае указывается и цвет, и название металла. Эти образы восходят к традиционным, начиная с Гесиода, представлениям о золотом и серебряном веке как

идеальном времени. В то же время образ стальной повозки не совсем соответствует этой традиции, где на смену предшествующим векам приходят медный и железный. Но сталь выполняет ту же самую функцию, особенно если учесть четкую ассоциативную связь этого металла в европейской литературной традиции с оружием. В этом смысле сталь вполне соответствует символике ночи как времени смерти.

Символичен и сам образ повозки, которая может трактоваться и как повозка смерти, и как колесница бога Солнца, и как движение времени. Последнее значение поддерживается на образном уровне. Вечеру соответствуют образы, передающие состояние гармонии: *leise klänge sich regen, perlgraue flügel, Mit mildem lächeln/ Und linderndem hauche!* [George 1928, с. 28]. День связан с образами моря и корабля, традиционно соотносимыми с течением жизни человека и в то же время являющимися символами постоянного изменения, движения, разрушения первоначальной гармонии: *Unter den masten auf rüstig furchendem kiele* [там же, с. 29], *der wasser und strahlen schimmerndem spiele, lichtgrüne spiegel, schaumgewinde dich fächeln* и т. д. С наступлением ночи гармония разрушается полностью: солнце пропадает без вести (*die sonne verschollen*), грохочут бушующие волны (*die brausenden wogen grollen*) и катятся глухие грозы (*dumpfe gewitter rollen*), на смену которым приходит картина, изображающая извержение вулкана. Возникают апокалиптические мотивы. Неслучайно речь идет о происходящем после ликующей смерти (*nach jauchzendem tode*). Тема смерти поддерживается задаваемым уже в начале гимна символическим движением вниз, на что указывает постоянное повторение глагола *Herniedertauche*. Вместе с тем значение этого глагола подчеркивает, наряду с образом моря, тему превращения, перехода из одного состояния в другое, т. е. сама жизнь человека предстает как ряд метаморфоз в творимом поэтом мифе.

Все три шестистрочных строфы начинаются со похожих фраз. Ср.: *Auf einem goldenen wagen, Auf einem silbernen wagen* и *Auf einem stählernen wagen*. В четвертом стихе каждой подобной строфы повторяется слово *Herniedertauche*, а пятый и шестой начинаются с *mit* и *und*, соответственно. Эти приемы на символическом уровне передают характерную особенность мифа – цикличность, подчеркивающую закономерность и повторяемость периодов человеческого бытия, что и стремится передать поэт.

Заклучение

Таким образом, мифотворчество присуще гимническим циклам всех трех поэтов. Но характер мифа и его содержание изменяются – от сферы сакрального у И. К. Ф. Гёльдерлина через проблему взаимоотношений божества и человека у О. Барбье к сакрализации и мифологизации собственно человеческого бытия у С. Георге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жук А. Д. Трансформация жанра гимна в немецкой, английской и французской литературе последней четверти XVIII в. и в XIX веке: сонография. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 240 с.
- Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991, 525 с. («Мыслители XX века»)
- Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 647; 1991. Т. 2. 719 с.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд. репринт. М.: Наука, 1995. 407 с.
- Новалис: «Поэт воистину творит в беспамятстве <...> Художник превратился в бессознательное орудие, в бессознательную принадлежность высшей силы» (Зарубежная литература XIX века: Романтизм). М.: Высшая школа, 1990. 559 с.
- Фихте И. Г. Избранные соч. / под ред. кн. Е. Трубецкого. Т. 1. М.: Путь, 1916. 521 с.
- Barbier A. Chants civils et religieux par Auguste Barbier. P.: Masgana, 1842. 274 p.
- Barbier A. Chants civils et religieux par Auguste Barbier. P.: Masgana, 1843. 248 p.
- Cowley A. A selection of poems. L.: Douglas, 1927. 62 p.
- George S. Gesamt-Ausgabe Der Werke. Endgültige Fassung: ersch. bei Georg Bondi. Bd. 2. Hymnen. Pielgefahrten. Algabal. Berlin: Bondi, 1928. 141 S.
- Hölderlin I. C. F. Sämtliche Werke und Briefe: in 4 Bd. hrsg. von G. Mieth. Bd. 1. Berlin–Weimar: Aufbau-Verl., 1970. 616 S.

УДК 82.091, 82 (141-146)

Е. П. Зыкова

доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. Горькова РАН; e-mail: epzykova@yandex.ru

РОМАНТИЧЕСКОЕ «Я» И ИСТОРИЯ: ПРОРОЧЕСКИЕ ПОЭМЫ УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

В статье анализируются историософские идеи У. Блейка 1790-х гг. на материале трех поэм: «Америка: пророчество», «Европа: пророчество» и «Песнь Лоса». Внимание уделяется своеобразию художественной ткани поэм, в которых действуют исторические персонажи наряду с героями собственной мифологии У. Блейка. При трактовке поэм используется также визуальный ряд, поскольку У. Блейк сам гравировал свои поэмы, сопровождая текст рисунками. В статье показывается, что Блейк видел историю как череду сменяющих друг друга религиозно-философских учений, отводя материальной культуре, социальным и политическим отношениям самую скромную и несущественную роль. Поэт выступил яростным критиком европейской истории христианского периода. Он отрицал христианство, организованное как Церковь (англиканскую, равно как и католическую), видя в нем «женскую» цивилизацию, основанную на моральных запретах, в то время как он проповедовал свободу творческого дерзания, не нуждающегося ни в каких внешних ограничениях воли. Революции, современником которых он был, поэт оценивал как порыв к духовной свободе, который не смог до конца реализовать себя, и который служил для него символом Страшного суда и одновременно начала нового витка человеческой истории.

Ключевые слова: романтическая концепция истории; Уильям Блейк; «пророческие» поэмы; Французская революция.

Zykova E. P.

PhD in Philology, leading researcher, Institute of World Literature;
e-mail: epzykova@yandex.ru

ROMANTIC SELF AND HISTORY: PROPHETIC POEMS OF WILLIAM BLAKE

The article analyses Blake's concept of history developed in his early poems «America: A Prophesy», «Europe: A Prophesy», and «The Song of Los». Attention is paid to peculiar imagery of the poems in which historical figures are depicted alongside personages of Blake's own mythology. In the process of interpretation we take into account Blake's visual images, for he has himself engraved these poems surrounding text with visual designs. The article demonstrates that Blake saw history as a row of religious-philosophical doctrines produced by different nations, while material culture, social and political relations play very slight, insignificant role in history. The poet was a radical critic of the European Christian history. He denied Christianity as

an organised church (both Catholic and Anglican) which he regarded as a «female» civilization based on moral repression, while he valued the liberty of creative daring, which needs no restrictions of human will. Two revolutions of his own times he interpreted as a drive towards spiritual liberty which could not be fully realized, and which he viewed simultaneously as a symbol of the Last Judgement and of the beginning of the new cycle of world history.

Key words: romantic concept of history; William Blake; prophetic poems; French revolution.

Как известно, романтики испытывали особый интерес к истории, что было во многом обусловлено тем, что великие исторические сдвиги, принесенные Французской революцией, пришлось на времена их молодости. Однако, если открытия исторического романа изучены достаточно подробно, то об историсофских концепциях идеологов и поэтов романтизма того же сказать нельзя. Это относится и к представлениям об истории, европейской и мировой, Уильяма Блейка, одного из самых сложных для интерпретации поэтов романтической эпохи.

Если просветителям представлялось, что история движется по пути прогресса и преодоления предрассудков и что просвещенные люди способны совершенствовать общественное устройство, руководствуясь доводами разума, то романтикам несоответствие целей и результатов Французской революции показало, что история движется во многом независимо от воли людей, и ее законы требуют более глубокого постижения. «Неужели вы думаете, что вы знаете лучшую конституцию, лучший дух? О, если бы на вас снизошел дух духов и удержал вас от глупой попытки формировать и направлять историю и человечество. Разве история не независима, не автономна, не бесконечно прекрасна и полна пророчеств? Изучать ее, следовать за ней, шагать с ней в ногу, старательно внимать ее обещаниям и подсказкам – об этом никто и не думал», – упрекал своих предшественников Новалис в эссе «Христианство или Европа» [Новалис 2003, с. 248]. Блейк также полагал, что история полна пророчеств, недаром две из его поэм, посвященных истории, названы «пророчествами».

Новый подход к истории позволил историческим романистам описывать предшествующие эпохи во всем их красочном колорите, не презирая их «невежество» и пытаясь по возможности уловить их особый строй мыслей. Поэты же пытались осознать смысл истории в отношении к своему собственному внутреннему миру и / или к внутреннему миру человека как такового. В английской поэзии

первое по-разному осуществили У. Вордсворт и Дж. Г. Байрон, в то время как У. Блейк и П. Б. Шелли с разной степенью проработанности выразили свое представление о движении истории в символических образах.

В изучении У. Блейка в XX в. сформировались две школы – мифологическая и фактографическая: первая исследовала собственную мифологическую систему У. Блейка и ее истоки (начало ей положила книга Нортропа Фрая «Страшная симметрия: поэзия Уильяма Блейка» [Frue 1947]), в которой система мифологических персонажей представляла как единое и непротиворечивое целое, без учета эволюции его идей. Вторая устанавливает связь между произведениями Блейка и современной ему историко-культурной ситуацией (здесь наиболее авторитетна книга Давида Эрдмана «Блейк: пророк против империи» [Erdman 1977]). Романтические историософские идеи Блейка оставались как бы в промежутке между отвлеченной мифологией и конкретной политикой и часто выпадали из сферы внимания исследователей. Так, например, в статьях сборника «Блейк, политика и история» подробнейшим образом рассматривается лишь политический контекст исторических событий, на которые прямо или косвенно реагировал поэт [Blake, Politics and History 2015].

С 1980-х гг. ситуация стала меняться. Леопольд Дамрош в книге «Символ и истина в мифе Блейка» [Damrosch 2014] указал на важные философские противоречия в творческой мысли Блейка-пророка, которые он осознал и стремился разрешить по-новому на разных этапах своего творчества. Николас Уильямс в книге «Идеология и утопия в поэзии Уильяма Блейка» [Williams 1998] при анализе социальных идей поэта учитывает широкий круг его интересов, включающих религию, науку, политику, психологию, живопись и т. д., меняя контекст исследования при анализе каждого произведения. Важную роль в осмыслении нашей темы сыграла книга Роберта Хоула «Проповедь, политика и общественный порядок в Англии 1760–1832» [Hole 1989], показавшего, что проповедь неортодоксальных или радикальных религиозных идей в этот период была самым тесным образом связана с радикальными политическими умонастроениями тех социальных кругов, которые разделяли эти идеи. К этим кругам относился и Блейк. Учитывая эти исследования, присмотримся более пристально к историческим представлениям раннего Блейка.

Блейк начинает свои размышления о современной истории в неоконченной поэме «Французская Революция» («French Revolution», 1791–1793). В первой книге поэмы (опубликованной лишь в 1913 г.) поэт описывает события начала революции в обобщенных символических образах, в том числе через стихийные явления природы (гром, молнии и т. п.). «Старый режим» представлен как мрачный и достойный разрушения мир (он персонифицирован бессильным королем, неким древним герцогом Бургундским и архиепископом Парижа). На другом полюсе народ, жаждущий свободы и восставший против угнетения, он представляет мир новый, молодой и жизнерадостный. Один из доминирующих образов Французской революции – Бастилия, символ тирании. В поэме изображены семь мрачных камер, в каждой из которых заключен узник, воплощающий одну из добродетелей, попранных старым режимом. Сторонники старого порядка и сторонники свободы произносят речи, полные причудливых образов, должныствующих доказать, что именно их точка зрения «естественна», соответствует природе вещей. Тюремные затворы шатаются, люди собираются в Зале нации, Лафайет приказывает армии покинуть Париж, и армия уходит, оставляя столицу во власти мирных жителей. На этом кончается сохранившаяся часть поэмы.

Автор «Словаря Блейка» Фостер Дамон объясняет печальную издательскую судьбу поэмы двояко: либо английские власти не потерпели подобной апологетической по отношению к событиям во Франции публикации в 1793 г., либо представления У. Блейка о развитии революции слишком разошлись с реальным ходом событий [Damon 1965, с. 146]. Вероятно, свою роль сыграли оба этих фактора. Восставший народ представлялся Блейку явно в идиллических тонах, эту точку зрения террор 1793 г. должен был скорректировать. Возможно, У. Блейк начал осознавать, что террор привел к новой несвободе. Возможно, что У. Блейк утратил к поэме интерес, потому что прямое, пусть и обобщенное изображение событий перестало его удовлетворять.

И тогда У. Блейк принимается за свои пророческие книги, включая в них, наряду с историческими личностями, персонажи собственной мифологии. Исторические идеи Блейка непосредственно вытекают из его представлений о человеческой личности и ее божественном предназначении. Необходимо вкратце охарактеризовать основные фигуры его мифологии. В центре ее прачеловек – Альбион, в чьем

теле первоначально заключено всё космическое пространство. Ближайшим источником образа Альбиона был известный герметической традиции из Каббалы образ Адама Кадмона (Адама первоначального), представляющий собой вариант гностической мифологемы антропоса [Аверинцев 1980]. Образ Альбиона воплощает раннеромантическое представление о личности: это микрокосм, заключающий в себе всю вселенную, символизирующий единство «Я» и «не-Я». Как и немецкие романтики, Блейк проводит различие между божественной, совершенной личностью и ее конкретным воплощением. Духовное достоинство личности Альбиона Блейк связывает с его *человечностью* (*humanity*), а индивидуальные качества (*self*) воспринимает как ограничение личности (это *Сатана-самость* *Satan the Selfhood*).

У. Блейк персонифицирует четыре основные части существа космического человека: Тармас – тело, Лува – эмоциональный строй, любовь и ненависть, Уризен (Юрайзен) – разум, Уртона / Лос – воображение. Каждый из них имеет свою женскую половину, которую поэт чаще всего характеризует как «тень», или «отражение», соответствующего качества в материальном мире. Из составляющих душу человека персонификаций наиболее важным для поэта является Лос – воображение, дающее человеку истинную картину мира и связывающую его с Богом. Ему противостоит Уризен – ненавистный Блейку плоский разум, неспособный понять мир, но вечно стремящийся к господству.

Исходное событие блейковской мифологии – грехопадение Альбиона, которое изображается поэтом как распадение его единства с космосом, уменьшение его самого и разлад между различными частями его души, вследствие чего он утрачивает связь с вечностью и начинается его земная история. В другом варианте смерть Альбиона для вечности представлена поэтом как жертвоприношение, совершаемое жестокими женскими божествами материальной природы. Так, У. Блейк свободно сочетает мотивы и понятия христианской и языческой мифологии, что он принципиально обосновывает в прозаическом гравированном манифесте «Все религии едины» («All Religions are One»), утверждая, что «все религии всех наций проистекают из того, каким образом каждая нация воспринимает поэтический гений, который всюду известен как Дух Пророчества»¹

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. З.

The religions of all nations are derived from each nation's different reception of the poetic genius which is everywhere called the spirit of prophecy [Blake 2008, с. 48].

В 1793 г. Блейк гравировал первую из своих поэм, осмысляющих историю в мифологических образах, «Америка: пророчество» («America: A Prophecy»). Гравированный текст и собственные рисунки Блейка составляют здесь, как и в других гравированных лично автором поэмах, единое смысловое целое, поэтому об общем содержании и тональности поэмы следует судить, принимая во внимание не только текст, но и зрительный ряд.

В «Прелюдии» к поэме появляется персонаж, воплощающий мятежный дух революции – Орк. Это сын Лоса-Воображения и его жены Энитармон и, следовательно, персонаж для Блейка положительный. Четырнадцать лет он томится под землю в оковах, затем вырывается на свободу, заключая в объятия «темную дочь Уртоны», принесившую ему еду. Это первое действие Орка, вырвавшегося на свободу, для У. Блейка символично. Орк нарушает сексуальные запреты, заключая в объятия сестру, ведь Уртона и Лос оба воплощают воображение, только Уртона представляет эту способность в совершенном виде, а Лос – на стадии грехопадения. Мотив любви к сестре нередко встречается в литературе романтизма, сестра – это «родственная душа», но кроме того, здесь она еще дочь Уртоны, истинного, а не падшего воображения, поэтому союз с ней выражает стремление Орка вернуть себе первоначальную целостность истинного воображения.

Основной текст «Пророчества» посвящен борьбе американских колоний за свободу, которую они ведут против Англии, точнее, ее короля-тирана. Д. Эрдман, первым изучавший поэму с точки зрения соответствия историческим реалиям, констатировал, что У. Блейк свободно переставляет события, не соблюдая хронологии, иногда объединяет несколько событий в одно (так, не упоминая ни одной из известных битв, в которых английские войска потерпели поражение, поэт изображает английских солдат, в ужасе бросающих оружие) [Erdman 1977]. Иногда он только намекает на известные события (так, при упоминании Бостона современники должны были вспомнить события 1770 г., известные под названием «Бостонского чаепития»). В начале поэмы Вашингтон произносит речь, и несколько раз Блейк перечисляет знаменитых политиков и полководцев, сыгравших роль в американской революции:

Washington, Franklin, Paine & Warren, Gates, Hancock & Green Meet
on the coast glowing with blood from Albion's fiery Prince

[Blake 1982, с. 197].

Им противостоит *яростный принц Альбиона* (Albion's fiery Prince) – английский король Георг III. Но гораздо большую смысловую нагрузку несут в поэме мифологические персонажи.

Зависимость американских колоний от Англии представлена в виде огромной цепи, чьи кольца тянутся от берегов Альбиона до американского континента. Накал революционных страстей, как и в поэме «Французская революция», передается через бурные явления природы: гром, ураган, сверкание молний. «Гневный ангел Альбиона» вопрошает противника: разве он не Орк *змееподобный* (*serpent-formed*), *нечестивый демон* (*Blasphemous Demon*), *антихрист* (*Antichrist*), *ненавистник титулов* (*Hater of Dignities*), *покровитель дикого восстания и нарушитель божественных законов* (*Lover of wild rebellion and transgressor of God's Law*). В этих словах слышатся те обвинения, которые выдвигали против революции консервативные английские идеологи, причем религиозные мотивы («антихрист», «нарушитель божественных законов») сочетаются в них с социальными, политическими («ненавистник титулов»). В ответных словах Орка заключается мифология революции Блейка:

The terror answered: I am Orc, wreath'd round the accursed tree:
The times are ended, shadows pass, the morning gins to break;
The fiery Joy that Urizen perverted to ten commands,
What night he led the starry hosts thro' the wide wilderness;
The stony law I stamp to dust and scatter religion abroad
To the four winds, as a torn book & none shall gather the leaves...
To make the deserts blossom...
And to renew the fiery joy...
For every thing that lives is holy, life delights in life...

[Blake 1982, с. 53–54]

Ужас отвечал: я Орк, обвившийся вокруг проклятого древа,
Времена кончились; тени уходят, начинается рассвет,
Яростный восторг, который Уризен извратил в десяти заповедях,
Когда в ночи он вел звездные толпы по широкой пустыне:
Каменный закон я превращаю в пыль и разбрасываю религию
По всем четырем ветрам, как порванную книгу...

Чтобы вернуть яростный восторг и разрушить каменную крышу...
Потому что все, что живет, священно, жизнь радуется жизни...

Как видно из этой речи Орка, революция имеет для Блейка не столько политический, сколько мировоззренческий и даже религиозный смысл. Орк «превращает в пыль» «каменный закон» «и разбрасывает религию по всем четырем ветрам, как порванную книгу». Чтобы точнее понять образный ряд, необходимо обратиться к «Книге Уризена» («Book of Urizen», 1794), в которой У. Блейк воплотил свои представления о «грехах» человеческого разума. В этой книге ветхозаветные десять заповедей, которые Моисей получает от Бога, представлены зрительно и текстуально в образе камня, на котором выбит их текст. Этот «каменный закон» Моисея, по мнению У. Блейка, извращает «яростный восторг», т. е. непосредственное переживание божественной радости, поэтому Орк и превращает его в пыль в своей революционной ярости. Ветхозаветные заповеди, уверен У. Блейк, налагают запреты, тем самым ограничивая свободу человека, мешая его творческим устремлениям. Разрушая эти запреты, Орк играет роль змея-искусителя (*Я Орк, обвинившийся вокруг проклятого древа*), т. е. воплощает в себе дьявольское начало. Это обстоятельство не смущает У. Блейка: в поэме «Бракосочетание Неба и Ада» (1793) он осмысляет дьявольское начало, как начало творческой энергии.

Итак, Орк побеждает в Америке, но Уризену удастся закрыть его, *красного демона*, от земли *облаками и холодными туманами* (*with clouds & cols mists*), так что *ангелы и слабые люди двенадцать лет управляют сильными* (*Till Angels & weak men twelve years should govern the strong*). Наконец, Франция «принимает свет демона», и хотя силы прошлого пытаются закрыть пять врат, основанных на законе небес, полных пагубных фантазий и плесени отчаяния (*...five gates of their law-built heaven // Filled with blasting fancies and with mildews of despair*), Орк разрушает их. Революция, перекидывающаяся в конце поэмы из Америки во Францию, утверждает и расширяет свою победу. Таким образом, современность для У. Блейка – время революционного взрыва, причем имеющего мировоззренческий, религиозный, а не политический смысл.

Если исходить только из текста поэмы, представляется, что У. Блейк всецело принимает американскую революцию как благо. Однако зрительный ряд не совсем соответствует этому представлению. Поэма

занимает тринадцать гравированных полос, и если на первых колорит и изображение радостны и исполнены борьбы, то последние пессимистичны и мрачны по своему содержанию и тональности. Орк, на первой полосе связанный и находящийся под корнями «древа тайны», на второй полосе прорывается наверх в лучах рассвета. На третьей полосе, где начинается текст «пророчества», изображен человек, освобожденный от оков и взмывающий вверх, в то время как Ангел Альбиона трубит в трубу, из которой исходит пламя, а бедная семья бежит из горящего дома. Далее изображен грифон, преследующий Уризуна (разум) с его атрибутами – книгой закона и скипетром, означающим власть. Уризен вроде бы оказывается здесь поверженным, но на восьмой полосе он вновь виден в вышине, его власть не упразднена. Изображения на последних пяти полосах мрачны: старик, уходящий в свою могилу; Утуна (одна из дочерей Альбиона), которую разрывает орел; утопленник, которого пожирает рыба, – всюду превалирует тема смерти. Один из последних рисунков Фостер Дамон трактует так: *Rahav учит юношу материализму под бесплодным деревом (Rahab beneath the sterile Tree preaches materialism to a youth)* [Damon 1965]. На последней полосе Природа, простершись ниц, молится на краю пропасти. Вероятно, эти изображения говорят о том, что «материализм» (в понимании Блейка, эту концепцию он прояснит в следующей поэме) всё-таки возобладали в ходе американской революции и угасил полет творческого воображения.

В продолжение этих размышлений на следующий год Блейк гравировал книгу «Европа: пророчество» («Europe: A Prophesy», 1794). В 1795 г. он прибавляет к поэме вводное стихотворение, в котором «крошка фей», сидящий на цветке тюльпана, поет песню о пяти чувствах, которыми человек не умеет пользоваться правильно. Поэт ловит певца в свою шляпу, приносит домой, и фей диктует ему текст поэмы. Для Блейка важна мысль о том, что человек использует свои пять чувств только для познания внешнего мира, что недостаточно, ведь если бы он обратил свой взор внутрь себя, он увидел бы «новое небо и новую землю».

Как и в предыдущей поэме, здесь есть «Прелюдия», в которой *бездвестная женщина-тень (nameless shadowy woman)* сетует на жестокость Природы, бесконечно рождающей и губящей свои создания. В этой «Прелюдии» по-иному звучит тот же мотив подчинения

человека внешнему миру, замкнутости его в пределах природного цикла смертей и рождений, т.е. невозможности оторваться от действительности, воспринимаемой пятью чувствами.

Пророчество открывается рождением *таинственного младенца*, который *спускается через восточные врата вечного дня*, при этом рождении войны прекращаются и все войска уходят в свои гарнизоны.

The deep of winter came,
What time the secret child
Descended throu the orient gates of the eternal day:
War ceas'd & all the troops like shadows fled to their abodes

[Blake 1982, с. 61].

Настала глубокая зима,
Время, когда тайный младенец
Спустился через восточные врата вечного дня,
Войны прекратились, и все войска, как тени, убрались в свои казармы.

Речь, несомненно, идет о рождении Младенца-Христа, приносящем мир земле. Английские исследователи находят здесь переключку с одой Милтона «На утро Рождества Христова», где божественный Младенец покидает чертоги вечного дня (*Forsook the courts of everlasting day*), чтобы воплотиться на земле. Это событие отменяет бессмысленность череды рождений и смертей, как явления природы, о котором сокрушалась героиня «Прелюдии».

Далее на сцене появляются персонажи мифологии Блейка: Лос-Воображение со своей женой Энитармон и детьми, включая первенца, «красного демона» Орка, собираются в «хрустальном доме» и ликуют, потому что война, труд и заботы ушли, вернулись «дни и ночи радости». Однако эта гармония быстро нарушается: Лос исчезает из поля зрения, а Энитармон «опускается в красный свет» Орка, т.е. она желает властвовать и диктует свою волю детям:

Go! Tell the Human race that Woman's love is Sin,
That an Eternal Life awaits the worms of sixty winters
In an allegorical abode where existence hath never come
Forbid all Joy...

[Blake 1982, с. 62]

Идите и скажите человечеству. Что женская любовь – грех!
 Что вечная жизнь ждет червя, прожившего шестьдесят зим,
 В аллегорическом приюте, куда жизнь никогда не заглядывала,
 Запретите всякую радость...

Слово *аллегорический* (в *аллегорическом приюте*) означает здесь, по мнению Фостера Дамона, «несуществующий», «фантастический» [Foster Damon 1979, с. 132]. *Червь, проживший шестьдесят зим* – это средний человек, верящий в жизнь вечную, которая, согласно Блейку, вовсе не существует, ибо туда жизнь не заглядывала. Подобные верования говорят, по мысли Блейка, о том, что началась эра женского господства, эра «сна Энитармон», продолжавшаяся все восемнадцать веков вплоть до его собственного времени. Но это была христианская эра в Европе. Блейк обвиняет эру «сна Энитармон» в двух вещах: во-первых, в том, она объявила эротическую любовь грехом; во-вторых, в том, что она связала вечную жизнь и радость с посмертным существованием, «жизнью будущего века», которой, согласно Блейку, вовсе не существует. Именно эту последнюю «вину» Блейк и называет «материализмом». Понятие «материализм» приобретает в его художественной системе значение прямо противоположное общеупотребительному.

Далее Блейк обращается более конкретно к Англии: Ангел Альбиона движется по берегам Темзы к *золотому Веруламу* жилищу Бэкона, массивные каменные колонны этого здания оказываются увиты змеями, поскольку все пять чувств обращены вовне и видят только земное:

Thought chang'd the infinite to a serpent, that which pitieth
 To a devouring flame, and man fled from its face and hid
 In forests of night...
 Then was the serpent temple formed, image of infinite
 Shut up in finite revolutions, and man became an Angel,
 Heaven a mighty circle turning. God a tyrant crowned

[Blake 1982, с. 63].

Ивсль превратила бесконечное в змею; то, что способно к жалости, –
 Во всепожирающее пламя. И человек бежал от его лица и спрятался
 В лесах ночи...

Тогда был создан змеиный храм, образ бесконечного
 Заключен в круговороте конечного, и человек стал Ангелом,
 Небо – мощным вращающимся кругом, Бог – коронованным тираном.

Змеиный храм как жилище Бэкона – это образ естественной науки, которая заключает бесконечное в круговорот конечного, но она же своей сосредоточенностью на конечном еще больше извращает и все религиозные представления человека: он начинает самого себя изображать ангелом, т. е. существом, лишенным телесной природы, Бога же – коронованным тираном, т. е. стоящим бесконечно выше человека и господствующим над ним. При этом то, что способно к жалости, превращается во всепожирающее пламя – здесь, как представляется, речь идет об Орке, который по природе своей способен к жалости, но когда оказывается скован запретами и угнетен, впадает в ярость.

Итак, человек сконцентрировал свое внимание на материальном мире, в результате чего извратились не только его представления о бесконечном, но и его моральные представления: *каждый дом стал вертепом, каждый мужчина связан* (*every house a den, every man bound*), над каждым дверями надпись «Ты не должен», над трубами каминов написано слово «страх» (*Over the doors «Thou shalt not», & over the chimneys «Fear» is written*). Речь явно идет о том, что Энитармон повелела считать «женскую любовь грехом», поэтому «каждый мужчина» оказался «связан». Она повелела запретить «всякую радость», и «над трубами каминов» повис страх. Эти обвинения Блейка вновь касаются традиционной христианской культуры, которая в запретах своих десяти заповедей ограничивает свободу человека.

Ангел-хранитель Альбиона пытается вострубить в трубу Страшного суда, но у него это не получается; тогда встает «могучий муж по имени Ньютон», который берет эту трубу, и раздается ее мощный звук (*A mighty Spirit leap'd from the land of Albion, // Named Newton, he seized the Trump & blow'd the enormous blast*). Отношение Блейка к Ньютону, кумиру его соотечественников, двойственно: с одной стороны, Ньютон – могучий муж, которому под силу совершить то, чего не может даже ангел, с другой – Ньютон завершает построение «философии пяти чувств», и его роль в истории отрицательна. Деятельность Ньютона обозначает конец эпохи – Страшный суд в духовной сфере, ведь он трубит в трубу Страшного суда.

Если в христианской историософии Страшный суд означает конец человеческой истории, то у Блейка это лишь конец эпохи. Энитармон пробуждается от своего восемнадцативекового сна, кончается эра ее господства. Орк – дух революции сталкивается с Уризеном-Разумом, и «в виноградниках красной Франции разгорается свет его ярости».

Вслед за ним, и Лос-Воображение *призывает всех своих сынов на кровавую битву* (*called all his sons to thr strife of blood*). Таким образом, французская революция завершает в реальной сфере то, что учение Ньютона завершает в сфере духовной.

На этом кончается поэма «Европа: пророчество»: как видим, и здесь пророчество Блейка посвящено осмыслению прошлого Европы и ее революционного настоящего. О будущем напрямую ничего не говорится.

На знаменитом фронтиспise к этой книге Уризен предстает в образе длиннобородого старца-демиурга, с помощью циркуля творящего Вселенную. Циркуль, как орудие измерения и познания материального мира, указывает на ограниченность Уризена, неспособность его познать духовные основы бытия. Это изображение задает общую тональность поэмы: отношение Блейка к истории Европы в целом критично. На титульном листе изображена Природа в виде извивающейся кольцами змеи, что указывает на ее материальность. Иллюстрации к поэме по большей части представляют несчастья, обрушивающиеся на ее жителей, поскольку они избрали ложный исторический путь: здесь изображены Голод, Чума, Предательство, Жестокость, Война, Погубленный урожай, Тюремное заключение. По тональности зрительный ряд «Европы» мрачнее, чем иллюстрации к «Америке».

Может сложиться впечатление, что Блейк не приемлет христианства как такового, ибо все восемнадцать веков европейской истории отрицаются им как время несвободы, подчинения и уныния. Блейк, однако, не приемлет официального христианства, государственной религии, он яростно отрицает господствующую Церковь, считая ее оплотом политического насилия. И тут для него наиболее значимым оппонентом был Эдмунд Берк, который в своих «Размышлениях о французской революции» (1790) утверждал, что именно государственная церковь (*established church*) – одна из основ гражданского общества (*the Church is one of the foundations of British Commonwealth*) и что она неотделима от государства (*state and church are inseparable*) [Burke 1955, с. 102, 111], поскольку она создает как у власть предержащих, так и у граждан, чувство ответственности, осознание того, что им придется отвечать перед Божественным судом, осознание границ своей свободы. Для Блейка же любая граница неприемлема.

Блейк выступает с позиций, которые современные английские исследователи называют «радикальным христианством». Роберт Рикс

в недавней книге «Уильям Блейк и культуры радикального христианства» [Ricks 2016] связывает мировосприятие Блейка с деятельностью тех религиозных общин, в которых процветали идеи западного мистицизма, «религия сердца», презрение к рациональной теологии и установка на непосредственное переживание общения с Богом. Это были частично методисты, моравские братья, сведенборгианцы (Блейк одно время принадлежал к сведенборгианской Новой церкви) и др. Они во многом опирались на эзотерическую традицию европейской мысли, но по-своему преломляли ее, сочетая с радикальными политическими идеями, что свойственно было и Блейку.

В 1795 г. Блейк создает «Песнь Лоса» («Song of Los»), которую посвящает оставшимся двум континентам: Африке и Азии. Представив историю христианской Европы исключительно в критических тонах, Блейк в «Африке» взирает на историю всего человечества как бы с еще более удаленной перспективы. Эта короткая поэма состоит из перечисления великих религиозно-философских учений, которые сыновья Лоса-Воображения дают представителям разных наций: «абстрактную философию» Бrame на Востоке, учение Гермесу Трисмегисту, «абстрактный закон» Пифагору, Сократу и Платону, Евангелие Иисусу, неточную Библию (loose Bible) Магомету и «код войны» Одину. Все эти учения, по мысли Блейка, были теми «сетями» и «ловушками», с помощью которых человек улавливал «радость Вечности» [Blake 1982, с. 67]. Однако учения, названные первыми, отражали вечность более адекватно и непосредственно, чем следующие за ними, и постепенно вечность отдалялась и превращалась в мираж, природа поблекла перед глазами человека, и под конец возникла «философия пяти чувств», которую уже Уризен-разум (а не сыновья Воображения), плача, дал в руки Ньютона и Локка.

Как в поэме «Европа: пророчество», так и в «Песни Лоса» Блейк видит историческое движение как нисходящее: человечество всё меньше и меньше способно воспринимать Вечность. Однако Французская революция, как некий взрыв, произведенный сыном Лоса, могла бы начать новый цикл развития. Новый цикл предполагает, что, наряду с линейным развитием истории Блейк видит и развитие циклическое, т. е. сочетает христианское линейное развитие истории, движущейся от Сотворения мира через Боговоплощение к Страшному суду, с языческим циклическим видением. Французская революция воспринимается им одновременно как Страшный суд и как начало нового цикла развития.

Эти настроения Блейка середины 1790-х гг. созвучны настроениям некоторых ранних немецких романтиков (в первую очередь Новалиса), также чаявших, что современная эпоха станет началом нового исторического цикла, связанного с новым религиозным восприятием и пониманием жизни. Блейк меньше, чем Новалис, интересовался естественными науками, но и он видел дальнейшее развитие цивилизации как поглощение достижений современной науки новым цельным религиозным пониманием мира.

Фрагмент Новалиса «Христианство, или Европа» также представляет циклическое видение истории, причем немецкий поэт четко формулирует свое понимание исторического цикла как возвращения к прошлому на новом уровне. Согласно Новалису, средневековое единство христианского мира, распавшееся с усложнением европейской цивилизации, должно быть восстановлено на новом уровне развития материальных сил и духовных потребностей народов.

Если Новалис воспринимал Средневековье как прекрасную эпоху, время единства христианской Европы, то Блейк отрицает и Средневековье со своих радикальных позиций. Религия для него не может быть социальным институтом, иначе она ущемляет свободу личности, поэтому вся история христианской Европы для него неприемлема, как «материализм» и «сон Энитармон».

Логика философской мысли Блейка показывает, что человек и его поэтический гений есть «мера всех вещей», и историю он мыслит как процесс становления Человека, осознания им своих возможностей и потребностей, а исторические катаклизмы как нарушение гармонии между различными свойствами его души, их взаимную вражду и поиски правильных взаимоотношений между ними. Божественного вмешательства в историю Блейк не признает: божественное является в его мировосприятии фактически лишь частью человеческой природы. Неслучайно в поздних поэмах «Милтон» и «Иерусалим» появляются персонажи Иисус-Воображение (Jesus the Imagination) и Сатана-Самость (Satan the Selfhood), которые, как видно из уточняющих определений, воплощают именно и всего лишь определенные качества человеческой природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С. С. Адам Кадмон // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 43–44.

- Новалис*. Христианство, или Европа / пер. В. Микушевича // Новалис. Генрих фон Офтердинген. М. : Ладомир : Наука, 2003 с. 240–251. (Серия. Литературные памятники).
- Blake C.* Politics and History / Ed. by Jackie DiSalvo, G. A. Rosso and Christopher Z. Hobson. USA: Routledge, 2015. 470 p. (f. p. 1998).
- Blake W.* The Complete Poetry and Prose of William Blake / Ed. by D. V. Erdman. Commentary by Harold Bloom. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1982. 990 p.
- Burke E.* Reflections on the Revolution in France / Ed. by Thomas H. D. Mahoney. Indianapolis, Indiana : Bobbs-Merrill Educational Publishing 1955, 307 p.
- Damon Foster S.* A Blake Dictionary. The Ideas and Symbols of William Blake. London : Thames and Hudson, 1979. 532 p.
- Damrosch Leopold Jr.* Symbol and Truth in Blake's Myth. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2014. 412 p. (f. p. 1984).
- Erdman, David E. Blake: Prophet against Empire. 3d ed. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1977, 382 p. (f.p. 1954).
- Frye N.* Fearful Symmetry: A Study of William Blake. Princeton : Princeton University Press, 1947. 462 p.
- Hole R. Pulpit, Politics, and Public Order in England, 1760–1832. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 344 p.
- Novalis*. Christianity or Europe. A Fragment. URL: www.starcenter.com/Novalis-Christianity.pdf
- Rix R.* William Blake and the Cultures of Radical Christianity. Abuhgton. New York : Routledge, 2016. 192 p.
- Williams N. M.* Ideology and Utopia in the Poetry of William Blake. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 250 p.

УДК 7; 18:7.04

А. С. Зверев

преподаватель педуниверситария МГЛУ; mail: Al-zv@yandex.ru

ХАНС ЗЕДЛЬМАЙР О ВНУТРЕННЕМ ВРЕМЕНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Труды австрийского историка искусств и религиозного мыслителя Х. Зедльмайра занимают важное место в становлении научных методов изучения памятников культуры и искусства. Особое внимание он уделяет проблеме интерпретации произведений искусства, которую он понимает как их оживление, или воскресение, что равносильно пребыванию произведения искусства в *истинном времени*. Свою философию времени Зедльмайр развивает, опираясь на идеи Ф. Баадера, немецкого философа и теософа, представителя романтизма.

Х. Зедльмайр, вслед за Ф. Баадером, рассуждая об истинном времени, в котором раскрывает себя произведение искусства, подчеркивает, что это время нельзя воспринимать ни как сумму прошлого, настоящего и будущего, ни как неподвижность настоящего. Время произведения искусства – это образ вечности, пребывающий в мгновении. Внешнее тело произведения еще не есть искусство, оно отсутствует в этом мире, благодаря чему способно вместить образ целого, т. е. полноту времени или вечность.

Важнейшим качеством произведения искусства является наглядный характер, свидетельствующий о единстве видимого и невидимого, духовного и материального. Произведение искусства воссоздается человеком лично, в воображении, но это не снимает чувственной природы искусства, для которого важно как всеобщее, так и единичное. Зедльмайр следует традиции немецкой классической философии, согласно которой произведение искусства – это тождество субъективного и объективного, духовного и материального. Поэтому то время, которое раскрывается в момент воссоздания произведения искусства творческим духом воспринимающего, не является просто субъективным переживанием. Зедльмайр воспринимает это время диалектически. Истинная интерпретация произведения искусства предполагает в его воссоздании целого человека в качестве объекта и субъекта.

Следовательно, опыт постижения времени произведения искусства можно сопоставить с опытом бесконечности, которую человек не может ухватить в единичном, а лишь в тождестве единичного и всеобщего.

Ключевые слова: произведение искусства; время; вечность; интерпретация; целое; наглядность.

Zverev A. S.

Teacher; mail: Al-zv@yandex.ru

HANS SEDLMAYR ABOUT AN INTERNAL TIME OF THE WORK OF ART

The works of Austrian art historian and religious thinker Hans Sedlmayr occupy an important place in the development of scientific methods for the study of monuments of culture and art. He pays special attention to the problem of interpretation of works of art, which he understands as their revival or resurrection, which is equivalent to the stay of a work of art in true time. Sedlmayr develops ideas based on the ideas of Franz Baader, German philosopher and Theosophist, representative of romanticism.

H. Zedlmayr, following F. Baader, arguing about the true time in which the work of art reveals itself, emphasizes that this time can not be perceived as either the sum of the past, the present and the future, or as the immobility of the present. The time of the work of art is the image of eternity, staying in the moment. *tasnee body proizvedeniya* else is not art, it is not in this world, whereby to hold the image, that is, the fullness of time or eternity.

The most important quality of the work is the visual nature of the work of art has the unity of visible and invisible, spiritual and material. The work of art is recreated by a person in the spirit, but it does not remove the sensual nature of art, for which it is important both universal and single. H. Zedlmajr follows the tradition of the German classical philosophy, according to which the work of art is the identity of subjective and objective, spiritual and material, etc. Therefore, the time that is revealed at the time of the reconstruction of the work of art, the creative spirit perceives, is not just a subjective experience. Sedlmayr it takes time dialectically. The true interpretation of a work of art presupposes the reconstruction of an entire person as an object and subject. Consequently, the experience of comprehending the time of the work of art can be compared with the experience of infinity, which man can not grasp in a single, but only in the identity of a single and universal.

Consequently, the experience of comprehending the time of the work of art can be compared with the experience of infinity, which man can not grasp in a single, but only in the identity of a single and universal.

Key words: work of art; time; eternity; interpretation; whole; visibility.

Введение

Х. Зедльмайр (H. Sedlmeyr) – австрийский историк искусства, представитель венской школы искусствознания. Одновременно его труды содержат широкие историко-культурные и религиозно-философские обобщения.

В своих исследованиях он уделяет значительное внимание интерпретации произведений искусства. По его мнению, истинная интерпретация должна стать основой для всякой подлинной истории

искусства [Зедльмайр 2000, с. 246]. Сам процесс интерпретации непосредственно связан с проблемой внутреннего времени произведения искусства.

Внутреннее и внешнее время произведения искусств

Проблема внутреннего мира художественного произведения не раз привлекала внимание исследователей, особенно литературоведов [Лихачев 1968]. При этом одни делали внимание на художественном пространстве (Ю. М. Лотман), другие именно на времени (М. М. Бахтин). Наиболее фундаментальный подход к исследованию этой темы разработан М. М. Бахтиным, который ввел термин «хронотоп», обозначающий взаимосвязь художественного пространства и времени, их взаимную обусловленность в литературном произведении [Юрасова 2008].

Однако подход Х. Зедльмайра к данной проблеме существенно отличается. Он опирается на традицию немецкой классической философии и рассматривает онтологическую природу времени в его взаимосвязи с вечностью. Время произведения искусства для него никак не связано с темой самого произведения, например, с логикой развития сюжета. Для Х. Зедльмайра внутреннее время произведения искусства и есть собственно искусство, т. е. внутреннее время самого произведения искусства тождественно бытию этого произведения искусства. Во-вторых, Х. Зедльмайр особо акцентирует соучастие человека в процессе актуализации произведения искусства. Тем самым речь идет не просто о собственном внутреннем существовании художественного произведения, а о совместном его существовании с воспринимаящим его человеком. Именно это и называет Х. Зедльмайр оживлением, или воскресением, произведения искусства.

В основе рассуждений Х. Зедльмайра лежат не абстрактные идеи, а реальный *личный* опыт создания и воссоздания художественного пространства. Именно в этом опыте и лежит загадка и сущность искусства. Через личный опыт и происходит становление, раскрытие произведения искусства. Для понимания природы этого опыта ключевая роль принадлежит пониманию особой природы времени, которое Х. Зедльмайр называет также сверхвременем.

Анализируя различные подходы и методы изучения истории искусства, Х. Зедльмайр полагает, что истинная интерпретация произведения искусства, которую он также называет воскресением,

пробуждением памятников [Зедльмайр 2000, с. 246], равносильна пребыванию произведения искусства в *истинном времени*, под которым Х. Зедльмайр понимает актуальное настоящее. Таким образом, ключевым вопросом интерпретации произведения искусства становится время, но не обычное историческое время, а внутреннее время самого произведения искусства, в которое любой человек может символически «войти» в момент интерпретации.

Характеризуя это особое время, в котором раскрывает себя произведение искусства, Х. Зедльмайр именует его истинным, или надисторическим, временем. Это особое духовное время можно, на наш взгляд, именовать символическим, ведь символ, как его определяет о. Павел Флоренский, это «бытие, которое больше самого себя» [Флоренский 1992, с. 367].

Поскольку сам же Зедльмайр говорит о пребывании искусства в истинном времени, одновременно утверждая, что произведения искусства «здесь нет», т. е. нет в этом времени и пространстве, можно говорить не только об особом времени, в котором *оживает* искусство, но и об особом пространстве. Если быть более точным, то следует говорить о тождестве символического времени и пространства.

Из этого следует, что произведение искусства существует словно в двух измерениях. Первое – это физическое пространство и время, в котором находится *внешнее тело произведения*, которое с *искусством* само по себе не связано. Второе – это другое время и в другое пространство, носящем символический характер, так как их «здесь нет» [Зедльмайр 2000, с. 134].

Ханс Зедльмайр и Франс Баадер о времени

Рассуждая об истинности интерпретации произведения искусства, Х. Зедльмайр делает акцент именно на времени. Без особой теории времени, по его мнению, невозможна ни теория истории и общества, ни теория художественного произведения и истории искусства.

Особым интересом ко времени Х. Зедльмайр следует не только в русле размышлений своей эпохи, писатели и мыслители которой уделяли проблеме времени особое внимание (Т. Манн, М. Хайдеггер), но и обращается к той традиции германской мысли, которая, с одной стороны, восходит к идеям романтиков первой трети XIX в., с другой – уходит в глубь веков, к истоку германской мысли, к размышлениям средневековых мистиков, таких как Якоб Беме и Мейстер Экхарт.

В своей теории времени, которую, по его мнению, еще только предстоит создать в полной мере, Х. Зедльмайр развивает в первую очередь идеи Ф. Баадера, немецкого философа и теософа, представителя романтизма.

У Ф. Баадера и Х. Зедльмайра схожие задачи – обрести цельное знание, преодолеть разрыв религии и философии, преодолеть секуляризм культуры Нового времени. Исток цельного знания, или цельного произведения искусства, о котором говорит Х. Зедльмайр, находится в центре, середине (Mitte), под которой можно понимать как абстрактную категорию тождества или средний термин в терминологии Аристотеля, так и божественную силу (энергию), благодаря которой происходит встреча человека и Абсолюта.

Для Ф. Баадера, который стремился наполнить изначальным сакральным смыслом абстрактные философские категории, середина – это божественная самотождественность Абсолюта, его вечное самодвижение и завершенность, вечное единство выхода (Ausgang) и входа (Eintritt), вечное обоснование Абсолютом самого себя, т. е. его вечное тождество выхода и возвращения. Это единство движения и покоя являет нам образ вечности, без которого невозможно и понимание природы времени. При этом вечность понимается не как «неподвижное и застывшее настоящее», а как единство прошлого, настоящего и будущего. Другими словами, под вечностью здесь понимается целостное время, именуемое Ф. Баадером, *истинным временем* [Резвых 2017].

Х. Зедльмайр, вслед за Ф. Баадером, рассуждая об истинном времени, в котором раскрывает себя произведение искусства, подчеркивает, что это время нельзя воспринимать ни как сумму прошлого, настоящего и будущего, ни как неподвижность настоящего. Хотя именно этого и ожидает человеческое сознание, неосознанно ищущее противоположности длительности и дробности неистинного времени, к которому привязан человек *здесь*. Это здешнее энтропийное время – время заботы [Гайденок 2006], о которой пишут философы экзистенциалисты, фактически тождественно небытию. Истинное же время носит сверхвременной характер, в котором прошлое и будущее тождественны бытию, а не небытию.

Ожидая от вечности неподвижности, или суммы времен, сознание, по мнению Х. Зедльмайра, совершает ошибку, корень которой заключается в том, что за точку отсчета берется *кажущееся* время, время заброшенности, в котором небытие будущего поглощает

небытие прошлого [Зедльмайр 2000]. Выход через мгновение к подлинному времени и вечности – это особый опыт, который испытывает человек, «входя» в произведение искусства. В этом мгновении «замирает» время как протяженность. В свою очередь, мгновение обретает длительность, становясь тем самым подлинным настоящим [Зедльмайр 2000], или просто целым, а не суммой моментов прошлого и будущего.

Понимание вечности как полноты бытия, а не как вечно длящегося времени восходит к Платону, который полагал, что вечность есть единое и неделимое целое, относящееся к настоящему [Гайденко 2006]. Описывая вневременное состояние, т. е. то что было, есть и будет одновременно, Х. Зедльмайр ссылается также на Аристотеля, а именно на его понятие «ousia-a-idios» [Зедльмайр 2000], которое он трактует как вневременность.

В качестве примера подобного временного бытия, дарующего ощущение блаженства и силу, Х. Зедльмайр приводит музыкальное произведение, в котором отзвучавший звук не становится прошлым, как прошедшая история, в нем нет элемента вины, а грядущий аккорд не имеет в себе *заботы*, т. е. не является будущим в смысле исторического будущего. Х. Зедльмайр опирается также на опыт интерпретации музыкальных произведений его современника великого германского дирижера В. Фуртвенглера [Зедльмайр 2000].

Тем самым в художественном произведении прошлое и будущее превращаются в целое настоящее, *исцеленное время* [Зедльмайр 2000]. Исцеление в данном случае означает снятие противоборства прошлого и настоящего. Это, по мысли Х. Зедльмайра, и есть то, что называют вневременным в произведении искусства.

Религиозно-философский исток идей Х. Зедльмайра

Другой важнейшей особенностью подобного истинного времени можно считать его подлинную свободу, что и было всегда в философской традиции главным свойством произведения искусства. Искусство прежде всего свободно от бремени необходимости экзистенциально-исторического времени [Зедльмайр 2000].

Следует еще раз отметить, что речь идет в данном случае прежде всего о шедеврах изобразительного, музыкального и другого искусства, к которым можно обращаться снова и снова. Это вневременное качество искусства созвучно не историческому, а циклическому

времени, которое мы встречаем, например, в церковном календаре. Календарный цикл, дневной и годовой, и призван был открыть человеку возможность приобщиться ко времени вечно длящегося *дня*. Подобное же циклическое время отражается и в таком совокупном произведении искусства как, например, готический собор, анализу которого Х. Зедльмайр посвятил один из главных своих трудов.

Размышления Х. Зедльмайра основаны на особом опыте восприятия памятников искусства, оживающих в душе человека. Этот опыт носит интуитивный и духовный характер и родственен религиозному опыту, и имеет, по Х. Зедльмайру, тот же исток, что и мистический опыт, а именно – постижение целого, абсолютного [Зедльмайр 2000, с. 245].

Путь в истинное время основан на откровении, но одновременно он подготовлен древними дохристианскими верованиями и мифами, другими словами, сама природа искусства, независимо от эпохи, сродни по своей структуре откровению, открытию истины как целого. Вход в истинное время доступен здесь и сейчас любому, желающему войти в него, благодаря тому, что оно «входит в кажущееся время», «просвечивает», по словам Ф. Баадера, сквозь время.

Используя понятие истинного времени, Х. Зедльмайр не неизбежно должен поставить вопрос о том, чем кажущееся время отличается от истинного. Если продолжить эту мысль в духе Платона или Гегеля, неизбежен и вопрос о том, чем кажимость отличается от истины, ложное мнение (докса) от истинного мнения (эпистиме) или знания. И есть ли истинное в сфере субъективного, коль речь идет об искусстве?

Для Х. Зедльмайра, как мыслителя и ученого, следующего традициям системного мышления немецкой философии, важен принцип системности, тождественности всего всему. Увидеть произведение как целое, означает увидеть взаимосвязь всех его моментов, благодаря чему возможно более глубинное его понимание.

С другой стороны, познание истины может носить интуитивный, мистический характер. Чтобы отличить видение от видимости надо обладать особым даром, наподобие дара различать духов (1 Ин.4:1). Для Х. Зедльмайра как религиозного философа данные слова не метафора. Согласно Ф. Баадеру, идеи которого развивал Х. Зедльмайр, дар Святого Духа дает возможность пути к целостности [Резвых 2017], т. е. к вхождению в истинное время. Пребывание же в истинном времени и есть высшая объективность! Присутствие духовного начала равнозначно присутствию в произведении искусства середины, того

скрепляющего всё в совокупность целого, утрату которого в современном мире описывал Х. Зедльмайр. Таким образом, символическое время произведения искусства открывает себя в созерцании, подобном мистическому видению.

Произведение искусства как единство духовного и материального, абстрактного и конкретного

Внутреннее время произведения искусства отнюдь не тождественно времени его психологического переживания. Это время и пространство произведения искусства носит как субъективный, так и объективный характер. С точки зрения Х. Зедльмайра, это особый опыт, который мы можем назвать опытом видения целого. Подобное созерцание целого носит не только чувственный, но и интеллектуальный характер.

Можно задаться вопросом: не делает ли таким образом Х. Зедльмайр из искусства своего рода идею, в духе Платона, ведь, если искусство не присутствует здесь, то где оно находится, не в мире ли идей? Однако внешнее тело искусства не является просто пустым знаком. Истинное произведение искусства обладает особым качеством – «наглядным характером» [Зедльмайр 2000, с. 147], которое можно понимать как тождество видимого и невидимого, общего и единичного, абстрактного и конкретного. Благодаря наглядному характеру произведения искусства, его нельзя свести только к абстрактному содержанию, поскольку искусство это не текст. Наглядность и есть то мгновение, которое раскрывает в себе образ целого и дает возможность увидеть в видимом невидимое.

Именно видимость, или наглядный характер, произведения искусства и открывает вход в символическое время. Безусловно, в этом заключается трудность, хотя сам язык также различает смотрение и видение, ведь можно смотреть и не увидеть. Возможно в этом и заключается причина того, что искусство лишь кажется доступным для понимания. В действительности его познание, т. е. переживание особого опыта пребывания в ином пространстве и времени, в котором существует произведение искусства, требует определенной подготовки и усилия.

Х. Зедльмайр следует традиции немецкой классической философии, согласно которой произведение искусства – это тождество субъективного и объективного, духовного и материального и т. п. Поэтому

время, которое раскрывается в момент воссоздания произведения искусства творческим духом воспринимающего, не является просто субъективным переживанием. Х. Зедльмайр воспринимает это время диалектически. Для него оно – бесконечно малое, которое вмещает бесконечно большое. Именно поэтому, одно из условий приобщения к произведению искусства – «не присутствие его» в этом мире. В этом мире, *здесь*, время «разбито» на части, а человек лишен возможности созерцать его как целое, будучи внутри него. Произведение искусства, воссозданное человеком, не продолжает этот мир, а отражает его как целое.

Главное, что человек черпает при оживлении произведения искусства, – особый опыт, при котором время произведения искусства – становится его личным внутренним временем, в котором он может созерцать образ целого. Данный опыт носит не линейный характер и определить его с помощью рассудочных понятий невозможно. Он предполагает участие в воссоздании целого человека в качестве объекта и субъекта. Следовательно опыт постижения времени произведения искусства можно сопоставить с опытом бесконечности, которую человек не может ухватить в единичном, а лишь в тождестве единичного и всеобщего.

Время и вечность как атрибуты целого

Искусство, равно как и философия, предоставляет возможность человеку быть как внутри мира, так и вне его. Оно дает точку опоры в ином пространстве, не тождественном этому миру. Чтобы встать на эту новую почву, т. е. вступить на путь познания целого, требуется самоотречение и смирение перед истиной, познание которой имеет как гносеологический, так и этический характер. Истинное время требует, по Х. Зедльмайру, жертвы, благодаря которой и откроется не только оно, но и совершенное бытие [Зедльмайр 2000, с. 247]. Эта жертва – самоотречение ложного мнения – приносится всякий раз, когда создается или воссоздается истинное произведение искусства.

Для Х. Зедльмайра время – это не абсолютная мера, выведенная за рамки изменчивого мира времени, это атрибут системы, целого. Иначе говоря, не целое принадлежит времени, а время принадлежит целому. Поэтому каждое целое обладает своим временем. Целое включает в себя начало и конец времени. Соответственно другим атрибутом целого является вечность.

Произведение искусства создает новое целое, новую вселенную, обладающую своим временем и своим пространством. Воссоздавая произведение искусства, человек также творит новую вселенную, в которой время дано сразу всё в одной точке, как в момент первой точки, начала мира.

Заключение

Искусство Нового времени, по-мнению Х. Зедльмайра, утратило ощущение целого, что он называет утратой середины. Последнее равнозначно утрате истинного настоящего, или истинного времени, в котором человеку дан образ целого. Всё это, по мнению мыслителя, приводит к поискам ложного смысла бытия, для которого человек черпает опору либо в прошлом, либо в далеком будущем.

Не потому ли художники XX в. не редко обращаются к теме потерянного времени? Однако демонстрировать разбитый циферблат на холсте еще не означает вернуть образ времени как вечности в искусство. В своих сочинениях Х. Зедльмайр напоминает о важнейшей функции искусства, делающей его родственным с философией способом созерцания вечных истин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайденко П. П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* М. : Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
- Резвых Т. Н. *Время у Франца Баадера // Христианское чтение.* 2017. № 4. С. 294–306.
- Зедльмайр Г. *Искусство и истина.* СПб. : Аxiома 2000, 272 с.
- Лихачев Д. С. *Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы.* 1968. № 8. С. 74–87.
- Флоренский П. А. *У водоразделов мысли // Символ.* 1992. № 28. С. 123–216.
- Юрасова Н. Г. *Проблемы методологии анализа художественного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.* 2008. № 3 С. 253–258.

УДК 17+719+94(47)

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры ФГН МГЛУ; e-mail: eperova71@list.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА

В статье рассматривается отношение и научное внимание к памятникам русской старины на материале дореволюционного издания для любителей искусства «Старые годы». При этом выявляются значимые для понимания темы исторические и научно-исследовательские параллели начала XX и начала XXI вв., в которых прослеживается одновременно и выражение, и формирование патриотического мировосприятия посредством изучения и активной защиты памятников старины.

Ключевые слова: русская история и культура; патриотизм; сохранение памятников старины.

Perova E. Y.

Associate professor, Candidate of Culture Studies, Culture Studies Department; e-mail: eperova71@list.ru

THE STUDY OF ANTIQUITY MONUMENTS AS AN EXPRESSION OF PATRIOTISM

The article examines the scientific attention to the monuments of Russian antiquity on the material of the pre-revolutionary edition for art lovers. It is important to pay attention to the corresponding parallels of the beginning of the twentieth and beginning of the 21st centuries that are significant for understanding the topic are revealed. On this material, it is possible to trace both the expression and the formation of a patriotic worldview through the study and active protection of monuments of antiquity

Key words: Russian culture and history; patriotism; preservation and protection of ancient monuments.

Научный интерес и внимание к памятникам старины и отечественной традиции были заложены славянофилами, ряд представителей которых (братья Аксаковы, Ю. Самарин и др.) уже с середины XIX в. занимались изучением народного быта и искусства, обозначая эти вопросы как часть философского осмысления Русского мира, своеобразия отечественной культуры и ее места в мировой истории.

В том же столетии эти идеи, патриотические основания которых были обострены Отечественной войной 1812 г., нашли широкий отклик на различных уровнях: и в масштабной государственной политике, начиная с правления императора Николая Павловича, и в отдельных социокультурных направлениях. Так, например, министр народного просвещения А. С. Шишков выступал против «секуляризации науки, убеждая общество в необходимости придания образованию патриотического характера» [Решетников 2017, с. 62]. Особое внимание в сфере образования уделялось изучению отечественной традиции, особенно словесности. Выдающимися ревнителями русской культуры и языка были кроме А. С. Шишкова и Г. Р. Державина, создавших в начале века общество «Беседа любителей русского слова», князь А. А. Шаховской, С. А. Ширинский-Шихматов и др. Этот вектор подготовит в отечественной культуре появление и развитие феномена золотого века русской литературы, который раскроется не только в блистательной художественной словесности, но и в сугубом интересе к народному языку, систематизации фольклорного наследия в трудах В. И. Даля, К. С. Аксакова и др.

Важно отметить, что в дальнейшем и в искусствоведческих исследованиях будет продолжена традиция замечательного стилистического оформления научных текстов.

В начале XX в. в контексте изучения отечественной культурной традиции большое внимание отводится русской иконе, причем интерес охватывает и зарубежных деятелей науки и художников. Это было связано с технологией реставрационного дела, позволившего открыть икону в отношении конкретных памятников, что, в свою очередь, позволило научно осмыслить и выявить этот феномен мирового искусства. «Целая область искусства, до сих пор – достояние отдельных коллекционеров и любителей, выдвигается на мировую арену, является крупным открытием для европейской науки об искусстве, – пишет А. Ростиславов. – Предстоит огромная работа по описанию, установлению датировок. Словом, в ближайшем будущем... должна расцвести новая область в искусстве – иконоведение, до сих пор разрабатывавшаяся в науке, почти только как церковный и исторический материал» [Старые годы, октябрь 1913, с. 44–45].

Также в начале XX в. было велико в отечественной культуре место усадьбы, это явление становится предметом частых и подробных исследований. Так, например, барон Н. Н. Врангель пишет труд «Старые

усадебьбы»: исторический обзор русской дворянской культуры, быта, начиная с XVIII в. Несколько отдельных статей автора были посвящены кладбищам («Забытые могилы», «Разрушенные кладбища» (1907); «Защита старины» (1910); «Венок мертвым» (1913) и др.).

Названные направления были основными для исследователей отечественной культуры в начале прошлого столетия, названного Серебряным веком. Искусствоведческое направление привлекло специалистов из различных областей (историки, поэты, коллекционеры, художники и т. д.), которые продолжили традицию понимания отдельных памятников как проявления мировоззренческих оснований культуры народа.

Одним из подобных изданий был ежемесячный журнал «Старые годы», который издавался в Петербурге с 1907 по 1916 г. Тираж варьировался от 1 до 5 тыс. экземпляров, максимальные тиражи приходятся и на 1914 г., начало Первой мировой войны (хотя выпуски были отложены, позже выходили объединенные номера за несколько месяцев). Так, сборный номер за июль – сентябрь 1914 г. был посвящен в основном пригороду Петербурга Гатчине, в разделе хроники была представлена заметка редактора-издателя П. П. Вейнера «Лейпцигская выставка 1914 года». В ней говорится о Международной выставке печатного дела и графики, проходившей в Лейпциге и прерванной военными действиями, дается критический обзор ее устройства в целом («германские устроители... выставки имели в виду не столь художественную сторону книжного дела, сколь чисто коммерческую» [Старые годы, июль – сентябрь 1914, с. 194]), делаются акценты на экспозиции Франции, Германии, Австрии, Италии, Англии и России в их культурно-исторической ретроспективе. В заключение выражалось беспокойство за судьбу экспонатов, оставшихся в Германии: «Внезапное закрытие выставки вследствие войны внушило многим... опасения за судьбу экспонатов. Комиссариат принял все меры, какие были в его силах, при неожиданности и быстроте событий... Будем надеяться, что эксцессы... не коснутся, по крайней мере, этих безмолвных памятников нашей культуры, доверчиво посланных в чужую страну» [там же, с. 199]. За несколько месяцев до того, в февральском номере журнала отдельная статья была посвящена «Закону об охране старины», который как раз в это время, накануне войны должен был быть принят в Государственной думе. В статье указывались сведения, регламентировавшие, что памятник подлежал охране, фиксировались

наказания за его ущерб, большой объем статьи был посвящен критике исправленного проекта закона. Беспокойство по поводу возможных утрат присутствует во многих статьях: «Интерес к родной старине... принимает в своем развитии такое направление, что позволяет верить в то недалекое будущее, когда наши национальные памятники искусства и старины будут действительно ограждены, по крайней мере, от сознательного их разрушения и полного уничтожения» [Старые годы, июль – сентябрь 1914, с. 50].

Среди рубрик издания – «Материалы по истории вандализма в России», которую вел Г. К. Лукомский. Здесь была попытка охватить происходящее в разных местах России в отношении несоответствующего обращения с памятниками. Крупные города и отдаленная провинция, широкая география поездок Г. Лукомского в начале 1910-х гг., фотосъемка и зарисовки значимых объектов позволили быть в курсе дела. Это нашло отражение в трудах, посвященных памятникам старины в отдельных городах (Костроме, Вологде, Петербурге, Киеве и др.), в них прорывалась боль за утрачиваемое и искажаемое наследие: «...во многих случаях Комиссия не бывает уведомлена о предстоящих ремонтах... И в этом-то главная беда в деле сохранения нашей старины. Нет на местах агентов, которые доносили бы вовремя о грозящем памятнику разрушению или... переделке» [Старые годы, май 1914, с. 51]. Ситуация, сложившаяся, например, в Смоленске, описывалась следующим образом: «...самым значительным вандализмом деянием, – впрочем, совершившимся не в последний год, а продолжавшимся десятилетия – является разрушение стен Кремля. Правда, теперь стены изучены, обмерены, сфотографированы, но огромные бреши разрушающихся и просто разобранных на кирпич стен непрерывно будут напоминать нам о погибающей старине», – не изменилась до сих пор [там же, с. 48]. Вместе с тем уцелевшие фрагменты стен в Смоленске дают представление о несохранившихся стенах Белого города в Москве.

Уже тогда, в начале XX в., поднимался вопрос о том, в чьем ведении находится тот или иной культовый памятник, о качественной его реставрации в сопровождении специалистов, о его использовании (например статья А. Ростиславова «Духовенство и старина» в июньском выпуске 1914 г.).

Сборники, выходявшие в военное время, вели печальную хронику утрачиваемого, читались публичные лекции и о памятниках Европы, разрушенных войной. И это тоже было борьбой, противостоянием:

«может быть, именно сейчас в нашей борьбе за старину и искусство не надо уступать ни одной пяди, ибо с ужасающей наглядностью обнаружилось, что “культурные завоевания” идут рука об руку не с искусством и наукой, а с военным варварством» [Старые годы, октябрь – декабрь 1914, с. 120]. К сожалению, и в этом отношении ситуация спустя столетие не изменилась, и в XXI в. продолжают утрачиваться мировые хрестоматийные памятники.

Последний номер журнала, подготовленный в 1916 г., вышел спустя некоторое время. Многие авторы вынуждены были эмигрировать, за границей продолжали научную деятельность, тосковали по России, надеясь вернуться для служения родине.

Изучение отечественного культурного наследия отражает также этические основания культуры, философскую позицию понимания истории в ее прикладном аспекте. Поэтому внимание к памятникам старины необходимо и особо важно в переломные моменты истории, политически нестабильные, когда духовное возрождение во многом зависит от места, которое отводится памятникам прошлого в настоящей и будущей жизни народа. Изучение истории искусства помогает пониманию более масштабных исторических и культурных процессов. В современной ситуации этого проблемного пространства отчасти повторяются те же тенденции, которые прозвучали в жизни России сто лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Решетников Л.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. М. : Духовное преображение, 2017. 320 с.
- Старые годы // Ежемесячник для любителей искусства и старины. Июль – сентябрь, 1914. 206 с.
- Старые годы // Ежемесячник для любителей искусства и старины. Май, 1914. 64 с.
- Старые годы // Ежемесячник для любителей искусства и старины. Октябрь, 1913. 60 с.
- Старые годы // Ежемесячник для любителей искусства и старины. Октябрь – декабрь, 1914. 150 с.
- Старые годы // Ежемесячник для любителей искусства и старины. Февраль, 1914. 68 с.

УДК 215

Р. А. Силантьев

доктор исторических наук, профессор кафедры мировой культуры, МГЛУ;
e-mail: rsilantiev@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЯХ ДЕСТРУКТОЛОГИИ КАК НОВОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В статье рассматривается теоретико-методологическая основа новой прикладной научной дисциплины, призванной оказывать серьезное противодействие угрозам национальной безопасности России. Автор статьи доказывает необходимость комплексной подготовки специалистов, способных противостоять негативным вызовам и разбирающихся в опасных молодежных увлечениях и в инструментари террористических организаций.

Ключевые слова: деструктология; террология; экстремизм; терроризм; субкультура; национальная безопасность.

Sylantiev R. A.

Dr. of History, Professor, Department of World Culture; MSLU;
e-mail: rsilantiev@mail.ru

ON SOME THEORETICAL STUDIES OF DESTRUCTOLOGY AS A NEW SCIENTIFIC DISCIPLINE

The article discusses the theoretical and methodological basis of a new applied scientific discipline, designed to provide serious counteraction to threats to national security of Russia. The author of the article proves the necessity of complex training of the specialists capable to resist to negative challenges and understanding both in dangerous youth Hobbies, and in tools of the terrorist organizations.

Key words: destructology; terrology; extremism; terrorism; subculture; national security.

Духовное освоение современного виртуального и реального видов пространства предполагает широкое использование самого различного инструментария, применение которого способствует их конструированию. Современное гуманитарное пространство характеризуется двумя противоположными тенденциями: созидательной, которая направлена на реализацию межкультурного и межрелигиозного диалога между представителями различных культур, и разрушительной, которая направлена на использование внешних, внутренних, религиозных, политических и иных ресурсов для формирования конфликтогенных зон.

Подобная амбивалентная ситуация ставит перед силами национальной безопасности РФ задачу разработки комплекса мер, применение которых позволит предотвратить реальные опасности не только для отдельных групп населения, но и для целых этнокультурных сообществ. Ведь цифровые технологии служат существенному расширению аудитории социальных сетей, мессенджеров, даркнета и нейросетей. Транслируемая с их помощью информация несет в себе не только ценностные смыслы, но и деструктивные угрозы, при этом необходимо отметить, что деструктивные технологии наносят серьезный урон, опережая таким образом эффективное противодействие силами безопасности.

В контексте вышесказанного нам представляется целесообразным подвергнуть анализу деструктивные стратегии, используемые для создания условий нарастания напряжения и агрессии.

Обзор современной отечественной специальной литературы свидетельствует о том, что российские ученые И. П. Добаев, А. А. Игнатенко, Л. С. Астахова, А. Л. Дворкин, А. В. Саввин, В. В. Шиллер, С. И. Чудинов, В. А. Бурковская и многие другие концентрируют свое внимание на поиске научных подходов, на основе которых возможна выработка контрмер, позволяющих отвечать на старые и новые угрозы [Добаев, 2002; Дворкин, 2006; Бурковская, 2006; Чудинов, 2010]. Следует отметить, что научно-исследовательские подразделения созданы при всех правоохранительных и силовых структурах России. Разработкой данной проблемы занимаются также вузы, подведомственные Министерству образования и науки РФ и принимающие активное участие в укреплении национальной безопасности через постоянную воспитательную и образовательную работу с обучающимися.

Тем не менее существующая система противодействия деструктивным вызовам имеет существенный изъян. Работающие в ней сотрудники обладают преимущественно узкой специализацией, что препятствует выработке единого подхода к комплексному противодействию совокупности вызовов. Деструктивная идеология сейчас реализуется в очень разнообразных формах. Так, некоторые могут иметь одновременно черты политического движения, религиозной секты и организованной преступной группировки, что придает ей гибридный характер и обеспечивает присутствие в различных типах сред. При этом гибридные черты обеспечивают подобным структурам устойчивость и возможность одновременной работы с различными

целевыми аудиториями, обладающими различными социокультурными параметрами и возрастными характеристиками. Иллюстративным примером служат запрещенные в России террористические организации «Аум Синрикё» и ИГИЛ. Упомянутые организации-химеры могут реализовывать самую широкую линейку противозаконных действий – заниматься терроризмом и даже террором, провоцировать «оранжевые революции» и торговать наркотиками, практиковать киберпреступления и мошенничество, одновременно вербовать в свои ряды неавторитетных заключенных и авторитетных спортсменов.

На основании вышесказанного мы приходим к заключению о необходимости подготовки специалистов нового профиля, одинаково хорошо разбирающихся как в противодействии терроризму, так и в опасных молодежных субкультурах. На наш взгляд, решить проблему подготовки можно путем институционализации новой прикладной научной дисциплины – деструктологии (деструктоведения) (от лат. *destructio, deconstructio* – *разложение, разрушение* и *logos* – *наука*). Данная дисциплина позволит объединить компетенции религиоведов (особенно исламоведов и сектоведов), специализирующихся на работе с трудными подростками педагогов, психологов, культурологов, лингвистов и специалистов по информационной безопасности. Важнейшим научным инструментом деструктологии видится прогностика, которая обеспечивает условия для борьбы не только с уже выявленными угрозами, но и потенциальными вызовами. Основной методологической задачей в свете вышесказанного становится разработка научного аппарата, способствующего раннему выявлению и диагностики угроз.

Наше утверждение основано на анализе трудов российских В. В. Кафтана и И. Ю. Сундиева [Кафтан 2009а, 2009б; Сундиев 2009; Сундиев 2012]. В. В. Кафтан является специалистом в области теории террологии, обоснованной им же научной дисциплины, в которой он дает следующее определение термину: «Террология представляет собой относительно автономную научную дисциплину, динамично развивающуюся на стыке философии, политологии и социологии, конфликтологии, криминалистики и других наук за рубежом и в России, ее основные подходы связаны с объяснением и пониманием причин, роли террористического насилия в современном мире как искусственно создаваемого пространства страха для достижения различных политических, экономических, социальных и духовных

целей, структурированного многообразными и взаимосвязанными социальными субъектами» [Кафтан 2009, с. 33–39].

В. В. Кафтан считает необходимым определить статус террологии в общей системе гуманитарных и социальных знаний и специфики философского осмысления терроризма, решить вопрос о философских методах постижения объекта и предмета террологии. Он также предлагает установить особенности и структуру террологического знания, закономерностей его развития. Важным считается анализ многообразных вариантов раскрытия сущности терроризма, нахождение принципов подхода к его определению, наконец, формулирование философского определения понятия «терроризма». Ученый описывает также онтологические основы терроризма в социальном бытии, существовании этноса, социальных групп, отдельного человека и т. д. В центре его научного внимания стоят также особенности функционирования террористического сознания (своеобразия субъекта, объема, форм). Автор предпринимает успешную попытку классифицировать типы и виды терроризма с учетом результатов анализа высказываний идеологов терроризма, их языка и т. д. Кроме того В. В. Кафтан выделяет следующие составные части террологии: террорография, философия терроризма, психология терроризма, социология терроризма, антропологически и этические проблемы терроризма и др.

По мнению разработчика новой теории, «террология должна войти в систему деятельности по обеспечению безопасного бытия личности общества и государства, систему, обеспечивающую стабильное развитие социума» [там же].

Вслед за В. В. Кафтаном, И. Ю. Сундиев вводит понятие оперативно-розыскной террологии, предметом которой являются «существенные признаки, причины, закономерности возникновения, модификации и функционирования терроризма, многообразных его проявлений в истории общества и в настоящее время, взаимосвязь терроризма и радикализма, экстремизма, фундаментализма» [Сундиев 2012, с. 10–11].

Безусловно, выдвинутые обоими отечественными учеными идеи формируют основу деструктологии. Необходимость введения в научное употребление термина «деструктология» обусловлена логикой развития гуманитарных прикладных наук нового поколения, в том числе формирующейся диссидентологией. Указанная дисциплина дает возможность изучения феномена медицинских диссидентов,

отрицающих существование СПИДа или рака, географических, исторических и др.

Итак, объектом деструктологии выступает совокупность деструктивных новообразований (организаций, групп, контркультур, игровых увлечений и пр.). При этом указанная совокупность носит гетерогенный характер и на этом основании может быть классифицирована по следующей схеме:

1) ***социально-коммерческие новообразования, которые сопровождаются потерей времени и денег.*** Они представляют наименьшую угрозу жизни человека, они имеют наибольшее распространение благодаря своей кажущейся безобидности. Примерами являются лженаучные курсы нейролингвистического программирования, «пикапа» и личностного роста; нерелигиозные коммерческие секты, специализирующиеся на продаже по завышенным ценам биологически активных добавок (БАДов), кухонной утвари, техники, одежды и т. д.; псевдоспортивные секции, создающие иллюзию физического развития или обучения боевым искусствам; криминальные субкультуры (АУЕ) и др.;

2) ***социально-значимые образования характеризующиеся реальной опасностью потери времени, денег и здоровья.*** Данный тип новообразований представлен преимущественно деструктивными сектами религиозного характера, адепты которых из-за психологического воздействия, режима дня и питания, физических нагрузок, ограничений медицинского характера быстро теряют физическое и душевное здоровье, параллельно финансируя такие структуры и тратя на участие в них большую часть своего времени. К подвиду таких сект относятся так называемые псевдоцелительские культы (экстремистская организация «Орда», секты «Фалунгунь» и «Христианская наука», культ «Рожана», культ Надежды Антоненко), практики которых наносит прямой урон здоровью, например секта «Орда» заставляет своих адептов по шесть минут в день смотреть на Солнце.

Ко второму типу могут быть причислены салоны магов, ясновидящих, экстрасенсов, целителей, черных и белых колдунов, шаманов и т. д. Подавляющее большинство из них имеют заведомо мошеннический характер и помимо вымогательства денег могут причинить серьезный вред здоровью, обещая вылечить тяжелое заболевание нетрадиционными средствами. Можно предположить, что в результате действия такого рода «целителей» десятки тысяч россиян не получили своевременной медицинской помощи.

3) *социально-опасные новообразования, несущие прямую угрозу для жизни человека или группы, социума.* Среди такого рода новообразований можно выделить три вида. К первому относятся «суицидальные» религиозные секты, которые прямо склоняют своих адептов к самоубийству (например «Народный храм», «Небесные врата» и др.). Ко второму – регулярно приобретающие популярность в социальных сетях игры типа «Синего кита», для победы в которых следует также свести счеты с жизнью. К третьему – новообразования, практикующие смертельно опасные пищевые ограничения и медицинское диссидентство. Так, к летальным исходам может приводить следование идеологии «праноедов» или «солнцеедов», которые в принципе отказались от приема пищи. Наибольшую угрозу представляют медицинские диссиденты;

4) *социально-агрессивные новообразования, представляющие угрозу для жизни вовлеченного адепта и всего общества.* В подавляющем большинстве они представляют собой организации, определяемые российским законодательством как экстремистские и террористические. Участие в них несет угрозу не только материальному благосостоянию, здоровью и жизни самого участника, но и окружающим. При этом грань между экстремистскими и террористическими организациями является очень тонкой. Такого рода структуры несут ответственность за гибель уже более миллиона человек, причем только за последние 10 лет.

По нашим наблюдениям, в некоторых регионах все вышеописанные типы новообразований могут быть представлены одновременно, в некоторых – нет, однако тенденция их распространения оценивается как негативная, что заметно по расширению географии террористических атак, совершенных в России.

Выделенные нами деструктивные новообразования можно также разделить на исламистские религиозно-политические движения и секты, неисламские секты и смешанные религиозно-политические движения, нерелигиозные деструктивные движения, деструктивные идеологии, субкультуры, увлечения.

Таким образом, предметом деструктологии являются причины, закономерности возникновения, признаки, модификации и особенности функционирования деструктивных новообразований, их проявления в жизни общества и взаимосвязи между ними.

Важно отметить, что деструктология, равно как и конфликтология, изучает конфликтогенные факторы, однако деструктологию

интересуют прежде всего **последствия**, вызванные развитием и эскалацией различных видов конфликта. Указанная разница является для нас принципиальной, поскольку позволяет выделить в рамках деструктологии свой собственный объект и предмет исследования.

Деструктология имеет, по нашему мнению, существенное научно-прикладное значение, что выражается в спецификации знаний, умений и навыков деструктологов. Помимо общего набора компетенций деструктологам необходимы знания из области психологии, юриспруденции, культурологии, рекламы, медицины, в том числе физиологии и психиатрии. Указанный перечень не является полным, однако дает представление о том, что отраслевое знание позволит деструктологу распознать, оценить, проанализировать степень той или иной угрозы. Полученная информация даст ему возможность разработать сценарий своего поведения в тех или иных условиях, в том числе в условиях нарастания агрессии. Комплексное прикладное знание обеспечит также компетентность деструктолога в конкретных жизненных ситуациях, в которых от него требуется принятие решения и ответственности за жизнь и безопасность других людей.

Существенную роль играет также лингвистическая подготовка деструктологов, это объясняется необходимостью аналитической работы с инокультурными текстами, построенными на разных ценностных ориентациях. Лингвистическое знание необходимо для выстраивания защиты информации в разных типах сред, а также для обеспечения эффективной работы в соцсетях с разными целевыми аудиториями.

Важным является также вопрос о духовной зрелости и духовно-нравственных представлениях будущих деструктологов. Мы полагаем следующий социокультурный портрет: возраст от 20 лет и старше; гендер не имеет значения; базовое образование гуманитарное, психолого-педагогическое, лингвистическое, медицинское и т.п.; владение иностранным языком; опыт работы – желателен в области СМИ, в организациях общего образования, вузах, медицинских учреждениях. Данные параметры гарантируют достаточный уровень сформированности всего набора компетенций, на базе которых возможна переподготовка кадров в сжатые временные сроки.

Несмотря на отсутствие экспериментальной базы и статистических данных, мы полагаем, что повышение квалификации и профессиональная переподготовка принесут наиболее качественные результаты при работе со специалистами, имеющими опыт работы в области

психологии, психиатрии, религиоведения, теологии, конфликтологии, юриспруденции, культурологии.

Вышеназванные специализации позволяют формировать группы деструктологов, способных сконцентрироваться на решении совокупности проблем, как на отдельной территории, так и в условиях полиязычия и мультикультурализма. Технологическая компетентность даст им также возможность работать с различными базами данных с применением информационно-коммуникационных технологий.

Специализация также возможна по возрастным параметрам. В одном случае уклон может быть сделан в сторону специфических угроз жизни подростков (кибербуллинг, суицидальным играм, опасным субкультурам), в другом – деструктивным религиозным организациям, экстремизму и терроризму. Отметим, что грань между возрастными группами носит размытый характер – вступить в ряды способны уже и 14-летние подростки (как это было в Тверской области в 2013 г.).

В заключение подчеркнем, что деструктологи будут востребованы:

- в правоохранительных органах, особенно в подразделениях, отмеченных буквами «Э» (экстремизм) и «Т» (терроризм);
- на государственной службе, особенно в антитеррористических комиссиях;
- НИИ и в вузах, в качестве обязательного курса лекций для обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурковская В. А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 469 с.
- Добаев И. П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. 416 с.
- Дворкин А. Л.* Сектоведение: тоталитарные секты: опыт систематического исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород : Братства во имя св. князя Александра Невского, 2003. 816 с.
- Кафтан В. В.* Введение в террологию. Логико-гносеологические основания институционализации: монография. М. : ВУ, 2009а. 208 с.
- Кафтан В. В.* Институционализация террологии как эпистемологический процесс // Вестник Военного университета. 2009б. № 1. С. 33–39.

Культы нетрадиционные (новые) // Новые религиозные культы, движения и организации в России: словарь-справочник / А. В. Саввин [и др]; под ред. Н. А. Трофимчука. М. : РАГС, 1998. С. 122–123.

Сундиев И. Ю. Введение в оперативно-розыскную террологию: монография. М. : Юнити-дана, 2012. С. 10–11.

Сундиев И. Ю. Оперативно-розыскная террология (к постановке проблемы создания специальной теории) // Научный портал МВД России. 2010. № 12. С. 77–85.

Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама): монография. М. : Флинта : Наука, 2010. 312 с.

УДК 101.1:316.37

И. О. Кудрякова, А. Т. Каюмов

Кудрякова И. О., методист кафедры истории и философии науки, Институт Философии РАН; e-mail: asinssa@rambler.ru

Каюмов А. Т., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии МГЛУ; atkayum@gmail.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ПРИРОДНОГО НАЧАЛА В РАБОТАХ П. А. КРОПОТКИНА

Статья посвящена философскому осмыслению проблемы возникновения общества как природного начала в трудах классика мирового анархизма П. А. Кропоткина. Проанализированы основные положения его воззрений на природу общественного и политического. В основе социально-философских и политических воззрений П. А. Кропоткина доминировала позиция природного происхождения общества. Кропоткин как ученый-энциклопедист предпринял попытку разработки социально-политической проблемы анархизма на естественно-научную основу. Кропоткин обращается к натурфилософии. Анархизм Кропоткина – это не только идеал безгосударственного общества, но и философия природы и человеческого общества. Человек в такой трактовке предстает как часть органического мира, включенного в природу и неотделимого от нее. Следовательно, метод познания, выбранный Кропоткиным, заключается в идее единства всего живого на земле и общем для всех законе взаимопомощи и солидарности. Основой социальной философии П. А. Кропоткина является единство всего живого на земле. Возникновение общества, по Кропоткину, начинается с того момента, когда возникает солидарность между индивидами группы.

Обращение Кропоткина к натурфилософии обусловливается общекультурными и внутрифилософскими факторами, в частности это ответ на негативные проявления прогресса человеческого общества, попытка дать альтернативное суждение на развитие техногенных процессов, утилитаристской парадигмы капитализма к XIX – началу XX вв.

Кропоткин выступает как противник антропоцентризма и воспринимает природу в целом как нечто неизмеримо большее, чем является человек и / или общество. Обращение к натурфилософскому методу позволяет увидеть картину мира в глобальной перспективе и заметить те тенденции в эволюции природы и общества, которые в конечном итоге приведут к разгосударствлению экономики, децентрализации власти, а вместе – к развитию местной инициативы, самоорганизации и самоуправлению в рамках современных глобальных процессов.

Ключевые слова: природа; общество; эволюция; государство; социоморфизм; анархизм; глубинная экология.

Kudryakova I. O.

Methodologist at the Department of the History and Philosophy of Science, Institute of Philosophy of RAS; e-mail: asinssa@rambler.ru

Kayumov A. T.

Doctor of Philosophy (Dr.habil), Professor, Head of the Department of Philosophy of MSU; atkayum@gmail.com

**THE NATURAL ORIGIN OF SOCIETY
IN THE WORKS OF P. A. KROPOTKIN**

The Emergence of society as natural beginning by P.A. Kropotkin's works.

Article is devoted to philosophical judgment of a problem of emergence of society as natural beginning in works of the classic of world anarchism P.A. Kropotkin. Basic provisions of his views on the nature public and political are analyzed. In the basis of social and philosophical and political views of P.A. Kropotkin the position of natural origin of society dominated. Kropotkin as the scientist – encyclopedias has made an attempt of development of a socio-political problem of anarchism on a natural-science basis. Kropotkin addresses physiophilosophy. Anarchism of Kropotkin it not only ideal of stateless society, but also philosophy of the nature and human society. The person in such treatment appears as a part of the organic world included in the nature and inseparable from her. Therefore, the knowledge method chosen by Kropotkin consists in the idea of unity of all live on the earth and the general for all the law of mutual aid and solidarity. Core of social philosophy of P.A. Kropotkin is the unity of all live on the earth. Emergence of society, across Kropotkin begins with that moment when there is solidarity between individuals of group.

The appeal of Kropotkin to physiophilosophy is caused by common cultural, and intra philosophical factors, in particular it is the response to negative manifestations of progress of human society, attempt to give alternative judgment, on development of technogenic processes, the Benthamite of a paradigm of capitalism end of the 19th, beginning of the 20th century.

Kropotkin acts as the opponent of anthropocentrism, and perceives the nature in general as something immeasurably bigger, than the person and /or society is. The appeal to a physiophilosophical method, allows to see a world picture in global prospect and to notice those tendencies in evolution of the nature and society which finally will lead to privatization of economy, decentralization of the power, at the same time – to development of a local initiative, self-organization and self-government within modern global processes.

Key words: nature; society; evolution; state; sociomorphism; anarchism; deep ecology.

Природа и сущность государственной власти – одна из центральных проблем всякой политической философии, в том числе и философии анархизма. Следует отметить, что Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) в своих работах выражал протест против упрощенного

представления об анархии как о явлении сугубо деструктивном. Он доказывал, что сущностью анархизма является не хаос, беспорядок и вседозволенность, а конструктивное созидательное начало. Анархизм, в воззрениях П. А. Кропоткина, есть идеология, направленная на устранение насилия из жизни общества. Главная задача анархизма, по его мнению, состоит в отрицании власти человека над человеком, в освобождении личности от всего того, что мешает ее гармоничному развитию. Финальная цель анархизма состоит в построении такого общества, которое живет по принципам самоорганизации и добровольного соглашения людей.

П. А. Кропоткин, в отличие от других представителей анархизма, строил свою теорию на естественно-научных основаниях. С этой точки зрения, анархизм понимается как продолжение натурфилософии, где человек воспринимается как часть природы. По идее П. А. Кропоткина, в природе нет единого управляющего центра, только взаимодействие: «...повсюду и везде мы видим лишь взаимодействие различных сил, координацию разнообразных движений... зависимость одних частиц или существ от других» [Кропоткин 1922, с. 93]. На основе многообразных связей и взаимодействий как раз и достигается гармония природы и общества.

Общество, по мнению П. А. Кропоткина, строится по тем же принципам: в нем нет иерархии подчинения, а есть сплетение горизонтальных связей между людьми, которым свойственно стремление к кооперативному взаимодействию и солидарности.

В целом следует подчеркнуть, что П. А. Кропоткин проводил параллель между животным миром и человеческим обществом, рассматривая человеческое общество как особую разновидность общественной жизни, аналоги которой можно найти в организации живых организмов. В своей работе «Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса» П. А. Кропоткин указывал, что взаимодействие существ большими группами не является исключительно природным фактором. Более того, «общественная жизнь, – подчеркивал П. А. Кропоткин, – встречается в животном мире на всех ступенях развития» [Кропоткин 1922, с. 61].

Согласно П. А. Кропоткину, человеческие сообщества (в эволюционной парадигме) приобретают всё более организованные и сознательно обусловленные формы, их чисто инстинктивный характер уходит на задний план. В структуре «социальной организации»

П. А. Кропоткин выделяет несколько уровней объединения в животном мире, сходных с человеческим: «Объединение бывает иногда в две или три степени: сначала семья, потом группа и, наконец, общество групп, обыкновенно рассеянных, но соединяющихся в случае нужды...» [Кропоткин 1922, с. 61].

Таким образом общество предстает как феномен, как результат эволюционного развития организационных структур, наблюдаемых на самых разных уровнях организации живого. Поэтому общество – это довольно широкое понятие. Общество не может быть создано исключительно человеком уже только потому, что оно существовало в определенной форме за миллионы лет до него, в животном мире. Современные исследователи рассматривают теорию эволюции на основе естественного отбора. Эта идея Чарльза Дарвина распространилась в научном сообществе в модифицированной форме в виде неodarвинизма, синтетической теории эволюции и легла в основу исследовательской программы биополитики. Для всех этих концепций характерен социоморфизм, т. е. уподобление биологических систем человеческому обществу.

Влияние идей Ч. Дарвина имело воздействие и на П. А. Кропоткина, в его теории «основным фактором эволюции объявляется взаимопомощь живых существ и их совместная борьба против суровых условий среды, а не борьба за существование между собой».

Логично, что П. А. Кропоткин полемизировал с Томасом Гоббсом относительно естественного состояния людей. Т. Гоббс негативно понимал естественное состояние, он отмечал, что среди людей в естественном состоянии нет взаимодействия и солидарности. Люди, по Т. Гоббсу, объединяются в группы только лишь для того, чтобы обороняться от общей внешней угрозы. Лишь страх заставляет людей жить сообща и создавать общество. Так, Т. Гоббс рассматривает первобытных людей «как стадо диких дикарей, которые жили отдельными маленькими семьями и дрались между собой из-за пищи и из-за своих жен до тех пор, пока не появилось благодетельное начальство, которое водворило среди них мир» [Кропоткин 2014, с. 98].

Философские истоки идей Т. Гоббса восходят к Аристотелю, который признавал отличие человека от животных. Согласно Аристотелю, человек обладает «разумной душой», в то время как животные наделены лишь «растительной» и «чувствующей» душами. Аристотель усматривал определенные параллели между человеком и животными,

сопоставляя их в социальном аспекте. Так, понятием «политическое животное» Аристотель обозначал как людей, так и пчел, муравьев, журавлей, т. е. тех, кто способен сотрудничать ради выполнения общей для всех цели. В свете современных биополитических дискуссий термин «политическое животное» приобретает новый смысл в рассуждениях о роли иерархических структур в сообществах животных и в человеческом обществе. Причем именно Аристотель отличает одних от других на том основании, что одни «находятся под властью вождя, другие безначальные...» [Аристотель 1996, с. 75].

П. А. Кропоткин полагал, что «эволюция живого и эволюция человеческого общества подчиняется единым основным законам» [Олескин 2007, с. 23].

Общество, по мнению П. А. Кропоткина, не создано человеком. Весь XIX в., подчеркивал ученый, стал заложником гоббсовской традиции негативного восприятия естественного состояния и искусственного происхождения общества. В качестве примера подобного заблуждения П. А. Кропоткин приводит высказывание известного натуралиста-дарвиниста Томаса Генри Гексли, который заявлял в 1885 г., что вначале люди жили, борясь «каждый против всех» до тех пор, пока благодаря нескольким передовым людям эпохи, не было основано «первое общество». Однако общество, подчеркивает П. А. Кропоткин, «вместо того, чтобы быть созданным человеком, существовало задолго до появления человека среди животных. Такова сила укоренившегося предрассудка» [Кропоткин 2014, с. 99].

Оставаясь на позиции эволюционной теории и перенося некоторые идеи и положения эволюционной теории на человеческое общество, П. А. Кропоткин подчеркивает, что не война «всех против всех», а взаимопомощь характерна для человеческого сообщества. Так взаимопомощь является выражением их естественного состояния. Он пишет: «Как бы далеко мы ни восходили вглубь древнейшей истории человека, мы везде находим, что люди жили уже сообществами, группами, подобными стадам высших млекопитающих..., первые человеческие общества просто были дальнейшим развитием тех сообществ, которые составляют самую сущность жизни высших животных» [Кропоткин 1922, с. 86–87]. В качестве наиболее яркого примера такой формы взаимодействия П. А. Кропоткин ссылается на сообщества обезьян [Кропоткин 1922, с. 58].

Взгляд П. А. Кропоткина на происхождение общества основан на эволюционной парадигме. Он правильно понимает взаимосвязь между природным и социальным, усматривая корни организации людей в сообществе в природной среде, в мире животных. Между тем человеческая личность (в такой трактовке) отходит на второй план.

Тем не менее в концепции П. А. Кропоткина особое внимание уделено обоснованию общих принципов организации как человеческого сообщества, так и больших групп животных. Он находит аргументы в поддержку общих принципов, цементирующих общество – борьба за выживание, стремление поддерживать существование целого. Что касается специфики проявления общественных законов, то у него речь идет о подчинении индивидуальных интересов общим, о равенстве и взаимопомощи людей и т. д. Как можно заметить, находя схожие элементы, общие принципы организации между живой природой и человеком, П. А. Кропоткин осознает наличие специфики в организации жизни людей внутри сообщества, прежде всего это касается его представления о том, что такое государство.

Ученый выступает против отождествления общества и государства. Для него эти два понятия – взаимоисключающие, и развитие одного неминуемо повлечет за собой гибель другого. Кроме того, отождествление этих двух понятий, по мнению П. А. Кропоткина, идет вразрез с исторической наукой. В отличие от государства, по его мнению, «общество не было выдуманно человеком – оно существовало раньше появления первых человеческих существ» [Кропоткин 1920, с. 150].

Однако П. А. Кропоткин не рассматривал государство как нечто вечное и неизменяемое. Вся история в представлении ученого – это цепь цивилизаций, каждая из которых проходит строго определенный исторический круг. От первобытного племени, через сельскую общину и вольный город – к государству, причем государство представляется как некий финальный период смены одной цивилизации – другой. Он поясняет: поскольку развитие человечества продолжается, то государство возникает у разных народов в разные исторические эпохи. Государство как конгломерат разных условий социально-политической организации людей проходит все стадии развития, от возникновения к гибели. При этом П. А. Кропоткин подчеркивает мысль о том, что один и тот же народ может быть вовлечен в исторический процесс разных или иных цивилизаций.

Возникновение государства П. А. Кропоткин связывает с появлением централизованного государства. Самое раннее проявление государства П. А. Кропоткин отмечал у цивилизаций, развившихся из первобытного общества, подчеркивая, что становление цивилизации начинается с родоплеменного строя. Причем первобытные люди не знали «никакой другой власти, кроме как власти общественного мнения» [Кропоткин 1922, с. 93]. Эта же самая власть регулировала общественное поведение и существовала всегда.

Таким образом, П. А. Кропоткин отмечал, что общество много тысячелетий могло обходиться без государства. Согласно его мнению, после первоначального появления государства в обществе оно периодически исчезало из истории человечества, и именно в эти периоды, по убеждению П. А. Кропоткина, общество достигало своего наивысшего развития для данной исторической эпохи. Общество способно к наивысшему развитию, даже прогрессу, без участия государственных структур. Поскольку государство является лишь одной из тех форм, которые общество принимает как один из этапов своего развития.

С философской точки зрения постоянное и случайное – это два понятия, которые нельзя смешивать, особенно в отношении роли общества для государства и народа, влияния государства как определенной структуры на общество, в том числе рассматривать эти соотношения (общество – государство) как тождественные. «Государство – есть лишь одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории. Каким же образом можно смешивать постоянное с случайным, – понятие об обществе с понятием о государстве?» [Кропоткин 1920, с. 148]. Как отмечал П. А. Кропоткин, государство стремится подчинить общество, выступая в качестве гаранта власти над людьми.

Государство, таким образом, представляется как бесполезная, даже вредная надстройка над обществом, созданная в интересах капитализма, в том числе, как подчеркивает ученый, ставшая причиной падения Греции и Рима. Государство у П. А. Кропоткина – это скорее социальная болезнь, ведущая к гибели цивилизации. Однако излечить ее непросто, поскольку государство господствует над обществом. Это господство П. А. Кропоткин отождествляет с действием «силы исторических причин».

Таким образом, П. А. Кропоткин предлагает различать общество и государство и усиливает эту мысль, подчеркивая, что именно общество, в отличие от государства, постоянно развивается

и совершенствуется; оно не устанавливает пределы своего развития, его структура пластична и способна реагировать на вызовы времени. Государство, напротив, более консервативно, статично и ассоциируется с реакционной силой. Более того, государство рассматривается как источник зла, эксплуатации и угнетения.

В современной социальной философии и политологии господствует мнение, согласно которому «ущемление власти, органов местного самоуправления за счет чрезмерной централизации может привести страну к авторитарной власти, усилению командно-силовых методов управления. Абсолютная же автономия, лишенная сильного централизованного начала или вышедшая из-под его контроля, может привести к анархии и распаду целостности государства» [Васильев 2017, с. 155].

Широко используя основные философские понятия в отношении государства, П. А. Кропоткин исходил из оптимистического понимания природы человека. Человек, по мнению ученого, от природы лишен зла, поэтому нельзя даже допускать мысли о том, что зло естественным образом присуще человеку. П. А. Кропоткин был убежден в природном происхождении всех лучших человеческих качеств – именно их он рассматривал как основу формирования личности, как основания человеческого поведения.

Конечно, П. А. Кропоткину, как и всем людям, знакомы негативные стороны проявлений человеческой природы. Однако он связывал все негативные стороны человеческой природы, рассматривая их проявление исключительно как одну из болезней общества – болезней, порожденных государством. Это относится и к проявлениям «преступной этики» и, даже более того, все виды проявления преступной деятельности людей, он связывал не с природой человека, а с теми социально неблагоприятными условиями, которые создают почву для проявления ростков преступности. В конечном итоге он пришел к мысли о неэффективности тюрем, называя их «университетами преступности». П. А. Кропоткин также был противником смертной казни.

В противоположность этих негативных проявлений человеческой природы, П. А. Кропоткин выдвигал положение нравственного закона (данное положение, близко к И. Канту, который говорил о нравственном законе внутри нас). Нравственный закон природы, согласно П. А. Кропоткину, проявляется не в форме присущего другим живым существам, а дается на основе опыта, сосуществования с другими

людьми. Нравственный опыт поведения человека переходит в его привычку, без которой ни человек, ни общество дальше не могло бы выжить.

Следовательно, нравственный закон, по мнению П. А. Кропоткина, является естественным, отвечающим природе человека. Наконец, человеку свойственна симпатия. Чувство социальной симпатии в обществе берет свое начало в животном мире, «постепенно развиваясь вместе с усложнением общественной жизни, становится все более и более разнообразным, разумным и свободным в проявлениях. (...) При помощи разума мы создаем из прирожденных нам чувств и склонностей то, что мы называем нравственными понятиями» [Кропоткин 1920, с. 3]. Тем самым П. А. Кропоткин признает врожденность чувств и склонностей, при этом придает нравственным понятиям философский смысл.

П. А. Кропоткин утверждает, что «природа не только не дает урока аморализма, но мы вынуждены признать, что сами понятия добра и зла, наши умозаключения о «высшем добре заимствованы человеком из жизни природы» [Кропоткин 1991, с. 105]. Этим высказыванием П. А. Кропоткин вводит нас в совершенно новую проблематику – выяснение сущности человека, определение его места в среде как природной, так и социальной.

В теории П. А. Кропоткина, общество представляется как естественная форма жизни людей и противопоставляется государству как искусственной форме организации, характерной лишь для одного периода эволюции человечества. П. А. Кропоткин преувеличивал и переоценивал роль государства, рассматривая его как источник зла. С другой стороны, биологизаторский подход к обществу в конечном итоге приводит его к анархистскому взгляду на процессы, происходящие в обществе. П. А. Кропоткин считал, что эволюция живого и эволюция человеческого общества подчиняется единым законам. Его «добровольно-анархическая» модель социума подкреплялась примерами, взятыми из жизни сообществ животных, и эти примеры были перенесены в сферу социальной организации человеческого общества.

Оценивая взгляды П. А. Кропоткина с точки зрения современной науки, можно обнаружить, что его наиболее прогрессивные идеи в той или иной степени связаны со взглядом естествоиспытателя. Другими словами, П. А. Кропоткин смотрит на общество

и государство «взглядом естествоиспытателя», при этом он выступает как противник антропоцентризма и воспринимает природу как нечто неизмеримо большее, чем является человек и/или общество. Тем самым П. А. Кропоткин подошел к истокам того научного направления, которое в дальнейшем получило название «deep ecology» («глубинная экология»).

В целом «взгляд естествоиспытателя» помог П. А. Кропоткину увидеть картину мира в глобальной перспективе и заметить те тенденции в эволюции природы и общества, которые в конечном итоге приведут к разгосударствлению экономики, децентрализации власти, а вместе с тем к развитию местной инициативы, самоорганизации и самоуправлению в рамках современных глобальных процессов. Эти вопросы и вся проблематика в целом делают актуальным обращение к творческому наследию Петра Алексеевича Кропоткина, которого традиционно характеризуют как идеолога мирового анархизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. История животных. М. : Изд-во РГГУ, 1996. 528 с.
- Васильев В. А.* Политический плюрализм в формировании гражданского общества // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 2 (769). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 150–160.
- Кассиров А. Г.* Философские идеи П. А. Кропоткина о единстве природы и общества // Вестник МГТУ. 2007. № 3. С. 388–393.
- Кропоткин П. А.* Анархия. М. : Директ-Медиа, 2014. 475 с.
- Кропоткин П. А.* Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса / пер. с англ. В. П. Багурина; под ред. автора. М. : Голос труда, 1922, 342 с.
- Кропоткин П. А.* Естественнонаучные работы. М. : Наука, 1998. Серия. Научное наследство. Т. 25. Поэзия природы (1895–1896). С. 186–191.
- Кропоткин П. А.* Современная наука и анархия. М. : Голос труда, 1920. 316 с.
- Кропоткин П. А.* Этика. М. : Политиздат, 1991. 496 с.
- Маркин В. А.* П. А. Кропоткин и природа // Тр. Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 4: Идеи П. А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П. А. Кропоткина. М.–Дмитров–СПб., 2002. С. 50–64.
- Олескин А. В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские политологические и практические аспекты. М. : Научный мир, 2007. 508 с.
- Ударцев С. Ф.* Кропоткин. М. : Юрид. лит., 1989. 144 с.

УДК 101.1:316.37

Г. Н. Самуйлов

кандидат философских наук; доцент кафедры философских наук МГЛУ;
e-mail: samouilov@gmail.com

ИСТОРИЦИЗМ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА

Обращаясь к творчеству Жозефа де Местра, можно сказать, что его идея истории зарождается в самый разгар террора, именно его ужасы заставили савойского сенатора и его современников задать себе вопрос о природе и смысле истории. Революционные события послужили причиной глубокого духовного кризиса во Франции. У Ж. де Местра и его последователей эти события вызвали желание понять, каким образом прошлое определяет, влияет и приводит к революционным катастрофам. Этим желанием пропитаны все работы Ж. де Местра: общество, религия, управление, весь человеческий механизм жизни должны быть осознаны и поняты в исторической перспективе, и в смысле ретроспективы, и в смысле футурологии. Необходимо понять историю и научиться у нее тому, что позволит предвидеть и определять лучше, прежде всего, моральный аспект будущего.

Представители различных направлений (социалисты, позитивисты и традиционалисты) были вдохновлены идеями Ж. де Местра и использовали их в своих построениях коллективного блага и будущего.

Ключевые слова: политическая философия; история; революция; традиционализм; позитивизм; социализм; провиденциализм и футурология.

Samuylov G. N.

PhD, Associate Professor of the Department of Philosophical Sciences, MSLU; e-mail: samouilov@gmail.com

MAISTRE'S HISTORICAL IDEAS

The French Idea of History opens at the height of the Terror; its horrors obliged Maistre and his contemporaries to question critically both the nature and the meaning of history. For Maistre, as for many of his generation and social class, these events provoked profound spiritual anxiety, and in Maistre especially, it instigated an overpowering need to understand how the past shaped, influenced, and culminated in such a violent and venomous catastrophe. This desire informed all of Maistre's work: under his pen, everything – knowledge, society, religion, government, the human body – had to be historicized and temporalized in order to be known. The imperative, to understand history and to learn from it, would enable him and his heirs to forecast and effectuate a better and increasingly moral future, eventually ending history all together by uncovering its essence. Socialists, positivists and traditionalists drew on Maistre's historical ideas to construct the collective good and design the future.

Maistre's historically inclined works not only fuelled the Restoration's political disputes, but served as a major source for both the future-oriented statistics of the Directory and the Empire, and the traditionalist, socialist and positivist philosophies

of history that arose from 1820 – 1854. They were, in fact, decisive in the rise of an autochthonous Francophone tradition of historical thinking that historicized Enlightenment social and political philosophy, transporting ancient arguments to modern contexts and flourishing.

Key words: political philosophy; history; revolution; traditionalism; socialism; positivism; providentialism; futurology.

Жозеф де Местр (1753–1821), который уже давно и устойчиво воспринимается последующими поколениями как сугубо реакционная фигура, ассоциирующаяся с абсолютизмом, догматизмом и фанатизмом, удивительным образом предстает в совершенно ином виде в работах современных исследователей, занимающихся его творчеством. Среди них можно назвать таких ученых как Р. Лебрен, П. Глод, Ж.-И. Праншер, Ф. Бартоле, Л. А. Сидентоп, О. Бредли и другие.

Прекрасной иллюстрацией к этому тезису является недавно опубликованная книга К. Армантерос «Французская идея истории: Ж. де Местр и его (духовные) наследники» [Armanteros 2011]. В этой работе граф Ж. де Местр предстает вовсе не реакционером и идеологом деспотической власти, а, совсем напротив, выступает с позиций, симпатизирующих гражданскому гуманизму, оставаясь непоколебимым в своей вере, что человек обладает достаточной силой, чтобы быть творцом собственной судьбы. И это, несмотря на тезис о действии в истории Провидения.

Автор знаменитых «Санкт-Петербургских вечеров» был далек от интеллектуального ига ностальгических образов дореволюционного прошлого; во всем его творчестве особое место занимают темы свободы и индивидуализма, которые несовместимы ни с фашизмом, ни с абсолютизмом, как бы ни пытались представить обратное работы, подобные той, что писал И. Берлин о Ж. де Местре. Последний воспроизвел негативные мнения, представляющие Местра в образе супер-реакционера, и при этом он стремился показать, что его «учению, и в еще большей степени – направлению ума, пришлось прождать целый век, прежде чем они оказались (и слишком роковым образом) востребованы» [Берлин 2001, с. 106–107].

Подвергнув анализу философское основание творчества савойского аристократа, К. Армантерос высоко оценивает не только особое сочетание рационализма и эмпиризма в его методологии, но указывает, что он является представителем, если не родоначальником французского историзма, развивающего теории исторического прогресса.

По ее мнению, книги Ж. де Местра инициировали начало особого философского анализа истории во французском интеллектуальном дискурсе.

С этим тезисом легко согласиться, поскольку всё творчество Ж. де Местра пронизано историцизмом. Подобно Плутарху, он верит, что история проявляет смыслы происходящего и высвечивает, насколько это возможно, значения происходящих событий. Выходя за пределы актуальной политики, история становится у него неким всеобъемлющим способом философского объяснения.

В ответ на провозглашенный Французской революцией тотальный исторический разрыв, он инициирует особый французский интеллектуальный путь для размышлений о прошлом, настоящем и будущем, который найдет себе применение и поддержку не только среди консервативных политических теоретиков, но и среди позитивистов и социалистов-утопистов. Спектр влияния был очень широким. Можно говорить о прямом влиянии савойского интеллектуала на традиционалистскую, социалистическую и позитивистскую философии истории, появившиеся в период с 1820 по 1854 гг., а это были направления, которые, по сути, определили дальнейшее становление французского исторического мышления.

Речь идет о таком понимании истории, которое зарождается в самый разгар террора, именно его ужасы заставили Ж. де Местра и его современников задать вопрос о природе и смысле истории. Для савойского аристократа, как и для многих представителей его поколения, эти события послужили причиной глубокого духовного кризиса. Они вызвали желание понять, каким образом прошлое определяет историческое развитие, влияет и приводит к социальным катастрофам. Именно этим желанием понять причины революции пропитаны работы Ж. де Местра. Все человеческое знание, общество, религия, власть, весь механизм социальной жизни должны были быть историзованы, т. е. включены и рассмотрены в широкой исторической перспективе для того, чтобы быть адекватно осознанными и понятыми. При этом саму историю необходимо рассмотреть прежде всего в фокусе нравственного аспекта; у истории нужно учиться тому, что позволит предвидеть и реализовать лучшее моральное будущее.

Социалисты, позитивисты и традиционалисты на основании таким образом определяемого и понимаемого значения истории, создают свои конструкции для построения коллективного блага и определяют

будущее. И хотя сама надежда, что у истории есть ключ к обновлению человечества и уничтожению насилия, исчезла во Франции после Революции 1848 г., она навсегда изменила лицо французской социальной, политической, моральной и религиозной мысли.

Исторический дискурс Ж. де Местра не только подпитывал политическую идеологию Реставрации, но оказал влияние и на конкретную политику времен Директории и империи. В данном случае имеется в виду, что его работы, например, вошедшие в сборник «Трактаты о Французской революции» [Maistre 1989], изданные известным французским исследователем Ж.-Л. Дарселем, заставляют обратить особое внимание на значение статистики в моральной сфере. Ж. де Местр особенно настаивал на том, что нужно статистически учитывать не столько материальное положение вещей, сколько моральное состояние общества в самых разных своих проявлениях, например, число разводов, насильственных смертей и т. п., с той целью, чтобы предпринимать соответствующие меры для своевременной реинтеграции общества и профилактики протестных настроений. Во времена Директории впервые была осуществлена моральная статистика в государственных делах.

Обращаясь к вопросу о генезисе исторической мысли Ж. де Местра, следует отметить его работу «О суверенитете народа» [Maistre 1992], где он вовлечен в критику позиции Ж. Ж. Руссо, прежде всего того, что изложено в «Общественном договоре» (1762) и в «Рассуждении о природе неравенства среди людей» (1755). Выступая против теории Руссо о прогрессивном развитии стихийно возникшего разума, Ж. де Местр предлагает рассматривать природу как регулятор вероятностей и случайностей, которая в конечном счете все направляет к благу [Maistre 1992].

Савойский мыслитель следует традиции, видящей в разумности как таковой проявление божественного разума, действующего в природе и через природу, и который в себе и от самого себя получает то, что можно назвать божественным деятелем в истории. Местр всегда и везде старается подчеркнуть и показать близость божественного к исторической реальности. История предстает своеобразным конвейером, поточной линией морального знания, и все факты, когда они правильно воспринимаемы человеческим разумом, есть не что иное, как видимые проявления действия Провидения.

Образцы, которые дольше всего остаются в истории, ближе всего находятся в соответствии с божественной волей и человеческой природой. Например, на основании историко-эмпирических данных, Ж. де Местр делает вывод, что монархическое правление лучше всего подходит для того, чтобы дать большее количество счастья человечеству в целом. Монархия всегда была наиболее распространенной формой правления во всей человеческой истории, и при монархии, как правило, социальная жизнь всегда более спокойна и политически стабильна. Республики, напротив: чем более значительными они были, тем более они были непредсказуемыми и разрушительными, принося боль и страдания своему населению. Важно отметить, что критика Ж. де Местром республиканской формы правления не означает рекомендации по ее упразднению. Республики имеют свое назначение, а именно, они востребованы естественным политическим плюрализмом в мире, давая превосходные политические примеры и помогая людям понять, как божественный разум действует во времени. В этом суть политического плюрализма Ж. де Местра: в отличие от энциклопедистов, он утверждает, что человеческая природа не всегда и не везде та же самая, но что «семья жизни» реально изменяется и дифференцируется во времени в разных языках и народах.

Как уже было указано, Ж. де Местр постоянно обращается к понятию разума и его роли, но делает он это в разных контекстах. Так, например, когда он утверждает, что ни само общество, ни политические конституции не могут быть продуктами человеческого рационального рассуждения, он имеет в виду, что человеческий разум, исходя из конструируемых им самим идеальных моделей, не опосредованных опытом, неизбежно ошибается и представляет угрозу для общества и его устоев.

Он утверждает, что в мире, где все рационально объяснимо и в конечном счете ведомо Богом, тем не менее нет жестких фиксированных ограничений на силу человечества сохранить или погубить самих себя во времени. По его мнению, в мире действует божественная сила, но она не предопределяет всю человеческую жизнь. Ж. де Местр наделяет человечество почти неограниченной свободой. Сохраняя индивидуальную волю в значительной степени как цельную, он отвергает социальный абсолютизм Ж. Ж. Руссо и наделяет человечество способностью бросить вызов и даже преодолеть провиденциальную волю.

Конечно, начинать исследовать эпистемологическую позицию Ж. де Местра следует с изучения его критики философии Ф. Бэкона, но без понимания перспективы и цели размышлений в «Санкт-Петербургских вечерах» картина будет неполной, поскольку именно история является тем экраном, на котором проявляются действия Провидения. Философия познания находит подтверждения и опровержение своих тезисов именно в истории. К этому следует добавить, что для Ж. де Местра социальные институты, особенно религиозные и образовательные, являются сохраняющими и передающими знания. В его исторической социологии они рассматриваются в качестве фундаментальных, с учетом его особого внимания к религиозному аспекту в европейской истории.

Чтобы увидеть более рельефно эпистемологическую позицию Ж. де Местра, следует не упускать из виду его идеологическую борьбу с протестантской, просветительской и ультрапозитивистской идеологией: по сути, он пытался противостоять тенденциям, которые в итоге победили и занимают сейчас доминирующее положение. Для того чтобы показать несостоятельность противников, он пытается опровергнуть те философские системы, на которые они опирались. С этой целью он обращается с тотальной критикой в отношении философии Ф. Бэкона в своей работе, которая была опубликована лишь посмертно, благодаря усилиям его детей, Рудольфа и Констанции.

Он был уверен, что Ф. Бэкон допустил ошибку, полагая, что единственным инструментом человеческого познания может быть только сам человек, и что нужно только «переделать человеческий разум и вооружить его новым инструментом» [Maistre 1998, с. 6–31], Новым Органоном, чтобы человечество смогло подчинить себе природу.

Ж. де Местр представляет процесс приобретения знаний двояким образом: с одной стороны – в виде одной из практических форм самоадаптации, при этом он отвергает самодостаточность для подобной адаптации опосредованного эмпиризма, который продвигался Ф. Бэконом и энциклопедистами, предлагающими рассматривать научный метод в качестве идеального посредника между природой и человеческим разумом, с другой стороны, он полагает, что познание является в значительной степени процессом осознания подсознательных знаний. Здесь имеется в виду платоническая традиция, теория врожденных идей.

Стремление к знанию, к просвещению мотивировано изначально направленностью человеческой воли, желанием человека

восстановить расколотые фрагменты божественного закона, начертанного в мире и выгравированного внутри человеческого сердца, но затемненного грехопадением и первородным грехом. Ж. де Местр, будучи учеником иезуитов, верит, что, в конце концов, осознав свои врожденные идеи, человечество, выброшенное из своего первоначально совершенного духовного состояния, вернется на более высокий уровень существования.

Революционная катастрофа во Франции показала, что прогресс в познании не является линейным. Это было несчастное время для науки, но вместе с тем Ж. де Местр считает, что эти злоключения являются необходимыми на пути к историческому возврату, к первоначальному совершенству.

Как жизнь отдельного человека проходит время подъема и развития, который сменяется закатом и разрушением, точно так же и общественная жизнь претерпевает альтернативные состояния. Этот феномен внутренне включен в закон исторической альтернативы. В «Рассуждениях о Франции» уже есть намек на этот закон, когда революция понимается как период критической дезорганизации, беспорядка, за которым последует рациональное спокойствие.

События революции и последующее правление Наполеона подтолкнули Местра на написание книги «Du Pape» («О Папе») [Maistre 1966], в которой он постарался обосновать право Церкви на политической контроль в светской сфере, в точной согласии с его верой, что только Церковь может дать народам Европы свободу. В «Du Pape», с его горячей защитой церкви в ее земном измерении, утверждается, что папы в тяжелые времена должны обладать верховным суверенитетом, для того чтобы избежать революций.

Именно духовное основание становится причиной, созидающей умиротворенное единство наций, в то время как индивидуальный разум порождает эфемерные связи между странами, как правило, связанные страстями. Для Ж. де Местра христианство было главным творцом гражданской свободы в истории, где духовенство выступало в качестве учителей. Его теория свободы основывается на убеждении в том, что именно христианство порождает общественно-политический строй, который сделал Европу свободной.

Россия занимает важное место в творчестве полномочного посла королевства Сардинии и Пьемонта, в частности и в связи с контекстами «Du Pape». Маловероятно, что он написал бы эту книгу где-нибудь еще, потому как именно в России он наглядно видел пример

той ситуации, когда Церковь полностью подчинена светской власти, и негативные последствия этого подчинения. Опыт России подтолкнул его более пристально рассмотреть историческую роль Западной церкви.

В первой половине XIX в. теоретические рассуждения консервативного мыслителя обладали сильным моральным авторитетом и занимали прочное место в социальном и историческом дискурсе во Франции. Его теоретические разработки становятся общим местом для традиционализма, позитивизма, ранней социологии и совершенно новой науки: моральной статистики.

Как было уже отмечено, некоторые идеи савойского контрреволюционера были влиятельными уже во времена Директории и Наполеона. Его эссе о Ж.-Ж. Руссо [Maistre 2008] текстуально свидетельствует о наличии у него ранней теории моральной статистики, предназначенной для моделирования исторического развития, а «Рассуждения о Франции» [Местр 1997] выступили в качестве популяризатора принципов и основным источником моральной статистики. В 1798 г. Директория заменила территориальное описание социальным, что стало особым рода бюрократической революцией, неожиданно сделавшей из статистики инструмент для оценки состояния умов, нежели просто подсчета материальных ресурсов.

Моральная статистика Жозефа де Местра в том виде, как она представлена в его эссе о Ж.-Ж. Руссо, становится инструментом, с помощью которого можно управлять политическим развитием. Идея заключалась в том, что сбор фактов о моральной природе человека поможет заменить историческое насилие спокойной социальной жизнью, что человечество сможет остановить историю и в конечном итоге освободится от насилия. Стремление Директории состояло в том, чтобы обновить социальную жизнь, стараясь установить порядок порядка, а это тот самый порядок, который, как настаивает Ж. де Местр, лучше всего обеспечивает монархия. Также для того, чтобы лучше сплотить общество, следует представить анализ истории европейских войн в их моральном, нравственном измерении.

Продолжая тему интеллектуальной родословной, прослеживающей влияние консервативного мыслителя на последующую мысль, нужно отметить его связь с позитивизмом. Ж. де Местр использует понятие факта в своей книге «Du Peuple», развивая морально-исторический аргумент относительно политической природы христианской Европы.

В своих рассуждениях о взаимоотношениях между фактом и истиной О. Конт адаптировал идеи савойца; он был уверен, как и Ж. де Местр, что факты, по своей сути, «правы» в тройном смысле: полноты истины, здравого смысла и моральной доброкачественности. В его понимании факт становится исторически регенеративным, в него неразрывно включен священный знак, он способствует историческому процессу, который, в свою очередь, имеет неудержимую тенденцию к предстоящей божественности как норме. В подобной перспективе период насилия сам по себе предстает как время кризиса, появляется надежда, что в конечном счете всё стремится к тому, чтобы положить конец страданиям раз и навсегда.

В этом контексте особое отношение к памяти как таковой характерно для французских образовательных парадигм в девятнадцатом веке. Некоторые дисциплины призваны делать особые усилия, чтобы положить конец социальному беспорядку, продвигать свободу и содействовать социальной интеграции путем накопления морального знания. По этой причине О. Конт проектировал энциклопедическую религию, требующую многолетних исследований; это был его план попытаться ускорить конец истории.

Постреволюционная общественная мысль во Франции, как никогда до этого, была занята исследованием вопроса о насилии. Среди католических мыслителей, унаследовавших прямо или косвенно социологию знания Ж. де Местра, можно назвать Л. Ботена, и Ф. Ламенне. Традиционалистская теория свободы разработана на основе религии, главной организующей силы общества, порождающей гражданские, социальные и политические свободы через стимуляцию участия в общественной жизни и управление протестными настроениями.

Террор Французской революции вызвал желание более детально проанализировать роль и значение жертвы в истории. Парадоксальным образом, она выступает двигателем истории, одним из ее символов и катализаторов. У Ж. де Местра Французская революция выступает в качестве наказания и одновременно искупления, она становится источником размышлений об историческом значении жертвы и жертвенности. Аббат Э. де Женуд еще явно не сравнивает жертву Христа с казнью Людовика XVI, как это сделали Ж. де Местр и Ф. Р. де Шатобриан, однако проводит явную параллель между королевской жертвенностью и страданиями Христа. Позже Ф. де Ламенне свяжет страдания и исторический прогресс более явно, представляя

жертву христианства как ключ к пониманию конца мира. Это было только началом для множества философий истории, вдохновенных Местром, рассматривающих страдания в качестве двигателя истории. Речь идет не только о таких мыслителях, как Ф. де Ламене или Ф. Жербе, они были первыми, кто взял это на вооружение, но идеи Ж. де Местра повлияли также и на П. С. Балланша, О. Конта и А. Сен-Симона, которые предложили собственные стратегии, чтобы остановить насилие и тем самым завершить историю.

Рассматривая спекулятивную философию истории Ж. де Местра как метаполитику в ее моральном аспекте, можно сопоставить ее с системами А. Сен-Симона, П. С. Балланша, Ф. Ламенне, О. Конта, П. Ж. Прудона и Ж.-Б. А. Лакордера. Эти социальные мыслители XIX в. унаследовали от Местра деление истории на разные эпохи, характеризующиеся различными типами религиозной организации, политических режимов и эпистемологических парадигм.

Все эти мыслители предполагают, что история и политика могут быть направляемы при манипулировании религией или ее функциональной замене. Все они хотели двигать историю к «третьему откровению». Эта религиозная утопия о конце времен, которую Местр переработал на основе учения И. Г. Гердера, вдохновила французских социалистов больше, чем любая другая местерианская тема. Речь идет о том, что время – это что-то принудительное, что-то, что требует своего окончания, и что человечество быстро движется в сторону таинственного единства. Но, если А. Сен-Симон и Ф. Бюшез думали о том, как реформировать христианство, то О. Конт и Б. П. Анфантен считали, что лучше создать новую религию, а П. Ж. Прудон хотел установления нового порядка управляемого разумом; П. С. Балланш помещает штурвал истории в руки саможертвенных поэтов, которые могли бы научить мудрости целостного культа; только Барбей д'Оревилль в возможность управления временем не верит.

Возвращаясь к книге К. Армантерос, которая описывает и детально анализирует историческую мысль Ж. де Местра, чтобы собрать вместе различные части его исторической философии, и очертить контуры ее успеха и упадка в девятнадцатом столетии, мы находим портрет знаменитого идеолога традиционализма и консерватизма как одного из самых влиятельных теоретиков истории в начале XIX в.

Примечательно, что интерес к творчеству Ж. де Местра сохраняется вплоть до сегодняшнего дня, периодически вспыхивая с

особой интенсивностью. Удивительно, но вопросы, которые поднимал савойский аристократ, не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Точно так же мы периодически слышим критику чисто умозрительных подходов в политическом планировании и конструировании, как и предупреждения об опасности злоупотреблений идеологией универсального человека в ущерб национальным идентичностям. Как и во времена, когда жил Ж. де Местр, перед Европой до сих пор стоят вопросы стратегического осмысления дальнейшего развития в контексте отношений с Россией [Рукавицын 2017]. Эти отношения по-прежнему остаются сложными и по-прежнему требуют своего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлин И.* Жозеф де Местр и истоки фашизма // *Философия свободы. Европа.* М. : НЛО, 2001. 448 с.
- Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции. М. : Росспэн, 1997. 216 с.
- Рукавицын П. М.* Закат Европы? // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки.* Вып. 1 (778). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 52–61.
- Armanteros C.* The French Idea of History: Joseph de Maistre and his Heirs, 1794–1854. New York and London : Cornell University Press, 2011. 361 p.
- Maistre J. de.* Du Pape. Genève : Librairie Droz. 1966. 368 p.
- Maistre J. de.* Ecrits sur la Révolution. P. : Quadrige / Presses Universitaires de France, 1989. 246 p.
- Maistre J. de.* De la souveraineté du peuple, un anti-contrat social. P. : Puf, 1992. 296 p.
- Maistre J. de.* An Examination of the Philosophy of Bacon. Monreal & Kingston–London–Buffalo : McGill-Queen’s University Press, 1998. 331 с.
- Maistre J. de.* Contre Rousseau, De l’état de nature. P. : Mille et une nuit, 2008. 96 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки	VESTNIK of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences
Выпуск 2 (791)	Issue 2 (791)

Ответственные за выпуск 2 (791):

д-р филол. наук, доц. Л. Д. Исакова
(*ответственный редактор*);
канд. филол. наук, доц. С. А. Волина; канд. филол. наук, доц. С. А. Петрова;
канд. филол. наук, доц. Н. А. Якубова; С. Н. Эйснер;
А. А. Козлова (*ответственный секретарь*)

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 29.03.2018 г.
Усл. печ. л. 18. Формат 60x90/16
Заказ № 34

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=rus&vest_type=gum
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ
Ссылка на издание обязательна